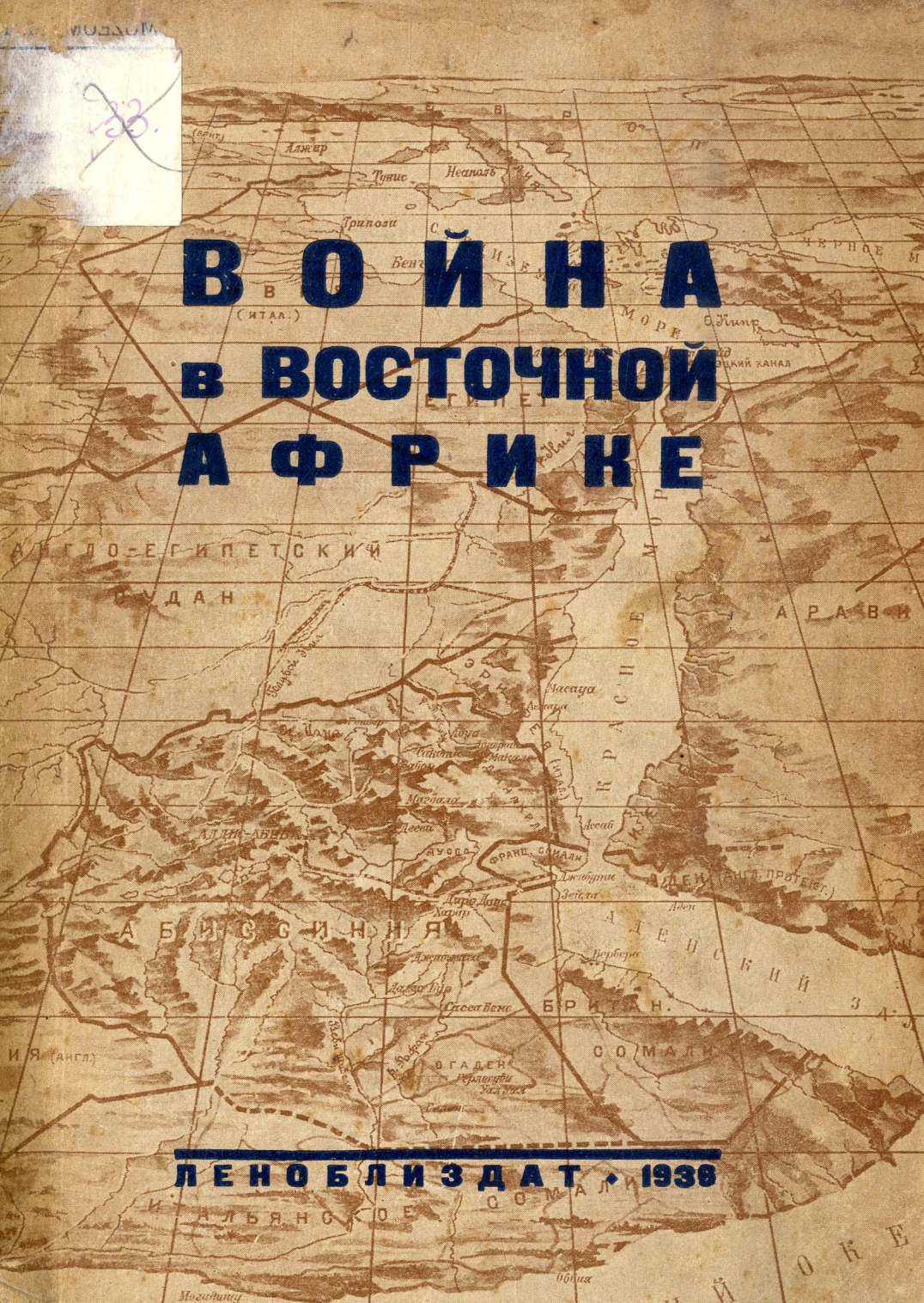

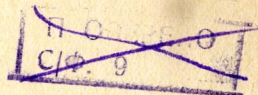
ВОЙНА в ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Л Е Н О Б Л И З Д А Т . 1936

10

Р. К. 11
7699

~~11.733.~~

В О Й Н А в ВОСТОЧНОЙ А Ф Р И К Е

Св. см. М. СССР
1973, ч. II

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
44-я	10—11-я снизу	направления	направления
45-я	24-я снизу	обстоят	обстоять
57-я	14-я сверху	конфликте.	конфликте.
61-я	10-я снизу	инструкций,	инструкций,
72-я	11-я сверху	предусматривающей	предусматривающей
85-я	25-я снизу	экономичекой	экономической
130-я	14-я снизу	санкций.	санкций.
138-я	19-я сверху	языка гзз,	языке гез,
139-я	19-я сверху	христинство	христианство
151-я	4-я сверху	на вемстном	на местном
152-я	18—19-я снизу	преимущество	преимущественно
161-я	20-я снизу	принадлежит	принадлежат
180-я	8-я снизу	разрозненные	разрозненные
182-я	29-я снизу	раздробленность	раздробленность
182-я	28-я снизу	империалистиче- ских	империалистиче- ским
183-я	13-я сверху	статус-кто	статус-кво

T3(411+)62-69
+ T3 (67p/61-682

Днів. Бібліотека
У АН. УРСР

Днів. Бібліотека
У АН. УРСР
6811

ПОДГОТОВКА ВОЕННОЙ АВАНТЮРЫ ИТАЛЬЯНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

НОВЫЙ ЭТАП В БОРЬБЕ ИТАЛЬЯН- СКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА ЗА КОЛОНИИ

Вспыхнувший в конце 1934 г. конфликт между Италией и Абиссинией и развернутые Италией в последующие месяцы грандиозные приготовления к войне против Абиссинии ясно указывали на то, что итальянский империализм приступил к разрешению задачи **создания крупной колониальной империи** в Северо-восточной Африке.

Для того, кто следил за развитием внешней и внутренней политики итальянского фашизма, в этом нет ничего неожиданного. В продолжение многих лет итальянская официальная и полуофициозная печать упорно и настойчиво доказывала необходимость расширения колониальных владений Италии. Борьба за колонии является одним из существеннейших элементов внешней политики итальянского фашизма. В итальянской печати и, в особенности, в специальных изданиях, посвященных колониальным вопросам, была до мельчайших подробностей разработана широкая программа колониальной экспансии. Однако, до последнего времени оставалось неясным одно обстоятельство: **откуда** начнет итальянский империализм осуществление этой программы? Сейчас мы имеем уже совершенно ясный ответ на этот вопрос: первым этапом в осуществлении колониальной программы итальянского империализма должно явиться завоевание **Абиссинии**.

Как известно, территориальный раздел мира в основном был завершен еще в эпоху промышленного капитализма, причем естественно большая часть колониальных территорий попала в руки **старых** капиталистических стран, которые в этот период были наиболее сильными. Между тем, к концу этой эпохи на сцену выступил ряд **молодых** капиталистических стран (Германия, Япония, Италия), которые развивались ускоренным темпом и быстро догоняли по уровню своего экономического развития опередивших их конкурентов. Эти страны молодого финансового капитала в своем стремлении к колониальным захватам столкнулись лицом к лицу с тем фактом, что раздел мира в основном был уже за-

кончен и что уже почти не осталось «свободных», никем из империалистов не захваченных территорий. Таким образом, для них единственным способом удовлетворения стремлений к колониальным захватам оказался передел колоний, т. е. империалистическая война. «Закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы **уже поделенного мира** в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма...» (**Сталин**).

* * *

Первые признаки «нового курса» в абиссинской политике Италии относятся еще к **концу 1933 г.**

Однако, тогда Италия еще не решалась открыто выступать с требованием предоставления ей исключительного влияния в Абиссинии. Год спустя это требование формулируется уже совершенно откровенно.

Кампания итальянской печати против Абиссинии и все более откровенные заявления итальянских деятелей о необходимости «урегулировать» абиссинский вопрос вызвали усиленные слухи о том, что Италия намеревается установить свой протекторат над Абиссинией. В виду повторных заявлений итальянских газет о мнимых военных приготовлениях Абиссинии на границах Эритреи и итальянского Сомали, абиссинское правительство сочло себя вынужденным сделать через своего посла в Риме официальное заявление об отсутствии у него каких-либо агрессивных намерений в отношении итальянских колоний.

К **концу 1934 г.** предварительная подготовка и обработка итальянского общественного мнения, а также и дипломатические переговоры с Францией зашли уже так далеко, что можно было от слов перейти к делу. Как и всегда в таких случаях, «дело» начинается с «пограничных инцидентов». И вот с ноября 1934 г. эти «инциденты» **начинают сыпаться, как из рога изобилия.** Впрочем, первый инцидент из этой серии произошел довольно далеко от границы, а именно в торговом городке Северной Абиссинии **Гондаре**, где Италия имеет свое консульство. Здесь произошло столкновение между туземной охраной итальянского консульства и группой местных жителей. В результате столкновения двое солдат из охраны были убиты и трое ранены. Италия потребовала наказания виновных, материального возмещения и оказания «почестей» итальянскому флагу, что и было выполнено Абиссинией.

Гораздо более серьезное столкновение произошло 5 декабря 1934 г. возле колодца **Уал-Уал** в юго-восточной абиссинской провинции Огаден, пограничной с итальянским Сомали. Здесь разыгралось форменное сражение между местным итальянским гарнизоном (Италия ввела свои войска в Уал-Уал еще в 1929 г.) и отрядом абиссинских войск, эскортировавшим смешанную англо-

абиссинскую комиссию, которая должна была выделить пастбища для пользования кочевых племен английского Сомали. В результате сражения абиссинцы потеряли 107 человек убитыми и 45 ранеными, а итальянцы — 60 убитыми и 400 ранеными. Поскольку инцидент в Уал-Уале сыграл крупнейшую роль в дальнейшем развитии событий, на нем следует остановиться подробнее.

Уал-Уал, расположенный в 240 английских милях от побережья Индийского океана, является одним из нескольких колодцев, расположенных в пустынной зоне Юго-восточной Абиссинии. Точного размежевания границ между итальянским Сомали и Абиссинией здесь еще не произведено, что дало итальянцам возможность выдвинуть свои притязания на этот пункт, хотя, по всем данным, не подлежит ни малейшему сомнению, что Уал-Уал находится на территории Абиссинии. Англо-абиссинская смешанная комиссия по проведению границ прибыла в Уал-Уал еще 23 ноября, но здесь встретила итальянский отряд, который не разрешил ей следовать дальше. Вызывающее, провокационное поведение начальника итальянского отряда капитана Чиммарута как в отношении всей комиссии в целом, так и в особенности в отношении абиссинского представителя в ней, засвидетельствованное не только официальными документами, но и заявлениями английского представителя в комиссии, полковника Клиффорда, не оставляет никакого сомнения в том, что ответственность за столкновение ложится на итальянское командование.

В течение двух недель оба отряда — абиссинский и итальянский — стояли лагерями друг против друга. Итальянцы использовали это время, чтобы стянуть к Уал-Уалу значительные подкрепления: 5 декабря внезапно и без предупреждения одна сторона напала на другую (по итальянской версии, напали абиссинцы; последние же утверждают, что они подверглись нападению итальянского отряда). Завязалось сражение, в котором с итальянской стороны участвовали два танка и эскадрилья аэропланов. В результате сражения абиссинцы отошли от Уал-Уала. Абиссинское правительство на следующий же день заявило протест Италии. Через три дня итальянские аэропланы вновь бомбардировали расположенные неподалеку от Уал-Уала абиссинские селения Адо и Герлогуби.

28 декабря произошло новое столкновение у **Герлогуби** (пункт, занятый абиссинским гарнизоном).

В то время как конфликт в Абиссинии принимает все более и более острый характер, в Европе происходят новые чреватые последствиями события. **7 января**, в результате длительных переговоров **между Францией и Италией**, в Риме Лаваль и Муссолини подписывают пресловутый **пакт**, который в значительной степени развязывает Италии руки для активной политики экспансии в Абиссинии.

Устранив на несколько месяцев опасность рассмотрения конфликта в Лиге наций и рассчитывая, если не на активную поддержку, то на нейтралитет Франции и Англии, Италия присту-

пила к следующей фазе осуществления своих планов в Абиссинии — фазе непосредственных военных приготовлений крупного масштаба. Предлог для этого нетрудно было найти. 9 февраля итальянские газеты сообщили о происшедшем еще в конце января новом кровопролитном столкновении в том же районе Уал-Уала — на этот раз у Афдуба, который будто бы подвергся нападению со стороны абиссинского отряда. Далее сообщалось, что в пограничных районах Харара концентрируются крупные силы абиссинцев — якобы до 80 тыс. человек. Почти одновременно с появлением этих сообщений 11 февраля было опубликовано итальянским правительством краткое официальное коммюнике, в котором сообщалось, что «в качестве меры предосторожности» между 5 и 11 февраля были **мобилизованы две дивизии**.

Мобилизация двух дивизий открывает новый этап в итало-абиссинском конфликте — этап **непосредственной** технической подготовки войны. Правда, уже в течение 1934 г. Италией проводились в значительном объеме мероприятия по укреплению ее вооруженных сил в Восточной Африке.

Однако, на данном этапе такие замаскированные приготовления были уже недостаточны. На очередь стал вопрос о переброске в Восточную Африку крупных воинских частей со всем необходимым вооружением и материальной базой. Февральская мобилизация явилась первым шагом в этом направлении. На ряду с воинскими частями и военным снаряжением в Восточную Африку перевозятся тысячи квалифицированных рабочих (для постройки стратегических дорог, бараков для солдат, укреплений и т. д.), а также огромное количество всевозможных материалов.

* * *

Итальянский империализм спешит использовать благоприятную ситуацию. В июле идеологическая и военная подготовка к абиссинской войне шла на всех парах. 16 июля было опубликовано новое (восьмое по счету) официальное сообщение о военных мероприятиях против Абиссинии (новая мобилизация одной пехотной дивизии и одной дивизии фашистской милиции). Объявлен призыв на действительную службу специалистов саперных и автомобильных частей. Министерство авиации объявило новый набор летчиков и специалистов. Морское министерство сдало заказ на немедленную постройку 10 подводных лодок. Число мобилизованных для абиссинской экспедиции уже к середине июля превысило 250 тыс. человек.

Военные приготовления итальянцев в Восточной Африке далеко не ограничиваются сосредоточением там войск и снаряжения. Одновременно в обеих колониях (Эритрее и Сомали) кипит лихорадочная работа по сооружению казарм для войск, шоссе, дорог, водопроводов, колодцев и т. д. Особенно грандиозный масштаб приняла постройка стратегических путей в Эритрее. Программа дорожных работ предусматривала постройку 16 крупных мостов и 1790 км колесных дорог, в том числе 6 дорог от моря

к плоскогорью и 2 поперечных дорог. Эти дороги должны обеспечить возможность быстрой переброски крупных воинских частей от моря к плоскогорью через полосу пустыни. На этих работах еще в начале их сооружения были заняты 22 тыс. рабочих.

Словом, военная машина заработала полным ходом в ожидании сигнала, чтобы приступить к операции приобщения «варварской Абиссинии» к благам европейской цивилизации при помощи скорострельных орудий, танков, бомбовозов, ядовитых газов и прочих атрибутов современной империалистической культуры.

П. ЛИСОВСКИЙ

Из книги «Итало-абиссинский конфликт», выпущенной 1 сентября 1934 г.

БОРЬБА ВОКРУГ АБИССИНИИ

Итальянские империалисты не впервые протягивают руку к Абиссинии. Уже в течение 70 лет они пытаются обосноваться в Абиссинии, но безуспешно. В 80-х годах прошлого столетия итальянцы воспользовались борьбой между отдельными феодалами в Абиссинии, чтобы обеспечить свой протекторат. Но уже в 1896 г. под Адуей итальянцы были разбиты и изгнаны из Абиссинии.

Две итальянские колонии — Эритрея на северо-востоке африканского побережья и итальянское Сомали на юго-востоке — стали плацдармами для итальянской экспансии. Но всякая попытка итальянцев расширить сферу своего влияния за счет Абиссинии неизменно сталкивалась в то время с сопротивлением главным образом Франции, которая по договоренности с негусом построила железную дорогу, связывающую столицу Абиссинии Аддис-Абебу с французским портом в Красном море Джибути. Опираясь на эту железную дорогу, французы закрепили за собой не только полный контроль над всей внешней торговлей Абиссинии, но и солидное влияние в Аддис-Абебе.

На северо-западе Абиссинии в горных районах расположено многоводное озеро Тана (Цана), питающее своими водами Голубой Нил. А Голубой Нил является основной водной артерией, питающей англо-египетский Судан с его огромными хлопковыми плантациями. Суданский хлопок наравне с египетским определяет существование английской текстильной промышленности. Естественно, что английские империалисты стремятся обезопасить озеро Тана от чьего бы то ни было посягательства. Пока воды озера Тана не принадлежат никакой крупной державе, англичане считают себя спокойными. Еще в 1902 г. они заключили с абиссинским негусом договор, согласно которому без разрешения английского правительства воды озера Тана не могут быть переданы в эксплуатацию какой-либо иностранной финансовой группе или иностранному государству. Следует иметь в виду, что к югу от озера Тана в провинции Годжам имеются обширнейшие территории, пригодные для разведения хлопка, но лишенные воды. Постройка пло-

тины на озере Тана дала бы возможность использовать его воды для орошения этих территорий. Английские хлопковые плантации меньше всего заинтересованы в том, чтобы по соседству с Суданом выросла новая мощная хлопковая база, опасный конкурент. Таковы основные **экономические** интересы Англии и Абиссинии.

Но не менее серьезны и ее **военно-стратегические** интересы. Абиссиния может выставить около миллиона людей, годных для несения военной службы. Установление протектората в Абиссинии какой-либо крупной державы, в данном случае Италии, дало бы возможность превратить этот миллион людей в первоклассную армию, хорошо технически оснащенную. А такая армия, расположенная непосредственно по соседству с итальянской колонией Эритреей, примыкающей к Красному морю, в любой момент могла бы поставить **под удар коммуникационные пути Англии с Индией**. Далее, такая мощная вооруженная сила могла бы быть использована и для завоевательной политики на Аравийском полуострове, т. е. на территории, являющейся преддверием к ближневосточным владениям Англии и к Индии.

В западном же направлении Абиссиния непосредственно примыкает к Египту и к англо-египетскому Судану. И наконец, наличие крупной абиссинской армии под итальянским руководством усилило бы итальянские мечты о реализации плана Итальянской империи в Африке, простирающейся от Триполитании до Индийского океана. Итальянская Абиссиния стала бы проводником интересов итальянского империализма в Африке и тем самым **стала бы мощным соперником Англии в Африке**. Вот почему англичане при первых же известиях о конфликте были взволнованы возможностью итало-абиссинской войны.

Парадоксальность положения заключается в том, что английские политики опасаются как победы, так и поражения Италии. О возможных последствиях итальянской победы говорилось выше. Но и поражение Италии, поражение крупной европейской державы в войне с туземцами, защищавшими свою независимость, могла бы привести к новому подъему национально-освободительного движения не только в соседних Египте, Судане и в аравийских странах, но и в Индии.

* * *

В течение последних месяцев в Италии был мобилизован ряд возрастов, а также батальоны фашистской милиции. В настоящее время итальянская армия насчитывает до 700 тыс. человек. Эти силы собраны, конечно, **не только для войны против Абиссинии, но и для того, чтобы успокоить Францию**. Италия хочет показать, что даже в случае войны в Абиссинии итальянские позиции в Европе не будут ослаблены и что Германия с этой стороны не получит поощрения для выступления в Австрии.

В последние недели международная обстановка еще более осложнилась из-за сепаратного англо-германского морского согла-

шения. И во Франции и в Италии чрезвычайно недовольны действиями Англии. Англия сепаратным соглашением с Германией сама перечеркнула V раздел Версальского договора, хотя в Лондоне в известном соглашении от 3 февраля она обязалась рассматривать проблему морских и воздушных соглашений с Германией только в связи с присоединением Германии к восточному и дунайскому пактам.

В этом столкновении противоречий между европейскими странами итальянская дипломатия черпает уверенность, что ее агрессии в Африке Англия не сможет оказать противодействия. Этим объясняется та резкость, с которой Италия поставила вопрос о протекторате над Абиссинией.

Ю. Р.

«Лен. Правда» от 17/VII-35 г. № 164.

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

ВОЙНА В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Война, начавшаяся в Восточной Африке, является, после захвата Японией Манчжурии, крупнейшим событием, показывающим, насколько обострены противоречия в лагере империализма, насколько велика опасность новой, еще более кровопролитной, еще более опустошительной мировой империалистической бойни.

Во имя чего началась война в Восточной Африке? Во имя превращения полузависимой от иностранного капитала страны исключительно в итальянскую колонию.

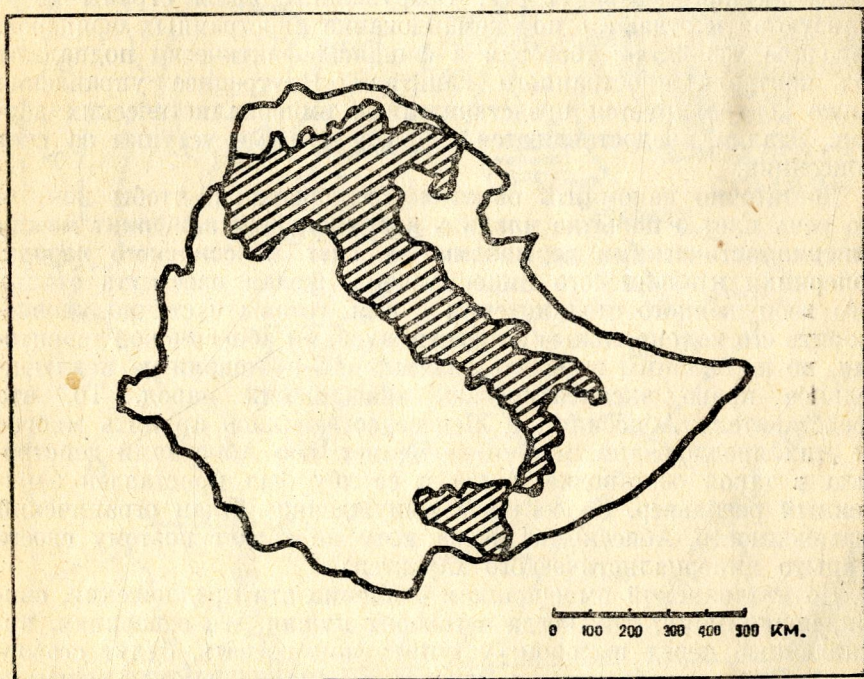
Сам глава итальянского правительства в речи, произнесенной в день «чрезвычайной мобилизации» в Италии 2 октября, указал на причины войны итальянского империализма против Абиссинии. «Италия, — говорил он, имея в виду версальский раздел мира, — получила лишь крохи богатой колониальной добычи». Против Италии, говорится дальше в этой речи, «пытаются совершить самую свирепую несправедливость, а именно, не допустить нас к нашему местечку под солнцем». Но почему это «солнце» находится именно в Абиссинии? Почему именно она привлекает к себе аппетиты итальянского фашизма?

Итальянский империализм решился на войну против Абиссинии потому, что эта последняя является слабой, отсталой страной. Если бы Абиссиния представляла собой сильную державу, итальянский империализм не рискнул бы напасть на ее границы. Это только подтверждает, что в нынешнем выступлении против более слабого народа итальянский фашизм руководствуется старым волчьим законом империализма: «Ты слаб — значит ты неправ».

Но слабая Абиссиния является предметом соперничества сильнейших империалистических государств. Та империалистическая держава, которая станет твердой ногой в Абиссинии, получит в свои руки ключи к важнейшим морским путям сообщения Британской империи — Суэцкий канал, Красное море — и ее владениям в Юго-восточной и Восточной Африке.

Итальянский фашизм полагает, очевидно, что чем безудержней будет его агрессия, чем решительнее он будет грозить превращением войны в Абиссинии в общеевропейскую войну, тем вернее

он добьется своей цели. Он исходит из того, что противоречия между Англией и Францией, боязнь выступления фашистской Германии в случае осложнений между бывшими союзниками в конце концов вынудят великие державы согласиться на расширение Итальянской колониальной империи за счет Абиссинии в сторону Красного моря и Аденского залива. **Итальянский империализм вступает в борьбу за новый передел мира, в первую голову колоний.**

Схематические размеры Италии и Абиссинии. Карта Италии на фоне карты Абиссинии показывает, что Абиссиния почти в 4 раза больше Италии.

Итало-абиссинский конфликт, ныне переросший в войну, непосредственно затрагивает интересы почти всех крупных и малых капиталистических стран. Многие из них противятся итальянским планам. Если речь идет о малых капиталистических странах, то их отрицательное отношение к нападению Италии на Абиссинию более чем понятно: они ясно предвидят, какими последствиями грозит война в Восточной Африке; они понимают, что германский фашизм воспользуется борьбой между крупными державами, чтобы поступить с малыми европейскими странами так, как итальянский фашизм поступил с Абиссинией.

Крупные империалистические державы так же пытались предотвратить войну в Абиссинии, как, повидимому, будут стараться ограничить начавшиеся военные действия; они хотели бы предот-

вратить, в частности, переход Италии на сторону фашистской Германии, иными словами, — не допустить резкой перегруппировки сил в своем лагере, нарушения того неустойчивого равновесия, которое ныне характеризует положение в капиталистическом мире.

Позиция этих держав выражена в ряде предложений, которые сводятся к тому, что над Абиссинией учреждается протекторат. Иначе говоря, она лишается политической, административной и экономической независимости. Вооруженные силы страны реорганизуются и отдаются под командование иностранных офицеров. Народное хозяйство, торговля и финансы фактически подпадают под контроль иностранного капитала. Внутреннее управление также контролируется представителями империалистических держав. Италии предоставляются территориальные уступки за счет Абиссинии.

Достаточно напомнить об этих предложениях, чтобы понять, что речь идет о **попытке уладить колониальный конфликт между империалистическими державами за счет абиссинского народа.** Соперники итальянского империализма, желая избежать открытого вооруженного столкновения с ним, готовы частично удовлетворить его колониальные аппетиты кусками абиссинской территории, но не склонны признать главных его претензий на исключительное право эксплуатировать абиссинский народ. То, что представители Абиссинии в Женеве согласились принять многие из этих предложений, ничего не меняет, ибо Абиссиния действовала в такой обстановке, когда к ее лбу был приставлен заряженный револьвер. Ее согласие вынужденное. План ограничений независимости Абиссинии ни на йоту не теряет поэтому своего открыто империалистического характера.

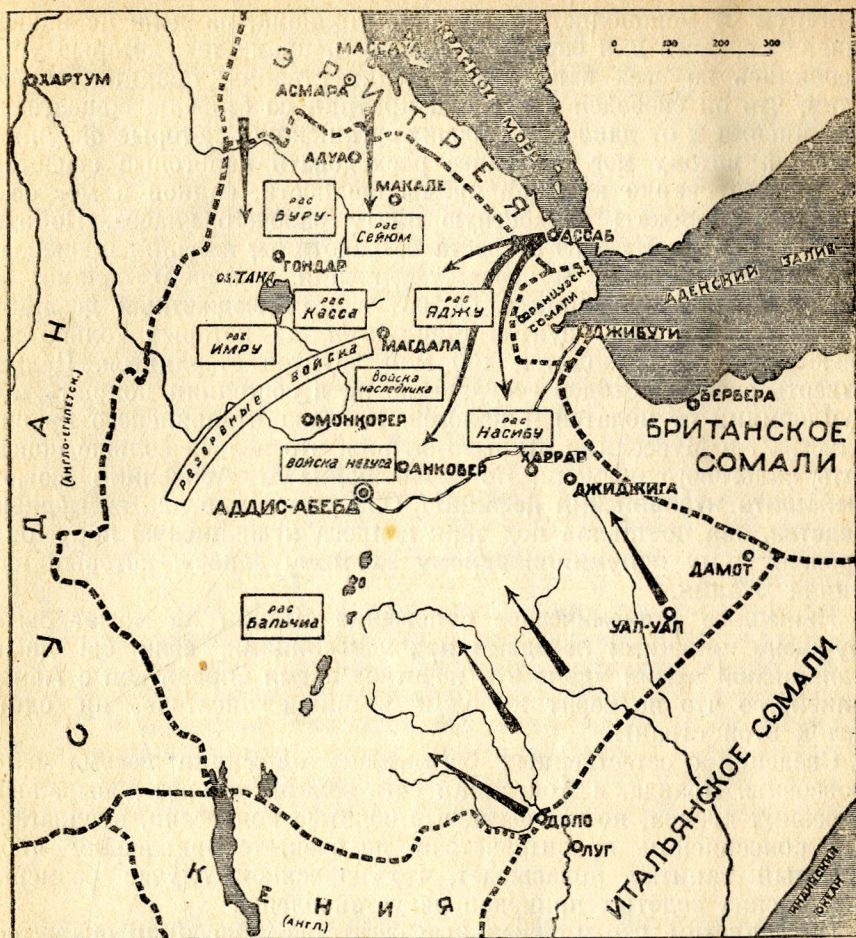
Но итальянский империализм отклонил эти предложения, считая, повидимому, что, когда заговорят пушки, его соперники, поставленные перед выбором: уступить или воевать, будут сговорчивей. Войска, собранные в Эритрее и Сомали, двинуты в наступление.

В народных массах нарастает возмущение против империалистических агрессоров. Защита дела мира требует совместных единодушных усилий всех сторонников коллективной безопасности.

«Правда» от 5/IX-35 г. № 273.

ВОЙНА ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ ПРОТИВ АБИССИНИИ

Империалистический характер итальянской войны против Абиссинии не подлежит никакому сомнению, и вопрос состоит только в том, в каком отношении находится это нападение к современному экономическому состоянию Италии и внутривосточному положению итальянского фашизма. Последний выдвигал в оправдание своего стремления к завоеванию Абиссинии старые, избитые аргументы о том, что Италия не имеет ни угля, ни железа.

Предполагавшееся наступление итальянских войск в начале войны.

ни нефти, ни хлопка, что она есть страна с растущим перенаселением, от которого ее не может больше избавить эмиграция, ибо Америка закрыла двери для эмигрантов.

Европейская буржуазная печать, враждебно относящаяся к итальянскому фашизму, со своей стороны объясняла абиссинскую политику Италии **обострением внутреннего положения итальянского фашизма**, падением его престижа в результате кризиса. И аргументы итальянского фашизма и оценка его положения, данная либеральной европейской печатью, заслуживают разбора, если мы хотим добраться до существа **движущих сил абиссинской политики Италии**.

Да, Италия пострадала не менее жестоко от **кризиса**, чем другие капиталистические державы. Фашизм, притворяющийся, что он представляет собою какую-то особую экономическую систему,

отличную от монополистического капитализма, на деле не нашел никаких средств для борьбы с кризисом, кроме тех, которые употреблялись во всех капиталистических странах. Разница только в том, что он свободен от всякой критики со стороны общественного мнения и от давления рабочих организаций, которые он уничтожил, а потому мог свободнее расходовать налоговые средства на субсидирование крупной промышленности, банков и мог беспощаднее понижать заработную плату рабочего класса. Но эти меры не спасли Италию от роста безработицы, падения производства, падения вывоза и ввоза, ухудшения торгового баланса и роста бюджетного дефицита. С 1931 г. этот **бюджетный дефицит составляет 250 млн. фунтов стерлингов**, из которых только на последний год приходится 100 млн. фунтов стерлингов. Целую четверть своих расходов государство не в состоянии покрыть поступлениями от податей и налогов. И глава итальянского правительства г-н Муссолини открыто заявил, что нельзя больше повышать налогового бремени. **Но разве война в Абиссинии может уменьшить итальянский дефицит?** Она уже поглотила громадные средства, она поставила под знак вопроса итальянскую лиру, она угрожает тому **полумиллиардному золотому запасу**, который накопила Италия.

Нынешнее экономическое положение Италии не может быть улучшено никакими победами над абиссинцами, если бы даже итальянской армии удалось в короткое время справиться с Абиссинией, во что не верят ни один военный писатель, ни один знаток этой страны.

Сведения о естественных богатствах Абиссинии весьма мало проверены. Правда, в Абиссинии есть золото, которое добывалось с древних времен, но тот факт, что золотые концессии, предлагаемые абиссинским правительством, не очень-то привлекали иностранный капитал, показывает, что во всяком случае размеры абиссинских золотых приисков не установлены.

Но допустим, что минеральные богатства Абиссинии окажутся очень значительными. Возможность развития хлопководства, кофейных плантаций, скотоводства вообще не подлежит сомнению. Но и в этом случае **нужны миллиардные средства и по крайней мере десяток лет** после весьма продолжительной войны за Абиссинию, чтобы последняя могла стать источником серьезной эксплуатации.

Что же касается влияния этой возможной эксплуатации на проблему **перенаселения** Италии, то связь между этими двумя вопросами полностью выдуманна. Английский пастор **А. Ф. Матью**, работающий долгое время в Абиссинии, в письме своем в редакцию «Таймс» доказал, что ни о каком массовом поселении итальянцев в Абиссинии и речи быть не может.

«О каком поселении идет речь? — писал он. — Идет ли речь о такой колонизации, которая имела место в **Кении**¹, где колони-

¹ Английская колония в Африке.

сты захватили большие пространства земли, а работают туземцы, или же о такой, как в Канаде, где колонисты работают сами... В Абиссинии нет земли, которая могла бы помочь устранить перенаселение Италии. Если дело идет о канадском типе колонизации, то как можно утверждать, что плоскогорье, поднимающееся до шести тысяч футов или больше под тропическим солнцем, великолепно подходит для европейской колонизации? **Какие размеры имеет пригодная земля в Абиссинии?** Очень просто при помощи карты приблизительно определить площадь, занимаемую абиссинским плоскогорьем, но сколько из этого надо скинуть на горы, на землю, непригодную для обработки, и т. д., кто это может знать?»

В дальнейшем автор указывает, что на территории итальянской колонии Эритреи находится часть плоскогорья, совершенно похожего на абиссинское. **Во всей Эритрее живет 3500 европейцев.** «Сколько из них чиновников военных и гражданских, торговцев, миссионеров и сколько крестьян, нашедших землю, чтобы ее обрабатывать рука об руку с жителями Эритреи и развивать ее производительные силы?» — спрашивает иронически автор. Он абсолютно прав. В лучшем случае после многих лет войны, после вложения громадного капитала, которого у Италии нет, **Абиссиния могла бы стать источником наживы нескольких десятков или сотен капиталистических плантаторов и поставщиков известного количества сырья для группки капиталистических концернов.** Попытка прикрыть империалистические нападения на Абиссинию фантазией о поселении там хотя бы сотен тысяч итальянских крестьян не выдерживает никакой критики фактов. Перспективы же снабжения капиталистической Италии дешевым сырьем в размерах, разрешающих сырьевой вопрос для Италии, научно не обоснованы.

* * *

Так что же, мы имеем здесь дело просто с авантюрой, порожденной безысходным положением итальянского фашизма, или результатом простых мечтаний о могуществе? И то и другое суждения были бы **очень поверхностными.** Итальянскому фашизму удалось на время раздавить массовые рабочие организации и распылить крестьянскую оппозицию, ослабленную при этом сделкой римского папы с итальянским правительством, которая заставила партию «Популяри», связанную со значительными крестьянскими массами и руководимую Ватиканом, отказаться от оппозиционной работы. **Перед началом абиссинской войны итальянский фашизм внутри страны находился в меньшей степени под угрозой, чем германский.** О простых авантюрах, вызванных воспоминаниями о величии Римской империи, тоже не может быть речи. Поход на Абиссинию является частью большой программы итальянского фашизма, направленной на передел колоний и на завоевание позиции, соответствующей его великодержавным стремлениям.

Молодая объединенная Италия была чересчур слабым капиталистическим государством, чтобы получить больше, чем объедки, при разделе колоний, происшедшем в 90-х годах. Так как она стремилась к захвату этих колоний на Средиземном море, на Красном море, встречаясь с сопротивлением Франции и отчасти даже Англии, то она заключила союз с Германией и Австрией, чтобы обеспечить себе тыл. Когда началась мировая война, Италия предъявила этим государствам требование о предоставлении ей хотя бы господства на Адриатическом море, как исходной позиции для завоевания Балкан. Получив отказ, Италия перешла на сторону Антанты, которая в **договоре от 1915 г.** обещала Италии требуемые ею территории за счет Австрии и африканские колонии, а также часть Турции.

Но поражение под Капоретто и состояние, в котором Италия находилась при окончании войны, сделали из нее партнера, с которым более сильные из победоносных империалистических держав могли не считаться.

На-днях «Таймс», отвечая на жалобы Италии, что ее обошли при дележе колоний, писала, что это было результатом исключительного напора, с которым итальянские представители дрались за свои позиции на Адриатическом море, забыв о колониальных требованиях.

Готовясь к участию в войне за передел мира, которую итальянский фашизм считает неизбежной, он решил **заручиться действительным рычагом, при помощи которого он бы мог поставить реально вопрос о переделе колоний.** Таким рычагом является укрепление итальянских позиций на **Красном море**, через которое проходят основные коммуникационные линии наиболее сильной колониальной державы — Великобритании. Можно сказать, что ведь Италия имеет и теперь **Эритрею и Сомали**, две колонии, расположенные на Красном море и на побережье Красного моря и Индийского океана. Однако, эти колонии представляют собой прибрежную полосу, которая не в состоянии прокормить сколь-нибудь значительные военные силы, и в тылу у этих колоний находится **Абиссиния**. Если рассказы, появившиеся в итальянской прессе за последние недели об опасностях, угрожающих теперь итальянским войскам со стороны Абиссинии, представляют собой простой вымысел, то не подлежит сомнению, что **процесс перехода от феодального государства, разрываемого междоусобицей, к государству с центральной властью, пытающейся покончить с самостоятельностью провинциальных феодалов, усилил Абиссинию.** В случае столкновения Италии с более мощными империалистскими державами по вопросу о переделе колоний Абиссиния могла бы быть ими использована против итальянских позиций на Красном море. Исходя из этого, Муссолини поставил себе задачу овладеть Абиссинией для того, чтобы, **расширив и укрепив свои позиции на Красном море, сделать из них могущественное средство влияния на ход той борьбы за передел мира, в приближении которой он убежден.**

Понятно, Муссолини, увлеченный теориями **Дуэ** о роли авиации и **Фуллера** о роли механизации армии, может недооценивать трудности завоевания Абиссинии, но не знать о них он не может. Он, вероятно, исходит из того, что в ближайшие годы ему не удастся полностью подчинить себе Абиссинию. Ведь замирение Марокко продолжалось не менее чем двадцать лет, хотя Марокко находится близко от Франции и Франция располагала колониальной армией, привыкшей к марокканскому театру войны, чего не имеет Италия. Но Муссолини, видно, считает, что если ему удастся рядом бешеных ударов **распылить абиссинские военные силы** и навести страх на население, то подавленные **тенденции разных феодалов, направленные против создания централизованного государства, возьмут верх**, центральная власть полетит и Италии удастся создать феодальную группировку, которая будет в ее руках. Одновременно Муссолини начнет строить дороги, которые позволят ему настолько овладеть Абиссинией, чтобы она не могла быть никем использована против итальянских позиций на Средиземном море, а наоборот, служила **источником, позволяющим увеличить силы Италии в этом пункте**, столь важном для исхода будущей борьбы за передел мира.

* * *

Италия, стремясь к этому переделу мира, поддерживала восставляющийся **германский империализм**, ставящий себе ту же цель. Угроза, что он захватит Австрию и начнет бороться за овладение Балканами и даже за выход к Средиземному морю, оттолкнула итальянский фашизм в лагерь врагов фашистской Германии. Своей абиссинской политикой Италия нащупывала, позволят ли ей Англия и Франция занять **«подобающее» место** в своем лагере.

Она получила решительный отпор со стороны **Англии**, которой громадные военные приготовления Рима к завоеванию Абиссинии показали, что **здесь дело идет о чем-то большем, чем только Абиссиния**, а именно о попытке занять решающее положение на английских коммуникационных путях, исходя из которого можно было бы в будущем развернуть целую программу передела колониальных владений. Италия оказалась перед лицом сопротивления, размеры которого она недооценивала.

Стремление **Франции** ослабить английское сопротивление во имя сохранения Италии, как антигерманской силы, вряд ли приведет к результатам, если дело идет не о временных формах отношений, а о существовании вопроса в решающий момент.

Таким образом, и для **Италии**, и для **Англии**, и для **Франции** встал вопрос об их соотношениях не только в данном конфликте, но на случай европейской войны. Борьба, которая открыто происходит в этом империалистском лагере, и приготовления, которые делает Германия, показывают, что **дело идет об окончательном**

размежевании сил во всем империалистском лагере. Исход этой борьбы определит отношение Лиги наций к борьбе за Абиссинию.

Советский Союз не имеет ничего общего с борьбою за передел мира. Его отношение к итальянскому нападению на Абиссинию определяется двумя основными моментами. Советский Союз — **противник колониальной эксплуатации**, с чьей бы стороны она ни исходила. Советский Союз против всего, что **развязывает силы мировой войны**. Исходя из этого, **Советский Союз — за усиление сотрудничества тех держав, которые готовы защищать мир и готовы дать отпор силам войны.**

КАРЛ РАДЕК

«Известия» от 5/X-35 г. № 233.

УСЛОВИЯ ВОЙНЫ В АБИССИНИИ

В мировой прессе все увеличивается количество статей, разбирающих всевозможные планы итальянской и абиссинской стратегии. Мы не собираемся обогатить мир еще одним планом ведения войны, а хотим только познакомить читателей с **основными фактами**, которые надо принять в расчет при оценке развития военных событий.

Громадное влияние на ход войны оказывает **географический фактор**. Помимо отдаленности Италии на 3—4 тыс. миль от страны, которая должна быть завоевана, существенную роль играет **топография Абиссинии**. С военной точки зрения Абиссиния распадается на две резко отличающиеся друг от друга части. Первая из них это — **гористые области Тигре, Амхара, Шоа, Годжам, Валле**, которые составляют собственно Абиссинию, где живет две трети населения страны. Здесь горы вулканического происхождения; почти каждая из них представляет собою природную крепость, поднимающуюся круто до 4 тыс. м над уровнем моря. Эти горы отделены друг от друга ущельями, реками, через которые не переброшены никакие мосты. Эта область заселена господствующим племенем амхаров и племенем галла. Без полного подчинения себе этой области Италия не достигнет своей цели, если этой целью является не прирезок той или другой части абиссинской территории, а завоевание всего государства. Эти области являются центром Абиссинии, откуда шло завоевание остальных степных или пустынных ее областей.

Вторая часть Абиссинии это — **степные и пустынные области**. Они также отличаются друг от друга по своему характеру. Области, прилегающие к итальянской колонии Сомали, как **Огаден**, где, как известно, в 1934 г. происходили столкновения между итальянцами и абиссинцами, представляют собою степь с очень немногочисленными поселениями. Районы, лежащие между итальянской колонией Эритреей и французским Сомали — область **Данакиль**, — представляют собою песчаную пустыню, в ко-

торой передвигаются кочевники, находящиеся на очень низком уровне культуры. Наконец, взгорья, поднимающиеся в районе между южной частью итальянского Сомали и английской колонией Кения, имеют плодородную почву и открывают широкую возможность для развития плантаций хлопка и кофе.

Условия войны в горных и пустынных районах чрезвычайно отличны друг от друга. В горных областях продвижение при помощи автотранспорта, танков почти невозможно — если не совсем невозможно — **без предварительной прокладки дорог на много сотен километров.** В Данакиле и Огадене механический транспорт возможен, но он требует постоянного подвоза воды, которой в этих областях очень мало. Вдобавок в Огадене начинается именно теперь период малярии.

Центральным пунктом, имеющим большое значение для завоевания горных и пустынных областей, является провинция **Харар** с прилегающей долиной реки Гаваш, через которую проходит **единственная железная дорога** из французского порта Джибути в столицу Абиссинии Аддис-Абебу. Город **Диредава** на этой железной дороге является поэтому тем пунктом, где должны встретиться итальянские войска, движущиеся с севера и юга на завоевание Абиссинии.

* * *

Таковы географические условия войны. Что же касается **живой силы**, которая должна решить участь Абиссинии (мы исходим пока из изолированной итало-абиссинской войны), то Италия сосредоточила в своих колониях Эритрее и Сомали около **250 тыс. войск**, вооруженных по последнему слову техники. Эти войска разделены на северную группу и южную, причем на севере сконцентрировано почти две трети всех итальянских сил. В числе этих войск находятся и **туземные дивизии.**

Кроме того, Италия перевезла в свои колонии около **30 тыс. рабочих** для постройки дорог. Точное количество итальянских самолетов неизвестно, но их во всяком случае больше 500. Главное затруднение итальянских войск состоит в том, что они **абсолютно зависят от снабжения из Италии.** В случае, если бы Суэцкий канал был закрыт, они оказались бы отрезанными от баз питания.

Что касается **абиссинских войск**, то сведения об их количестве не поддаются никакой проверке. На основе критической оценки материала, сообщаемого серьезной прессой и литературой, посвященной Абиссинии, можно сказать, что количество войск, имеющих **современную организацию, снабженных пулеметами и кое-какой артиллерией**, во всяком случае не превышает **50 тысяч.** Войска второй очереди — **регулярные войска феодальных провинциальных князей и губернаторов**, вооруженные винтовками разного образца и уже размещенные в различных пунктах Абиссинии по общему плану. Таких войск будет около **200 тысяч.** Затем

идет ополчение из разных племен, которое будет двинуто в бой под руководством феодальных князей и вождей племен. Это ополчение насчитывает не менее **300 тыс. человек.**

Центральным вопросом, который будет иметь большое значение в дальнейшем разворачивании событий, является **отношение феодальных князей к центральной власти.** Не надо забывать, что процесс централизации Абиссинии, начавшийся в 70-х годах при Федоре II, проходил в постоянной борьбе провинциальных феодалов между собой. Правящий теперь император Хайле Селасси — сын харарского феодального раса (князя) Маконена. Значительное сопротивление оказывали ему другие феодальные князья. Они высказывались то за наследника Менелика II, который, прежде чем стать императором, был феодальным князем в провинции Шоа, то выдвигали свои собственные притязания на престол. Отношения феодальных князей к иностранному нашествию были в разное время разными. Английский генерал Нэпир во время своего похода против императора Федора в 1867 г. не встретил сопротивления со стороны феодалов в провинции Тигре. Наоборот, во время войны с итальянцами в 1896 г. Менелику удалось собрать все северные племена для отражения нападения. **Не подлежит сомнению, что Италия рассчитывает вызвать борьбу в лагере абиссинских феодалов и что она, вероятно, приняла уже известные меры, чтобы заручиться помощью некоторых из них.**

Феодальный характер большинства абиссинских боевых единиц накладывает свой отпечаток и на военную организацию Абиссинии. Войска феодальных князей и губернаторов привыкли повиноваться только своим провинциальным начальникам. **Никакого центрального снабжения армии не существует.** Провинциальные армии должны брать с собою снабжение, что исключает возможность продолжительного пребывания их на фронте.

* * *

Рассматривая свои военные шансы и сравнивая их с тем, как обстояло дело в войну 1896 г., итальянская пресса указывает не только на то, что во время сражения под Адудей итальянский главнокомандующий Баратьерри имел только 20 тыс. войск против 100 тыс. абиссинских войск. Она указывает, что **тогда по существу дело решала винтовка,** теперь же итальянцы будут иметь громадный **перевес огневой силы,** ибо у них **пулеметов** несравненно больше, чем у абиссинцев, не говоря уже об **авиации.** Аргумент насчет огневой силы будет действителен только в том случае, если абиссинское командование пойдет на полевой бой с итальянской армией. Если же, как это можно предположить, абиссинские войска **будут избегать генерального сражения и будут завлекать итальянские войска в глубь страны, чтобы использовать свое великолепное знакомство с топографией местности для партизанской войны,** то вряд ли перевес огневой силы

итальянцев сможет доказать то действие, на которое рассчитывает итальянский штаб. Что касается роли авиации, то генерал Роуан Робинзон, имеющий большой опыт войны в гористом Курдистане и Северной Индии, пишет:

«Итальянцы известны, как искусные и смелые авиаторы. Они имеют сильнейшую авиацию, но их ожидает **большое разочарование, если они надеются на ее мощную разрушительную силу.** Они, понятно, могут разрушить Аддис-Абебу, Харар или Диредаву, но это не окажет **никакого серьезного влияния на развитие военных операций и на силу отпора абиссинского народа.** В Европе существование всякой страны зависит от дюжины других стран, и массы населения, сосредоточенные во всяком городе, зависят не только от импорта из-за границы, но и от состояния железных дорог, связывающих города. Вот почему для них бомбы представляют такую опасность. Они разрывают тонкую паутину современных путей сообщения... Кроме того, атака на источники силы — на фабрики, на арсеналы, на резиденции правительства — все это подрывает возможность отпора... Но доктрина Дуэ¹ применима только к Европе. То, что он писал, не имеет значения в Абиссинии, где нет фабрик, арсеналов и железных дорог. **В Абиссинии народ может разбежаться во все стороны и найти средства для существования.** Абиссиния состоит из бесчисленных деревень, здания в которых построены из глины и дерева. Они могут быть легко разрушены и также легко восстановлены. **В наших боях на севере Индии... мы пришли к убеждению, что разрушение этих жилищ требует громадного количества бомб, значительного времени, причем израсходованная энергия не находится ни в каком соответствии с военным результатом.** Понятно, что достойной мишенью для авиации представляются племена, собранные в одном месте, но этого достигнуть удастся раз или два. Патанам, беду или курдам не нужно было много времени, чтобы найти способ, как защищать себя от огня авиации. Летчик мог много часов летать над горами Вазиристана или Курдистана, не находя этих племен, ибо они скрывались».

Роуан Робинзон считает, что авиация в абиссинской войне в первую очередь будет использована, как средство для подвоза. Он очень скептически относится и к роли **механизированных оружий войны** в таких странах, как Абиссиния. Он пишет:

«Итальянцы не имеют свежего опыта в борьбе в гористой местности против полудивилизованных народов. Они имеют только опыт борьбы на равнинах Триполи и Ливии. Они не замечают, что **современные средства борьбы вместо того, чтобы давать перевес регулярным войскам над нерегулярными, как это предсказывали многие военные авторитеты, усилили позицию горцев, вооруженных современной винтовкой против организованной армии.** В 1860 г. британская колонна, оперировавшая в Вазири-

¹ Итальянский генерал, считающий, что авиация должна сыграть в войне решающую и самодовлеющую роль.

стане, проходила из Джандоля до Макан в четыре дня, в двадцатом году это требовало уже двух месяцев. Эта разница объяснялась задерживающей силой хорошей винтовки в руках искусного партизана. В июле 1933 г. во время французских операций в Атласе, в горах Беду, 7 тыс. туземцев боролись с 35 тыс. французских войск, вооруженных наиболее современными средствами войны. **Непосредственные атаки, поддерживаемые аэропланами и артиллерией, ни к чему не привели».**

Самое большое затруднение, которое ожидает итальянцев в Абиссинии, это — создание и **защита коммуникационных путей**, которые тянутся на сотни километров через горы, где абиссинцы знают каждую тропинку, и через пустыни и степи, где абиссинским всадникам — **абиссинцы считаются очень хорошими кавалеристами** — легче передвигаться, чем итальянским танкам. При походе с севера, из Эритреи, эти коммуникационные пути до Аддис-Абебы составят около 800 км. При походе с юга на Харар речь будет идти о тылах, которые будут тянуться от границы итальянского Сомали до Харара на расстоянии от 300 до 400 км. Если же взять исходным пунктом развертывания наступления итальянский порт в Сомали — Могадишу, то это составит от 600 до 700 км. Надо принять во внимание, что итальянцам придется не только преодолевать эти расстояния, но и все время вести за собою **громадные транспорты снаряжения, продовольствия, горючего и воды**. В продолжение ближайшего полугодия надо будет не только кормить действующую армию, но и **снабжать ее запасами на период дождей**, начинающийся в апреле, когда снабжение станет невозможным. Германский военный писатель **Фридрих Папенхузен** указывает в немецком научном военном журнале «Виссен унд вер» (августовский номер), что во время похода Пэспира в 1867 г. на **четырех солдат надо было иметь пять мулов**, считая на каждого мула от 60 до 100 кг груза. Падеж выючных животных и во время абиссино-английской и во время абиссино-итальянской войны был огромным.

Сведения английской и французской печати о том, что итальянский генеральный штаб и Грациани — покоритель Ливии, командующий теперь южной итальянской группой, высказывались очень энергично против идеи абиссинской войны, считая, что подчинение Абиссинии потребует минимум десятилетия, очень похожи на правду. Какими бы «большими победами» ни началась итальянская кампания, она очень скоро превратится в **изнурительную войну** за каждую пядь земли. Один из военных писателей, изучая условия борьбы за Абиссинию, указывает, что одна из отличительных черт этой борьбы состоит в том, что в **Абиссинии нет не только экономических объектов, захват которых решал бы исход борьбы, но что нет и географических рубежей, имеющих решающее стратегическое значение**. С момента, когда начнется борьба за горную часть Абиссинии, она может быть решена только завоеванием одной горы за другой, постройкой дорог верста за верстой. Если отрезать Абиссинию от железной до-

роги, то это облегчит итальянцам ведение военных действий, но это не будет все же иметь решающего значения, ибо, если Абиссиния будет в состоянии закупить за границей оружие или если одна из держав будет считать полезным для себя снабжать ее оружием, то доставить это оружие можно будет через английские колонии.

* * *

Вот каковы условия итало-абиссинской войны, если оставить даже в стороне другие осложнения, к которым она может привести. Уинстон Черчилль, имеющий опыт бурской и суданской войн, экспедиции в Галлиполи, в своей речи от 26 сентября выразил глубочайшее удивление по поводу того, что Муссолини мог решиться на подобную авантюру:

«Бросать, — сказал Черчилль, — армию в 250 тыс. человек, представляющую цвет итальянской молодежи, на пустынное побережье, отдаленное на 2 тыс. морских миль, выступать против воли всего мира, не имея гарантий безопасности морских коммуникационных путей, — такова тревожащая обстановка, в которой он намерен предпринять ряд походов против народа и против страны, которую ни один завоеватель в продолжение 4 тыс. лет не считал стоящей завоевания. Кто так поступает, тот отдает себя на волю судьбы, как никто за всю мировую историю».

Эти слова Черчилля, который в жизни не раз доказывал, что он сам не является противником риска, отражают не только пессимизм, вызванный английскими желаниями. Поход Италии на Абиссинию будет **одной из самых трудных колониальных войн**, даже если он не вырастет до размеров мирового конфликта.

КАРЛ РАДЕК

«Известия» от 3/X-35 г. № 231.

НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ

Сведения с фронтов итало-абиссинской войны не отличаются ни богатством, ни точностью.

Абиссинское правительство вообще не допускает иностранных корреспондентов на фронт, и они могут в своих телеграммах лишь фантазировать насчет того, что происходит на отдаленных от них многими днями пути различных пунктах, где соприкасаются итальянская и абиссинская армии. Самые важные вопросы, необходимые для реальной оценки военного положения, этими корреспондентами почти не освещаются. Ни один из иностранных корреспондентов в Абиссинии не сумел до этого времени дать конкретную картину **организации** абиссинских армий, показать, в какой мере они действуют, подчиняясь центральному управлению, и в какой мере абиссинские военные силы разрознены на ряд

самостоятельно действующих групп феодальных вельмож. Никто до этого времени не сумел дать конкретную картину снабжения абиссинской армии, без чего очень трудно что-либо сказать, как долго могут оставаться на фронте абиссинские армии.

Корреспонденты, находящиеся на итальянском фронте, были более близко допущены к театру военных действий. Но так как итальянской армии не удалось до сих пор притти в соприкосновение с массой абиссинских войск, то сообщения иностранных корреспондентов сводились в основном к описанию трудностей продвижения итальянской армии и к передаче сообщений об итальянских победах, которые итальянское командование хотело распространять в Европе.

Однако, несмотря на скудость всех этих сведений, требующую особенно критического подхода с учетом и топографии фронта и исторического своеобразия абиссинской армии, не подлежит никакому сомнению, что два месяца войны подтвердили полностью самую пессимистическую оценку затруднений, ожидающих Италию в Абиссинии. Смена итальянского главного командования является лучшим доказательством этого. Мы не знаем всего того, что происходит за кулисами итальянского правительства и что могло повлиять на эту смену. Но не подлежит сомнению, что отозвание генерала де-Бона, принадлежавшего к той части высшего офицерства, которая последовала за Муссолини еще до его прихода к власти, было сопряжено для него с большими внутренними затруднениями, на которые он пошел только под давлением необходимости. Назначение главнокомандующим начальника генерального штаба маршала Бадольо не может не означать намерения значительно изменить метод ведения войны.

Что характеризовало методы ведения войны генералом де-Бона? Де-Бона учел уроки поражения 1896 г. и поэтому старался методически продвигаться вперед, закрепляя за собою занятую территорию и строя линии сообщения с тылом. Он опирался при этом на все завоевания современной военной техники, видя в них главное преимущество Италии в борьбе с величайшими затруднениями, которые представляют географические условия Абиссинии. Эта стратегия де-Бона была бы разумна, если бы Италия имела достаточно времени и достаточно средств для ведения войны. Но технические затруднения продвижения в условиях Абиссинии больших армий оказались непреодолимыми для Италии при всем ее громадном техническом перевесе. Дороги, построенные с громадным трудом и напряжением итальянских саперов и согнанного на работу абиссинского населения, уже после двух-трех недель оказались непригодными для автомобильного и грузового движения. Каждая дивизия требовала в день двух тысяч тонн разного рода снабжения. Перевозки этого снабжения на грузовиках по свежепостроенным дорогам, дорогам небетонированным, приводили в очень короткое время и грузовики и дороги в полную негодность. И даже такой фанатик моторизации, как генерал-майор Фуллер, находящийся теперь на итальянском фронте, был

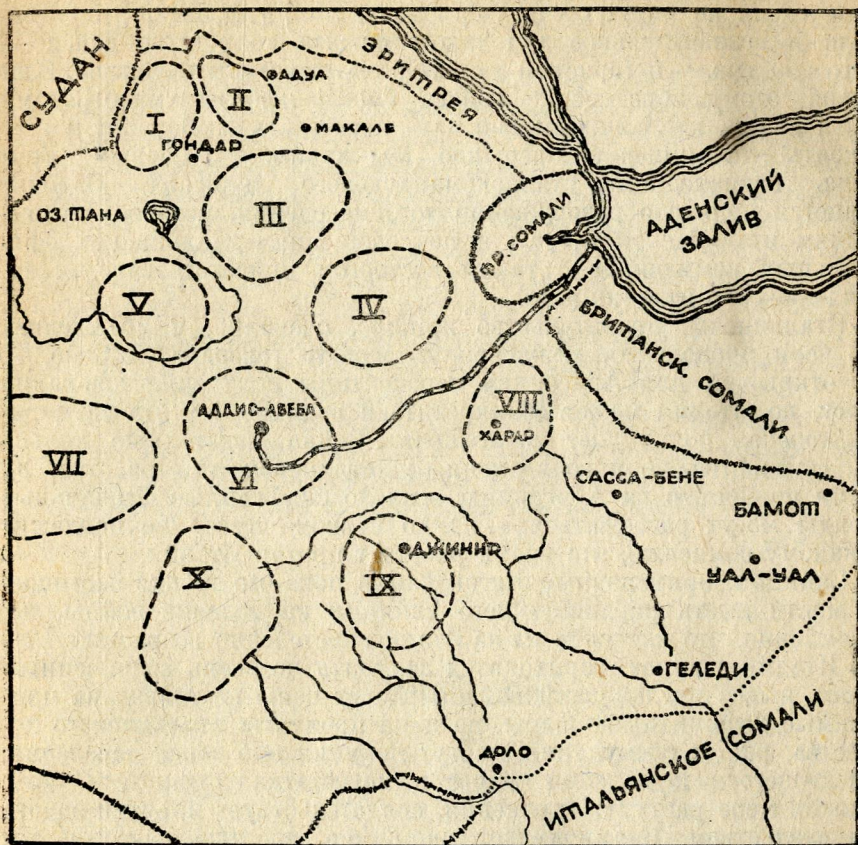

Схема расположения абиссинских войск в начале войны

I. Группа раса Аялу — 60 тыс. человек. II. Группа раса Сейюма — 45 тыс. человек. III. Группа раса Касса — 120 тыс. человек. IV. Группа абиссинского престолонаследника — 80 тыс. человек. V. Группа раса Имеру (силы его группы неизвестны). VI. Силы негуса: 40-тысячная армия, организованная по-современному, и 150 тыс. несколько хуже вооруженных воинов. VII. Группа Габри Мариам — 200 тыс. человек. VIII. Группа раса Насибу — 60 тыс. человек. IX. Группа раса Деста — 40 тыс. человек. X. Группы раса Ман-шаша, раса Вольде Микаэля и раса Гетатшу, всего 80 тыс. человек.

вынужден установить («Дейли мейль» от 19 декабря), что «дороги и грузовики являются по отношению друг к другу «фактором» разрушительным». Мы здесь приводили недавно мнение другого выдающегося теоретика механизированной войны, капитана Лидель Гарта, о том, что генерал Нэпир в 1868 г. и сами итальянцы в 1896 г. передвигались на мулах скорее, чем теперешняя итальянская армия на грузовиках, автомобилях и танках. Вдобавок, продвигаясь на севере на фронте, равном по размерам

западному фронту в мировой империалистической войне, итальянская армия не могла создать сплошной линии фронта. Этому мешали и незначительное для такого фронта количество войск — всего 200 тыс. — и гористый характер театра военных действий. Благодаря этому абиссинские войска смогли небольшими отрядами зайти в тыл итальянским войскам, перерезать сообщения и беспокоить итальянцев непрерывно. Мы видим, что первым актом вновь назначенного главнокомандующего маршала Бадольо является приказ о разоружении того населения, которое, по сведениям итальянской прессы и по сообщениям итальянских официальных коммюнике, с таким восторгом приветствовало «освобождение» их итальянцами.

Итальянское правительство пришло, очевидно, к убеждению, что если продолжать «инженерную войну» генерала де-Боно, то это открывает для Абиссинии перспективы получения кое-каких дорог, но Италия может обанкротиться раньше, чем эта ее цивилизаторская роль будет выполнена. Война ведется не только в пространстве, но и во времени, и хотя неизвестно, работает ли время полностью на Абиссинию — плохо снабженные феодальные отряды могут разбежаться, — но во всяком случае не подлежит никакому сомнению, что время работает против Италии.

Санкции, примененные Лигой наций пока что только частично, не могли иметь парализующего влияния на ведение войны, но, несомненно, что давление их на Италию постепенно возрастает. Все, что Италия закупает, приходится закупать по очень взвинченным ценам, вывоз итальянский падает, растут цены не только на привозимые дефицитные товары, но и на продукты итальянского хозяйства, растет спекуляция, растут покупки про запас населения, опасющегося и падения лиры и недостатка товаров. О том, в какой мере растут затруднения, свидетельствует изъятие золота правительством. Кто покупает, например, золотые изделия, тот должен подписать обязательство вернуть их по требованию правительства. Еще не начались нефтяные санкции, а уже затруднения с бензином заставляют сокращать автомобильное движение в стране, затруднения с углем заставляют экономить электрическое освещение. Обострение санкций неминуемо увеличит эти затруднения. Г-н Муссолини должен до начала периода дождей одержать такие победы, которые заставили бы Абиссинию и Англию пойти на заключение «компромисса». Как правильно было сказано в некоторых европейских газетах, начались гонки между маршалом Бадольо и санкциями.

Какой план действий имеет маршал Бадольо, неизвестно, но этот план может состоять только в отказе от действия большими массами и в отказе от механизированных средств передвижения, требующих большого количества дорогого бензина и постройки современных дорог. Европейские военные специалисты высказывают предположение, что маршал Бадольо будет действовать военными единицами не больше дивизий, которые будут передвигаться при помощи более примитивных средств, пытаясь таким

образом добиться большей подвижности. Полковник **Романо** в «Гадзетта дель пополо», выражающий, повидимому, мнение нового главного командования, постоянно указывает на то, что надо искать абиссинские армии там, где они находятся, и пытаться их уничтожить, опираясь не на количественный перевес, а на высшее тактическое обучение итальянских войск и их огневую силу. Другие военные писатели утверждают, что до сих пор итальянское командование для того, чтобы избежать больших потерь, что могло бы вызвать плохие последствия в самой Италии, бросало в бой в первую очередь туземные — ливийские и эритрейские — войска, но что теперь придется не щадить и итальянцев.

Таким образом, потоки приносимой в жертву итальянской крови увеличатся, но какие это даст результаты, остается во мраке неизвестности. Понятно, нельзя отрицать возможности частичных удач новой тактики, но она таит в себе большие опасности. Всякая дивизия, самостоятельно действующая на более отдаленном пространстве, может быть окружена противником, снабжение на мулах будет очень трудно подвозить. Новая тактика представляет собою рост опасности поражения.

КАРЛ РАДЕК

«Известия» от 6/XII-35 г. № 283.

100 ДНЕЙ ВОЙНЫ

В ночь на 3 октября прошлого года итальянские войска перешли абиссинскую границу. 3 января, т. е. спустя три месяца, итальянская газета «Пополо д'Италия» в очередной сводке с фронта сообщает: «На всем фронте итальянцы удерживают позиции, занятые ими 15 ноября». Таким образом, за истекшие шесть-семь недель итальянские войска не только не продвинулись вперед, а наоборот, должны были отойти с позиций, занятых ими в декабре, на линию, на которой они находились 15 ноября. Тем самым итальянские источники косвенно подтверждают, что итальянским войскам в долине реки Такказе и в районе Тембиена не удалось достигнуть каких-либо ощутительных результатов и что контрнаступление абиссинцев, начатое 15 декабря, проходит успешно.

В начале января появилось официальное итальянское сообщение о том, что на южный фронт по просьбе генерала Грациани перебрасывается дополнительно 35 000 итальянских войск. Одновременно появились сообщения об очередной перегруппировке итальянских войск на южном фронте. Эти сообщения по времени совпали с заявлением Муссолини о необходимости «паузы» на северном фронте. Все это говорит о том, что итальянскому командованию в ходе развертывания военных операций приходится менять свой прежний план, что отнюдь не свидетельствует о бла-

гоприятной оценке им положения на фронте. Воздушная бомбардировка незащищенных абиссинских городов и госпиталей Красного креста никак не может рассматриваться, как успех итальянского оружия.

Факт остается фактом: итальянцы теряют самое дорогое — время. Один из лучших итальянских военных обозревателей полковник Карло Романо в «Гадзетта дель пополо» констатирует, что «эта война, представляющая собою нечто большее, чем колониальную экспедицию, связана с гораздо большими трудностями, нежели мировая война». Очевидно, Карло Романо осторожно подготавливает общественное мнение Италии к тому, что война в Абиссинии будет очень и очень длительной. Косвенно Карло Романо признает тем самым, что расчеты на молниеносный удар, на превосходство военной техники и на ее устрашающее действие не оправдались.

В своих планах итальянские политики немалое место отводили расчетам на внутреннюю борьбу и соперничество между абиссинскими феодалами. Сильный удар на фронте должен был развязать центростремительные силы. Пока-что эти расчеты не оправдались, измены раса Гукса и некоторых мелких военачальников остались единичными эпизодами. Развитие военных операций абиссинскими войсками показало, что эти войска и их командование действуют в известной степени дисциплинированно, по определенному стратегическому замыслу и что их тактика определяется единым направляющим центром — штабом. Благодаря удачному маневрированию слабовооруженным абиссинским войскам удастся не только сдерживать наступление итальянцев, но и, как это имело место на северном фронте, даже переходить на отдельных участках в контрнаступление и вырывать инициативу из рук итальянцев.

Абиссинцы используют время для своего вооружения, для овладения военной техникой, для мобилизации и организации армии. Иностранные обозреватели единодушны в утверждении, что первый этап абиссинской войны вряд ли закончится решительной победой Италии, поскольку абиссинцы тщательно избегают крупных сражений, предпочитая методы партизанской борьбы. Через три месяца начнется период «больших дождей», во время которых всякая военная деятельность будет парализована по крайней мере до октября.

Итальянская политика допустила не только ряд военных просчетов, но и ряд просчетов в оценке международной обстановки. Надежды на возможность уже в ближайшее время договориться втихомолку с другими империалистическими державами за счет Абиссинии пока-что не осуществились. Первая попытка — план Хора — Лавалья — была похоронена под давлением общественного мнения. Вновь усилились разговоры о дальнейшем обострении санкций, в частности о нефтяных санкциях против Италии. Нефтяные санкции могли бы стать для Италии серьезным испытанием, ибо они не только парализовали бы ее военную технику,

но и прервали бы связь между действующей армией и ее базой в Италии.

На войну в Абиссинии Италия потратила уже свыше 10 миллиардов итальянских лир. На широкие массы возложены огромные материально-бытовые тяготы. В европейской буржуазной печати все чаще проскальзывают сообщения о росте недовольства среди населения.

Таковы результаты для Италии первых ста дней войны.

Ю. Р.

«Известия» от 9/I-36 г.

ИТАЛО-АБИССИНСКАЯ ВОЙНА И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ

ИТАЛО-АБИССИНСКАЯ ВОЙНА И ВЕЛИ- КИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ДЕРЖАВЫ

I. Итальянский фашизм в борьбе за ста- рые цели итальянского империализма

Италия вышла из войны, как член победоносной коалиции, но она понесла в войне тяжелейшие поражения, которые расшатали весь ее строй, в большой степени подорвали доверие народных масс к господствующим классам. Уже в 1917 г. политические и военные руководители союзников считали, что Италия стоит на краю революции. 1918—1919—1920 гг. были годами непрерывной радикализации народных масс. Германский рабочий класс в январе 1919 г. потерпел поражение, после которого буржуазия смогла восстановить свои органы принуждения. В Италии революционное движение нарастало непрерывно до сентября 1920 г., до захвата фабрик рабочими. В момент этого захвата буржуазия была так слаба, что Джиолитти, наиболее хитрый и здравомыслящий из ее вождей, не решился применить вооруженную силу, боясь, что движение может перекинуться на захват государственной власти. И даже тогда, когда при помощи реформистов и находящихся в их руках конфедерации труда итальянской буржуазии удалось обмануть рабочих, разоружить их, — она, не зная, что ей несет завтрашний день, ухватилась за фашистское движение, как средство борьбы против пролетариата. Таким образом, фашизм пришел к власти, как гарант победы буржуазии над рабочим классом, как **гарантия сохранения власти буржуазии.**

Но в возникновении фашизма внешнеполитические моменты играли тем не менее очень большую роль. Наиболее дальновидные представители итальянской империалистической буржуазии, подерживая фашизм и помогая ему притти к власти, лелеяли надежду, что, укрепив свою власть, они при помощи фашизма сумеют создать силу, которая поможет им **наверстать упущенное в Версале.**

Бывший министр иностранных дел фашистской Италии, перешедший ее посол в Лондоне, Дино Гранди в своей статье, посвященной внешней политике Италии, следующим образом анализирует обстановку, в которой Италия оказалась после войны 1914—1918 гг.:

«Общественное мнение во всем мире начинает спрашивать себя, как могли государственные люди разделить громадные колониальные территории, не принимая во внимание единственную страну, для которой рост населения создавал жизненную и острую проблему? Как могли государственные люди, распределяя колониальные мандаты, передавать их Великобритании, Франции, Японии, Бельгии, Южной Африке, Новой Зеландии, минуя Италию? Почему они, рискуя причинить итальянскому народу глубокую обиду, решились создать столько искусственных затруднений и помех итальянским национальным стремлениям, почему, короче говоря, Италия — лояльный член победоносной коалиции — была намеренно оттолкнута, зачем было в ней вызывать недовольство? Без сомнения, итальянская дипломатия допустила ошибки в Париже, но это не меняет того факта, что представители Англии, Франции и Соединенных штатов в основном не понимали итальянских нужд, не понимали, что Италия была молодой, активной страной, вступившей в новую фазу экономического и демографического развития, что ее одушевляли новые идеи, принявшие форму более мужественных концепций будущего нации и роли государства. Их ошибка тем более странна, что ведь они имели в руках ключ к пониманию новой политической ситуации Италии. Ведь Италия не была втянута в мировую войну силой сложившихся условий. Ее вмешательство представляло добровольный акт. Прежде, чем вовлечь страну в такое предприятие, правительство постаралось обеспечить право Италии на компенсацию после окончания войны.

... Разве после этого удивительно, что Италия ушла с версальской конференции с чувством, что ее интересы и права нарушены, что ее обманули и ограбили, ушла с решением исправить эти ошибки и получить компенсацию?»

Итальянский фашизм, придя к власти, ставил себе те же цели, к которым с момента своего возникновения стремился итальянский империализм, которые ставила себе итальянская буржуазия с момента объединения Италии.

Итальянским фашистам столь же мало пришлось выдумывать, как и германским «национал-социалистам», которые подняли из канавы империалистическое знамя императорской Германии и развернули его, как знамя германского фашизма. Какие же цели преследовала итальянская буржуазия перед войной?

Итальянская буржуазия еще перед войной смотрела на **северо-восток**, где в пределах австро-венгерской монархии жили итальянцы. Она смотрела, далее на **северо-запад**, на населенную итальянцами французскую Савойю, которую прибрал к рукам Наполеон III в благодарность за свою поддержку борьбы Италии

за объединение. Речь шла не только о завершении национального объединения: поскольку дело касалось отрыва итальянских областей от Австрии, речь шла о значительном стратегическом улучшении итальянских границ, об укреплении итальянского тыла на случай войны.

Вторая цель итальянской политики — **завоевание восточного берега Адриатического моря**. Далмация и Албания еще до войны играли громадную роль в агитации итальянского империализма. Уже перед войной был разработан план постройки железной дороги из Рима к Бари, на западном берегу Адриатического моря, которая нашла бы свое продолжение на Балканах от Дураццо через Корицу — Салоники к Константинополю.

Третья цель итальянского империализма — **завоевание колоний в Северной Африке**, что должно было привести к серьезному усилению итальянского господства в Средиземном море. Достижение этих целей должно было дать Италии недостающее сырье (железо, уголь, хлопок), увеличить ее продовольственные ресурсы, позволить ей развернуть широкую колонизацию. Лозунг — найти «место под солнцем» для «избыточного» итальянского населения, которое выталкивалось из Италии полуфеодальной эксплуатацией и в поисках хлеба отправлялось в Германию, Францию, в Северную и Южную Африку, Алжир, Тунис, Египет, — играл роль **демагогической приманки**. Опыт Франции и Англии показал, что североафриканские колонии могут дать простор только для эксплуатации **туземного** труда, а не для переселения. Итальянская буржуазия ждала от завоевания колоний ускоренного накопления, а с этим — и ускоренного промышленного развития, которое позволило бы увеличить количество эксплуатируемых пролетариев, вместо того чтобы они, через эмиграцию, становились объектом эксплуатации иностранной буржуазии.

Борьба за реализацию империалистической программы итальянской буржуазии выдвигала то одно, то другое ее направление, в зависимости от международной обстановки. **Основным в этой обстановке была зависимость Италии от Великобритании, господствующей на Средиземном море**. Берега Италии находились в сфере действия пушек английского военного флота. Против этого Италия ничего не могла сделать. Но Италия была нужна Британской империи как **противовес Франции**, ее стремлению к захвату всей Северной Африки и к господству на Средиземном море. Поддерживая Италию, Англия толкала ее в **объятия Германии и Австрии**, чтобы создать противовес Франции в Европе. Германия, со своей стороны, толкала Италию на захват Туниса, лежащего против Сицилии. Когда на берлинском конгрессе в 1878 г. Бисмарк предлагал итальянскому послу, графу Контти, захватить Тунис, Контти его спросил: «Желает ли Германия толкнуть Италию на войну с Францией?» Робея перед Францией, Италия упустила Тунис, который был занят французами в 1881 г. В этом выражалась слабость итальянского капитализма, который мечтал о колониальных завоеваниях, но в то же время боялся их. Только заключив **союз**

с Австрией и Германией¹, связывавший ее на севере, заставлявший ее свернуть стремления к присоединению австрийских итальянцев, связывавший ее на Балканах, но дававший известное обеспечение для продвижения на юг.—Италия начала продвигаться в Красном море, заняв в 1882 г. Асаб, в 1885 г. — Масауа и организовав там свою колонию — Эритрею. В 1889 г. Италия начинает проникать в Сомали. Все эти шаги она предпринимала с согласия Англии, желавшей создать и в Красном море итальянский противовес французам. Когда итальянцы, поддержав Менелика в его стремлении подняться из положения удельного князя провинции Шоа до абиссинского престола, пытались установить свой протекторат над всей Абиссинией, они полагали, что идут к созданию большой колониальной империи. Италия уже тогда мечтала захватить Триполи, формально находившееся еще под турецким владычеством. По соседству с Триполи был Судан, охваченный восстанием махдистов. Англия втягивала итальянцев в подавление этого восстания, но Италия медлила, считая, что, подчинив себе Абиссинию, она сможет покорить Судан руками абиссинцев и превратить его в мост между Триполи и Абиссинией. Италия считала тогда, что Великобритания может поручить ей в будущем заботу и о Египте. Слабая итальянская буржуазия, мечтавшая о колониальном царстве, решила, что она поднимется к высотам великой колониальной державы на английских помочах, в роли, так сказать, английского подрядчика.

Когда Менелик, пришедший к власти при помощи итальянского оружия, воспротивился роли итальянского ставленника и опротестовал такое толкование договора, заключенного в Учальи в 1889 г., которое подчиняло его итальянскому протекторату, Италия ввязывается в первую свою колониальную борьбу. Тогда обнаружилось, насколько прав был немецкий посол в Риме Бюлов, который 21 июня 1894 г. писал, что для итальянской колониальной политики характерно, что у нее глаза больше, чем желудок. Слабая в финансовом отношении Италия не была в состоянии обеспечить свою колониальную экспансию и, несмотря на постоянные тревожные сообщения командующего итальянскими войсками в Эритрее, генерала Баратъери, не снабдила его для решающих боев ни достаточным количеством войск, ни достаточными материальными средствами. Поражение итальянских войск 1 марта 1896 г. у Адуды было результатом того, что Италия смогла противопоставить стотысячной, хотя и плохо вооруженной, абиссинской армии Менелика только 20 тыс. людей, не чувствовавших за собой поддержки страны. Разгром Баратъери надолго положил предел итальянским стремлениям к завоеванию Абиссинии. Ограничиваясь заботой о сохранении Эритреи и Сомали, Италия завистливо смотрела, как Франция получает концессию на постройку железной дороги Джибути—Аддис-Абеба. В Судане Англия сама покончила с махдистским восстанием.

¹ Этот союз назывался Тройственным союзом.

Союз с Австро-Венгрией и Германией и поддержка Англии не были достаточны для того, чтобы позволить Италии стать великой державой. Для этой роли она была экономически чересчур слаба. Индустриализация Италии, укрепление ее германским капиталом позволяют Италии увеличить и укрепить свою армию и флот. Но развитие германского империализма делает из Великобритании, поддерживавшей Тройственный союз при его возникновении, врага Германии. И Англия и Франция принимают меры для того, чтобы оторвать Италию от Австрии и Германии. Италия колеблется и торгуется. Она требует от английского и французского империализма первой подачки — а именно, их согласия на захват Триполи у Турции, ослабленной недавней войной на Балканах. Англия и Франция дают его в качестве задатка за переход Италии на их сторону. Италия, цепляясь за протянутую руку, захватывает не только Триполи, но и Додеканез, — цепь островов у турецкого побережья, которые должны быть гарантией допущения Италии к будущему разделу Турции. Острова Додеканез расположены на фланге от острова Кипра — военной базы Англии в восточной части Средиземного моря, и поэтому английский империализм в лице сэра Эдуарда Грея¹ заявляет, что создалось ненормальное положение, но никаких мер против этой «ненормальности» Англия не принимает, имея все время в виду возможность окончательного перехода Италии на сторону Антанты.

Перед мировой войной Италии не удалось добиться осуществления своей северо-африканской программы. Она создала себе только некоторые «запечки» в Сомали, Эритрее и Триполи. Додеканез с островами Миродос и Лерос были «векселями» на участие в разделе Турции. На Балканах итальянская дипломатия стремилась не допустить предоставления Сербии выхода в Адриатическое море. Ее стремление к захвату Албании не было удовлетворено в результате сопротивления Австрии, видевшей в Албании исходную точку для продвижения Италии на Балканы. Драка между итальянским и австрийским империализмом расшатывала итало-австрийский союз, и без того ослабленный ростом национального движения австрийских итальянцев, поддерживавшегося итальянской буржуазией.

В этом положении застала Италию мировая война. Итальянская буржуазия пришла к убеждению, что эта война даст условия для осуществления ее целей. Она немедленно решила не выполнять союзного договора и не вступать в войну на стороне Австро-Венгрии и Германии, если ей не удастся до вступления в войну осуществить хотя бы часть своей программы. Но несмотря на поддержку итальянских требований со стороны Германии, Австро-Венгрия не решилась уплатить требуемую цену за участие итальянцев в войне против Антанты. Тогда Италия в 1915 г. заключила с Великобританией и Францией договор, 13-й параграф которого гласит: «В случае, если Франция и Великобритания увеличат

¹ Министр иностранных дел Англии с 1905 г. по 1916 г.

свои колониальные территории в Африке за счет Германии, эти две державы соглашались в принципе, что **Италия будет иметь право на известные компенсации**, в особенности что касается решения в ее пользу вопросов границ итальянских колоний в Эритрее, Сомали и Ливии, с одной стороны, и соответствующих колоний, принадлежащих Франции и Великобритании.

Одновременно Италии обещаны были не только итальянские земли, входившие в состав Австрии, но и Далматинское побережье. Италии было обещано, что при дележе Турции она получит Адалию. Но когда после окончания войны, в 1919 г., в Версале победители делили добычу, — Италия увидела, что дележ идет не на основе договоров, спрятанных в железных шкафах дипломатических архивов, а на основе соотношения сил. Италия вышла из войны, глубоко ослабленная, с разваленной армией, с массой долгов, нуждаясь в финансовой помощи Англии и Америки. Сравнительно легко прошло присоединение к ней итальянских областей Австрии. Тут союзники даже прибавили ей, по стратегическим соображениям, Южный Тироль с его преобладающим немецким населением, вплоть до Бреннера. Что касается восточного берега Адриатики, — то здесь Италия натолкнулась на бешеное сопротивление Югославии. Вильсон¹, под давлением английского и французского империализма нарушивший свою программу самоопределения наций, проявил большую «принципиальность», когда речь зашла об итальянских притязаниях на Далмацию. Слабость Италии позволяла Вильсону быть «принципиальным» за ее счет. Италия не получила ничего, кроме города Зара и нескольких островов. Что касается Албании, то итальянцы заняли во время войны Валлону и объявили протекторат над ней, который смогли осуществить только в 1919 г., заняв Дураццо и создав сильную морскую базу на острове Сасено, господствующем над Валлонским заливом. Несмотря на разгром Турции и занятие ее центров союзными войсками, Италия не решилась ни на какой серьезный колониальный захват.

Попытки добиться выполнения 13-го пункта Лондонского договора кончились плачевно. Италия получила в переговорах с Англией маленький прирезок в английской Кении, у реки Джуба, и маленькие прирезки у границы Египта. Триполи Италия потеряла во время войны почти целиком из-за восстания сенусси и должна была уже после прихода к власти фашизма затратить много сил для обратного его отвоевания.

Что касается Абиссинии, то закулисные соглашения с Англией, в которых Италия обязывалась поддержать стремления Великобритании к получению концессии над озером Тана в обмен на признание Западной Абиссинии сферой влияния Италии и поддержку итальянского требования о постройке через абиссинскую территорию железной дороги Эритрея — Сомали, — не могли

¹ Президент США в период войны; он принимал участие в Версальской мирной конференции.

быть приведены в исполнение, ибо этому воспротивились и Абиссиния и Франция.

Таково было положение, создавшееся к моменту прихода к власти итальянского фашизма.

В речи, произнесенной 16 ноября 1922 г. в парламенте, Муссолини развернул свою программу внешней политики. Уже в этой программе слышны аккорды, которые позже Муссолини развернул в целую симфонию, звучащую сейчас пушками и пулеметами в Абиссинии.

«Основная ориентация нашей внешней политики, — говорил Муссолини, — такова: мирные договоры, плохи ли они или хороши, раз они подписаны и ратифицированы, — должны быть проведены в жизнь. **Но мирные договоры не вечны. Они подлежат исправлению;** это главы, а не послесловие истории. Проводить их в жизнь — значит их испробовать. Если в ходе выполнения они окажутся абсурдными, — это создаст новое положение, которое откроет возможность их дальнейшей проверки... В переговорах, которые я, Муссолини, буду вести с руководителями Франции и Великобритании, — я поставлю перед ними со всей ясностью и в полном объеме проблему положения Италии в Антанте: или Италия станет равной силой с остальными союзниками, с равными правами и равными обязанностями, или Италия получит свободу действий и возьмет на себя заботу о своих интересах. Я надеюсь, — говорил Муссолини, — что осуществится первое. Мы хотим вести политику мира, но не политику самоубийства».

Эта речь Муссолини, не развертывая конкретную программу действий, устанавливает стратегические позиции итальянского фашизма во внешней политике. Италия не хочет разрывать связей с союзниками, но она хочет занять равное с Францией и Англией положение. Если бывшие союзники на это не пойдут, — она будет искать других средств защиты своих интересов. О каких интересах идет речь? Италия добивается колоний и твердого положения на Адриатическом и Средиземном морях.

Фашистская Италия выступила на борьбу за осуществление старой империалистической политики итальянской буржуазии. Итальянская буржуазия вступила в эту борьбу с распатанными финансами, с армией, потрясенной войной, с народными массами, пытавшимися вырваться из повиновения. Первый вопрос, который фашистская Италия должна была решить, прежде чем она могла с известными шансами на успех попытаться реализовать свою внешнеполитическую программу, — это вопрос об укреплении своих военных сил.

Надо сказать, что в этой области итальянский фашизм имеет наибольшие завоевания. Раньше других он поставил перед собой вопрос о том новом, что дала война в области организации военной силы, в первую очередь в области авиации и в области механизации армии. В Италии родилась теория Дуэ о самостоятельной решающей роли авиации. Она не стала господствующей теорией, ибо фашизм великолепно понимает невозможность решить задачи

войны только силами авиации. Фашизм создает милицию, предназначенную в первую очередь для борьбы с «внутренним врагом». Фашизм через ряд звеньев связывает милицию с постоянной армией, пытается насытить и ту и другую техническими средствами и создать силу, которой Италия до того не располагала.

Уже в 1932 г. в своей работе о международном положении Германии и задачах рейхсвера генерал Сект устанавливает, что благодаря авиации Италия перестала быть абсолютно зависимой от Великобритании на Средиземном море.

«Влияние Англии на Средиземном море покоится исключительно на ее флоте, и здесь ему угрожают воздушная атака и подводные лодки, имеющие близко расположенную и надежную базу на не принадлежащих Англии берегах. Значение крепостей Гибралтара и Мальты сильно пострадало. Вместе с тем Англия потеряла решающее влияние на Италию и итальянскую политику. Италия больше не позволит соображениям об отношениях с Англией влиять определяющим образом на свои решения, как это было в период мировой войны» (генерал Сект, «Германия между Востоком и Западом». Гамбург, 1933 г.).

Но Италия не полагается только на свои сухопутные и воздушные силы. Она начинает реконструкцию морского флота, в первую очередь развивая более легкие, быстроходные единицы: крейсера, истребители и подводный флот. Италия выдвигает требование равенства своего флота с французским флотом, т. е. на деле требует перевеса над Францией в Средиземном море, ибо французский флот должен обеспечить также и свое Атлантическое побережье и Индийский океан. Морская программа Италии еще не завершена, но, без сомнения, Италия уже сегодня является очень крупной военной державой.

Надо, однако, указать, что эти достижения Италии в военной области созданы на **иностранном сырье**, хотя и при помощи усиленного развития отечественной металлургической и химической промышленности. Эта зависимость от иностранного сырья остается ахиллесовой пятой итальянского империализма. Итальянский фашизм может сыграть самостоятельную роль только в борьбе с изолированным противником, имея обеспеченный импорт сырья, или же в коалиционной войне, в которой союзники обеспечат Италию сырьем. Но даже в войне с изолированным врагом и будучи обеспечена ввозом сырья, Италия может самостоятельно вести только **кратковременную войну**, ибо недостаток валютных средств и пассивный торговый баланс не позволяют ей долго финансировать войну.

Укрепляя свою военную силу, итальянский империализм одновременно очень умело пользовался всеми изменениями мировой и европейской обстановки, чтобы копить силы к решающему моменту. Полагаясь на поддержку Англии, итальянский фашизм считал главной своей задачей **борьбу за ослабление французской гегемонии**. Он не отказался от планов получить Тунис, перехваченный у Италии Францией, и получить обратно южно-француз-

ские области¹, которые и по сегодняшний день считает итальянскими.

Но не здесь находился центр франко-итальянских противоречий. Италия великолепно понимала, что без разгрома Франции путем какого-то исторического катаклизма—эти цели неосуществимы. Центром итальянских стремлений было **создание условий, уменьшающих неравенство итало-французских сил**. Надо было либо добиться громадного роста своих военных сил, либо уменьшения военных сил Франции или усиления Германии. Первый путь был ограничен финансовыми возможностями Италии. Сколько-бы Италия ни вооружалась, Франция успевала опередить ее. Уменьшение французских вооружений было возможно только путем международного договора, увеличивающего французскую безопасность. Уменьшение темпа вооружений соответствовало интересам итальянской политики, но оно могло быть достигнуто только через ослабление франко-германских противоречий. Поэтому итальянский фашизм принял участие в Локарнском договоре, на основе которого он сделался, вместе с Великобританией, гарантом статус-кво на Рейне. Но итальянский фашизм отдавал себе полный отчет в том, что Локарнский договор не решает вопроса, что Германия будет стремиться к ликвидации Версальского договора, к отвоеванию права на вооружения и к переделу мира. Итальянский фашизм, добиваясь ослабления позиций Франции, высказывался за ревизию Версальского договора, за возвращение Германии права на вооружение. Муссолини выдвинул идею концерта четырех западно-европейских держав—Великобритании, Франции, Германии и Италии, который путем компромисса приспособил бы Версальский договор к растущей силе Германии, взял бы в свои руки и ревизию Версальского договора и, одновременно, ревизию колониальных решений Версаля. Совместно с Германией и Англией Италия хотела играть роль державы, принуждающей Францию к уступкам, и—в то же время—совместно с Францией и Англией,— роль державы, не допускающей чересчур большого роста германского могущества. Играя в двух противоположных комбинациях, Италия надеялась выиграть.

Итальянская любовь к комбинациям, эта политика качелей, несмотря на огромное искусство, в ней проявленное, не могла привести к цели. Версальский договор сделал Францию самой сильной капиталистической державой в Европе, и отказ от таких преимуществ мог быть результатом только тяжелой борьбы, но не дипломатической игры. **Пакт четырех**, предложенный Италией в 1933 г., как орудие ревизии Версаля, был сначала обезврежен французской дипломатией, а позже не ратифицирован вообще. Но итальянская политика достигла одного результата: она **поставила в порядок дня право Германии на вооружение**. Если Штресеманы² считали, что необходимо отклонить итальянские предложения

¹ Савойя и Ницца.

² Штресеман — германский министр иностранных дел с 1923 г. по 1929 г.

о заключении итало-германского союза, то Гитлер пришел к власти уже с программой такого союза.

На пути к заключению такого союза было очень много препятствий. Первое из них то, что **Италия боится слишком большого усиления Германии**. Ближайшим результатом такого усиления было бы объединение Австрии с Германией, т. е. Германия появилась бы у Бреннера, у северной границы Италии. Могущественная Германия оказывала бы на Италию не только военное давление. Она стала бы притягательным центром всех ревизионистских тенденций в бассейне Дуная и на Балканах. Германский капитал, пользуясь старыми каналами немецкого и австрийского империализма, начал бы прибираться к рукам Венгрии и Болгарию. Он имел бы больше шансов, чем Италия, сыграть роль посредника между Болгарией и Югославией, ибо сельскохозяйственный экспорт балканских и придунайских стран имеет естественную тенденцию направляться в громадную промышленную державу Севера. Кроме того, несмотря на свое военное ослабление, Германия имеет больше возможностей предоставить займы придунайским и балканским странам, чем Италия. Поэтому уже с 1922 г. Италия ставит непременно условием сговора с Германией отказ последней от объединения с Австрией. Когда в 1934 г. Германия пыталась захватить Австрию изнутри, путем свержения правительства Дольфуса силами австрийских национал-социалистов, — Италия ответила на это мобилизацией своих северных войск и угрозой оккупировать Австрию.

Конфликт с Германией по поводу Австрии **оттолкнул Италию от ревизионистской политики**, которая была для нее средством ослабления Франции. Италия принимает участие в франко-английских выступлениях против ревизионистской политики германского фашизма, но в Стресе она играет двойную роль. Она добивается уступок в свою пользу за отказ от поддержки Германии, пытаясь одновременно не рвать с Германией, оставить открытыми пути для ее поддержки.

Ревизионистская политика Италии не ограничивается Германией. Она вытекает и из положения на балканском фронте итальянской политики. Потеряв Далмацию, Италия пыталась сблизиться с Югославией, проникнуть в Югославию и не допустить возникновения франко-югославского союза. Но в виду того, что при всех этих попытках Италия не отказывалась от борьбы за другой берег Адриатики (лучшим доказательством этого было ее внедрение в Албанию, заключение с Албанией союза, устанавливающего на деле итальянский протекторат), — из этих попыток ничего серьезного выйти не могло. Италия должна была искать **союзников против Югославии**; такими союзниками должны были явиться Болгария, Венгрия и Греция.

Югославия выросла за счет кроатских территорий, входивших раньше в состав Венгрии, и за счет Македонии, к присоединению которой стремилась Болгария. Греция опасается стремлений Югославии к выходу в Эгейское море через Салоники. Пользуясь

этим противоречиями, Италия пыталась стать твердой ногой в этих странах, подчинить их политику и направить ее против Югославии. Она добилась результатов только по отношению к Венгрии, которая сделала ставку на союз с Италией. Основная слабость итальянского империализма в Болгарии, Венгрии и в Австрии состоит в том, что итальянский империализм не может подкрепить свое влияние в этих странах **ни займами, ни представлением им рынков сбыта**. Экономическая слабость итальянского фашизма выразилась даже в попытках Албании освободиться от итальянского протектората.

Третье направление итальянской экспансии — к Эгейскому морю и к Турции — дало совсем не те результаты, которых ожидал итальянский фашизм. Итальянская дипломатия стремилась к сближению Греции и Турции для того, чтобы получить посредническую прибыль. Ведя реалистическую политику по отношению к Советскому Союзу, стремясь к укреплению экономических отношений с ним, Италия надеялась этой тройной связью — с СССР, Турцией и Грецией — обеспечить себе ввоз сырья, нефти, угля и хлеба на случай конфликта с Францией. Но, боясь итальянской экспансии в восточной части Средиземного моря, Турция и Греция осуществили не только далеко идущее взаимное сближение, но это сближение стало основой Балканской Антанты, направленной против всякой попытки иностранного империализма — в том числе и итальянского — решать судьбы Балкан.

Подготавливая **постановку колониального вопроса на очередь дня**, итальянский империализм бросал жадные взгляды на Сирию, находящуюся в руках Франции, на Палестину, находящуюся в руках Великобритании, на арабские страны (Италия пыталась усилить свое влияние в Йемене). Расходуя значительные средства в этих странах, Италия создавала там сеть культурных и экономических учреждений, подготавливая себе опорные пункты к тому моменту, когда международная обстановка позволит ей или добиться получения этих колоний в качестве цены за участие в антигерманской коалиции, или в качестве цены за совместную с Германией борьбу за колониальное могущество.

Наконец, итальянский фашизм взялся за военную подготовку тех колоний, которые он получил в наследство. До 1927 г. ему удалось окончательно покорить Триполи и Ливию. Это потребовало громадной борьбы с кочевниками сенусси, проведенной при помощи всех современных технических средств и завершенной захватом и казнью вождя сенусси — Омара Эльмухты; это потребовало отделения Ливии цепью колючей проволоки от Египта, создания автомобильных дорог и т. д. Не менее энергичную «работу» провел фашизм в Эритрее и Сомали, которые до этого времени являлись захолустьем, где скушали итальянские чиновники. Постройка железных дорог для переброски войск к абиссинской границе, укрепление Асмары и Асаба в Эритрее, прокладка железнодорожного пути от Могадишу в Сомали до Доло на юге Абиссинии, постройка автомобильных путей в обеих колониях, значительное увеличение

в них запасов оружия, автомобилей, продовольствия в 1934 г., еще до конфликта в Уал-Уале, показывают, что и **абиссинский конфликт**, стоящий теперь в центре итальянской политики, был **заранее подготовлен**.

Почему же итальянский фашизм решился в 1935 г. остро поставить абиссинский вопрос? Это объясняется **историей абиссинского вопроса**, тем фактом, что и Англия и Франция признали право Италии на внедрение в Абиссинию еще в 1906 г., что Англия признала право Италии на преобладание в Абиссинии в договоре 1925 г. Это объясняется международной обстановкой, сложившейся после прихода к власти Гитлера, позволившей Италии надеяться, что Франция, до этого времени наиболее сильно противившаяся итальянским притязаниям на Абиссинию, не сможет оказать прежнего сопротивления. Переговоры Лавала с Муссолини, происходившие в январе 1935 г., которые должны были расчистить путь к франко-итальянскому соглашению против Германии, касались и колониальных вопросов. В прессе многократно ставился вопрос, — не обещал ли Лаваль Италии свободу действия в Абиссинии в обмен на итальянскую поддержку Франции против Германии? Лаваль опроверг это, заявляя, что разговор касался только экономического внедрения в Абиссинию. Но, понятно, суть дела не в дипломатических разговорах, а в фактах. Уступая Италии часть акций железной дороги Джибути — Аддис-Абеба, Франция, во-первых, усилила итальянские позиции в Абиссинии, а во-вторых, показала, что **можно в будущем говорить вообще о французских интересах в Абиссинии**. Еще большее значение приписывают немецкие военные круги уступке Францией Италии островов, находящихся между итальянским портом Асабом и Джибути. «Римское соглашение от 7 января 1935 г. имело, наверное, влияние на итальянское выступление против Абиссинии. Франция уступила в проливе Баб-эль-Мандеб прибрежную полосу в тысячу квадратных километров... Это в смысле приобретения территории не имеет значения, но **тем больше стратегическое значение этой уступки**. Италия не только продвинулась до Аденского залива, но получила важнейшую позицию, а именно остров Думейру. Укрепление этого острова очень усиливало бы ее позицию в этих проливах, что имеет особое значение для операций против Абиссинии», — говорит немецкий военный писатель **Фридрих Папенхузен** («Wehr und Wissen», август 1935 г.).

Италия, придя к убеждению, что со стороны Франции она не встретит сопротивления в абиссинском вопросе, и полагаясь на старые договоры с Англией, решила действовать. В этом отношении на нее повлиял решающим образом опыт прошлой мировой войны. Опыт убедил Италию в том, что какие бы обещания она ни получила перед новой войной, — обещания эти стоят не больше, чем бумага, на которой они написаны, если нет реальных гарантий. **Абиссиния представляет собою такую реальную гарантию**. Немецкий географ Макс Грюль в своей книге, посвященной абиссинскому вопросу, так характеризует стратегическое значение

Абиссинии: «Абиссиния представляет собой крепкую позицию. Она является одновременно крепостью на фланге англо-египетского Судана и на морском пути в Индию, на фланге Красного моря, о котором в 1879 г. лорд Салисбери сказал: «Красное море представляет наиболее чувствительный наш пункт». Мировое положение Англии в значительной мере опирается на ее господство над Индией, которое обеспечено английским господством в Египте у Суэца и в Судане. Цель индийской политики Британии состояла с давнего времени в том, чтобы Индийский океан сделать английским морем, т. е. окружить его цепью стран, зависимых от Англии. **Только из Абиссинии возможно, быть может, угрожать этим планам.** Эта страна — крепость на фланге Судана и Красного моря — представляет собой громадную опасность для Англии, если бы какая-нибудь европейская нация организовала природные силы Абиссинии. Абиссиния в руках Италии невыносима для Англии, ибо из Абиссинии и из Триполи можно взять в клещи английские владения над Нилом, особенно Египет» (Макс Грюль, «Абиссиния». Берлин, 1935 г., стр. 34).

Все клятвы итальянского империализма в том, что он не имеет никаких антианглийских устремлений, не могли, понятно, успокоить Англию. Для Англии было достаточно того, что Италия послала в свои колонии, окружающие Абиссинию, 250 тыс. солдат, что она имеет в Триполи 50 тыс. солдат, в то время как Великобритания имеет в Египте, лежащем между Албанией и Триполи, всего 10-тысячную армию. Английский империализм видит опасность, угрожающую его империи, даже если бы итальянский империализм действительно искренно хотел договориться с Англией о разделе Абиссинии и не имел никаких антианглийских планов.

Решившись захватить быстрым ударом Абиссинию, итальянский фашизм скорее всего делал это не на основе определенных, установившихся антианглийских планов. Вероятно, Италия не решила еще вопроса, — станет ли она на сторону франко-английской коалиции или пойдет на союз с Германией, тем более, что Муссолини, очевидно, считает, что сама Англия еще не решила окончательно, какую она займет позицию в случае европейского конфликта. В поисках рычагов, которые позволили бы Италии добиться максимальных успехов в осуществлении своих империалистических планов, Муссолини выбрал направление на Красное море, обещающее Италии максимум пользы. Во всяком случае, итальянский империализм решил, что охрана английских путей сообщения даст Италии право на большие уступки, а угроза разрыва этих путей сообщения позволит добиться максимальных результатов.

Готовясь к занятию наиболее удобных позиций на случай развертывания мирового конфликта, итальянский фашизм дал толчок к возникновению международного конфликта, который может стать преддверием новой мировой войны и определить окончательную расстановку сил в лагере империализма.

II. Великие империалистические державы и война за Абиссинию

Стремясь занять исходные позиции для будущей мировой войны, которые позволили бы обеспечить реализацию программы итальянского империализма, фашистская Италия очутилась вдруг **в остром конфликте с той самой Великобританией**, нормальные отношения с которой итальянский фашизм считал всегда одним из основных условий своего процветания.

«Мы часто имели разногласия с Францией и Германией. Но во всех серьезных вопросах, — таких, как долги, репарации, разоружение, реконструкция придунайских государств, — политика Италии и Великобритании всегда была в основном согласованна. Существуют постоянные интересы, связывающие Италию и Англию в Европе. Эти интересы диктуются географическим положением обеих стран, которое делает их заинтересованными, несмотря на удаленность, в положении в Европе. Обе эти страны чувствуют необходимость сохранения известного баланса на континенте и обе зависят друг от друга в Средиземном море».

Так определял отношения Великобритании и Италии помощник Муссолини по вопросам внешней политики — Дино Гранди. И вот Италия очутилась в острейшем конфликте с той державой, с которой она была до того времени связана постоянными интересами.

Чем вызван этот конфликт? Какие элементы определяют позицию Великобритании по отношению к итальянской попытке захватить Абиссинию?

В прошлом Великобритания больше, чем какая-нибудь другая держава, поддерживала итальянские стремления к протекторату, т. е. к подчинению Абиссинии. Это нашло выражение в ряде повторных договоров: и в договоре 1891 г., подтверждающем итало-абиссинский договор в Учалли в его итальянской интерпретации, и в договоре 1919 г., и в договоре 1925 г., — британский империализм отдавал Абиссинию в руки Италии, оговаривая только английские интересы, касающиеся озера Тана, т. е. по сути дела вод Нила. Даже оговаривая, что Италия должна поддерживать стремления Великобритании к контролю над водами Голубого Нила, Великобритания признавала, что возможная концессия на озере Тана находится в итальянской сфере влияния. Договор 1906 г., заключенный между Францией, Великобританией и Италией, с признанием и французских интересов, был данью, уплаченной за создание Антанты. Но если присмотреться к истории борьбы за Абиссинию, то в общем Англия видела в итальянском империализме будущего властелина Абиссинии. Это было возможно только потому, что Великобритания считала Италию неспособной к самостоятельной политике. Господство британского империализма на Средиземном море позволяло ему надеяться, что Италия не только не нарушит его интересы в вопросе о водах Голубого Нила, но что Италия не может стать опасной и для положения Великобритании на Средиземном и Красном морях.

Что изменилось в этой позиции английского империализма, рассчитывав на которую Италия и начала решительные действия в Абиссинии? Изменилось то, что **Великобритания поняла, насколько усилился в военном отношении итальянский империализм и в какой мере выросли его аппетиты.** Приход к власти фашизма в Италии был встречен с глубокой симпатией английскими имущими классами. Итальянский фашизм был в их глазах героем, победившим пролетарскую революцию. Итальянский фашизм укрепил военную мощь Италии, сделал Италию силой, ограничивающей могущество французского империализма на европейском континенте, которое стало невыгодным для Великобритании. Английский империализм приветствовал внешнеполитическое усиление Италии. Английский империализм поддерживал дипломатическую игру итальянского фашизма, стремившегося к созданию концерта четырех западно-европейских великих держав как силы, решающей судьбы Европы. К мечтам о восстановлении старой Римской империи английский империализм отнесся как к красивым словам, которые должны прикрыть сравнительную слабость итальянского фашизма и помочь ему удержать в повиновении народные массы.

Но когда итальянский фашизм бросил 250 тыс. солдат в Северо-восточную Африку, когда началась переброска итальянских войск в Ливию, — перед английским империализмом вырисовалась действительная картина: в Средиземном море появилась новая империалистическая держава, которая начинает борьбу за передел мира, за создание своей колониальной империи.

Английский империализм отличается большой трезвостью. Когда он спрашивает себя: не является ли фантазией мысль о завоевании Италией Египта, который уплывает из английских рук, или Палестины и Сирии, — он отвечает: нет, это не утопия. Это не утопия с точки зрения военной, если рассматривать положение не под углом зрения соотношения сил изолированной Италии и изолированной Англии, а учитывать соотношение сил, которое может создаться в случае войны двух коалиций. Национальное движение в Индии и Египте подорвало колониальное господство Англии в этих странах, заставило Англию прикрывать это господство различными конституционными одеяниями, в роде признания независимости Египта, но с оставлением там английских войск, или в роде индийской конституции, хотя бы и с вице-королем.

Английский империализм ищет возможностей другого направления для колониальной программы итальянского империализма и усматривает его только в стремлении Италии **к завоеванию французских колоний.** Но итальянский империализм думает и об английском Египте, и об английской Палестине, и о французской Сирии. Заняв решающие стратегические позиции в Средиземном и Красном морях, итальянский империализм может в случае войны выдвинуть и **перед Францией, и перед Англией** программу колониального передела за счет одной или другой державы. Он может — и этого не исключает господствующая верхушка английского империализма — стремиться к сделке с Францией за счет

Англии, точно так же как он может стремиться к сделке с Англией за счет Франции. Но исторически события повернулись так, что стремления итальянского империализма к захвату Абиссинии направлены теперь в первую очередь против Англии и вызывают у Великобритании боязнь франко-итальянской сделки.

В свете этой опасности английский империализм подошел к проблеме Средиземного моря, где произошли глубокие изменения по сравнению с предвоенным положением. Эти изменения состоят в появлении мощной итальянской авиации, итальянского подводного и крейсерского флота. Что положение Мальты — главной крепости Англии в Средиземном море — глубоко подорвано, это является аксиомой в специальной военно-морской литературе. Мальта, уязвимая с воздуха, перестала быть безопасной стоянкой английского флота. Создание итальянских военно-морских баз в Додеканезском архипелаге, специальное вооружение острова Лероса создает опасность для положения Великобритании и в восточной части Средиземного моря. Из Лероса итальянская авиация угрожает новому треугольнику, созданному Великобританией в восточной части Средиземного моря: Фамагуста (Кипр) — Хайфа (Палестина) — Порт-Саид (Египет). Громадное преимущество английского флота над итальянским не подлежит никакому сомнению, как не подлежит сомнению и то, что финансово-экономическая мощь Великобритании и ее способность к мобилизации громадных человеческих масс несравненно больше, чем у Италии.

Но так дело обстоит только в случае изолированной итало-английской войны. Иначе дело будет обстоит в случае войны двух империалистических коалиций. Если Великобритания будет принуждена разделить свой флот, держа значительные его части, скажем, на Дальнем Востоке и в Северном море, — то Италия может оказаться очень опасным противником, ибо она расположена на путях сообщения Великобритании, на путях, связывающих Индию с центром Британской империи.

Решительное выступление британского империализма против захвата Абиссинии Италией связано с непосредственными колониальными интересами Великобритании и является результатом ее забот о безопасности Британской империи. Когда государственные люди английской буржуазии заявляют, что это клевета, что просто Великобритания охвачена любовью к Лиге наций, к коллективной системе, — они, понятно, не рассчитывают, что подобные заверения будут приняты всерьез.

Но это не значит, что забота о мире и о сохранении Лиги наций не играет никакой роли в английской политике. Английский империализм в данный момент нуждается в сохранении мира, ибо он принадлежит к удовлетворенным, насытившимся, консервативным великим державам, а война за передел колоний может стать войной за передел и английских колоний. Лига наций не играла в системе английской политики никакой самостоятельной роли. Она была навязана английскому империализму глубоко пацифистскими настроениями широких масс английского пролета-

риата и английской мелкой буржуазии. Возникновение Лиги наций было принято английскими империалистами как необходимое зло. Попытки Франции укрепить Лигу наций как инструмент сохранения версальского мира, попытки Франции укрепить систему коллективной безопасности встречали сопротивление со стороны английского империализма. Но по мере того, как нарастали тенденции к большой европейской войне, среди господствующего класса Англии нарастало стремление сделать из Лиги наций оружие выработки компромисса между крупными капиталистическими державами Европы, чтобы избежать войны. Великобритания великоколепно понимает, что окончательное уничтожение авторитета Лиги наций, уже подорванного ее бездействием и бессилием перед лицом захвата Манчжурии Японией, полностью развязало бы руки силам, готовящим европейскую войну. Этой войны в ближайшее время британский империализм не хочет, хотя бы по той простой причине, что его перевооружение еще не окончено, еще не выкристаллизовалась окончательно его политика по отношению к другим державам. Таким образом, английские стремления укрепить Лигу наций непосредственно связаны с защитой Британской империи.

В своем стремлении воспрепятствовать итальянской агрессии в Абиссинии Англия встретила главное противодействие со стороны Франции. Политика французского империализма определяется очень многими и внутренними и внешнеполитическими моментами. Французская буржуазия создает фашистские организации и для борьбы против нарастающего революционного движения в стране, против объединения рабочего класса, и потому, что она считает, что демократия может оказаться в случае войны чересчур слабой формой буржуазной диктатуры в сравнении с фашистской диктатурой в Германии. Французская буржуазия понимает, что поражение Италии в войне с Абиссинией **может означать начало конца фашистского режима в Италии**, начало революционной волны, которая может не ограничиться только Италией. Эти заботы не напускные, они отвечают действительным настроениям главарей финансового капитала во Франции. И когда правая французская печать — «Аксион франсез», «Либерте», «Эко де Пари», — не говоря уже о прямых органах французских фашистских организаций, уверяет, что **было бы безумием работать над поражением Италии**, — то здесь звучит действительная забота самой матерой контрреволюционной части французской буржуазии. С точки зрения внешней политики французская империалистическая буржуазия видит в перерастании итало-абиссинского конфликта в международный конфликт угрозу ее внешнеполитическим достижениям последних лет. Все послевоенное время Италия выступала как враг и конкурент французского империализма. Только в 1933 г. стало намечаться франко-итальянское сближение, вылившееся, наконец, после итало-германского конфликта в Австрии, в итало-французское соглашение 27 января 1935 г. и в участие Муссолини на конференции в Стрезе, направленной против Германии.

Сближение с Италией имело немалое военное значение для французского империализма, стоящего перед фактом непрерывного роста германских вооружений и роста дипломатической активности германского империализма, направленной против созданной Францией системы союзов и против положения Франции в Европе. «Дружба» с Италией **означала возможность военного союза**, который не только освободил бы Францию от необходимости защищать итало-французскую границу, не только позволил бы Франции сконцентрировать свои силы против Германии, но открывал бы перспективы совместных действий с Италией против Германии в Центральной Европе.

Между итальянской и французской политикой в Центральной Европе налицо большие противоречия, которые находят наиболее яркое выражение в поддержке Италией ревизионистских стремлений Венгрии, направленных против Югославии, Чехословакии и Румынии — союзников Франции. Но французская буржуазия считала, что если она окончательно договорится с Италией, то или Италия откажется от поддержки Венгрии, или найдутся компромиссные решения, включающие Венгрию в орбиту французского влияния за счет небольшого исправления венгерских границ.

Боясь потерять то, чего она достигла по отношению к Италии — налицо, повидимому, соглашение французского и итальянского генеральных штабов относительно размещения итальянских и французских войск, — французская буржуазия решила лавировать между Италией и Великобританией. Она сначала пыталась добиться компромисса между Англией и Италией, который дал бы некоторое удовлетворение притязаниям Италии в Абиссинии, но одновременно удовлетворял бы и стремление Великобритании не допустить полного захвата Абиссинии Италией. Парижские переговоры между Францией, Италией и Великобританией кончились неудачей, и вопрос был перенесен в Лигу наций. Франция заявила о своей «верности обязательствам», вытекающим из устава Лиги, ибо Лигой наций она просто пожертвовать не могла. **Вся система союзов Франции опирается на Лигу наций.** Стремление к объединению с Англией может быть легче всего достигнуто в рамках Лиги наций, ибо обязательствам, принятым под прикрытием Лиги наций, общественное мнение английской мелкой буржуазии будет оказывать меньшее сопротивление, чем очень непопулярной идее — открытого возвращения к старой системе союзов. Но, заявляя о своей верности уставу Лиги наций, Франция одновременно стремилась продолжать непосредственные переговоры между заинтересованными державами, переговоры, имеющие целью достижение компромисса. Кроме того, Франция твердо высказалась за то, чтобы в борьбе с итальянской агрессией не переходить пределы экономических и финансовых санкций, совершенно исключая мысль о военных санкциях против Италии. Франция, далее, пыталась лишить и экономические и финансовые санкции должного размаха, вводить их постепенно, чтобы не обострять положения и иметь возможность при соответствующей

обстановке снова попытаться достигнуть компромисса. Официальная французская публицистика заявляла, что если не удалось воспрепятствовать возникновению войны, то надо дать Италии возможность добиться твердых успехов, позволяющих итальянскому фашизму хвастаться, что он взял реванш за поражение под Адудей в 1896 г. Официальная французская публицистика утверждала, **что после этих побед Италия будет склонна к компромиссному решению вопроса.** По окончании же войны, которая должна дать Италии территориальный прирост за счет тех частей Абиссинии, которые были ею завоеваны в последние пятьдесят лет, а над собственно Абиссинией должна установить протекторат Лиги наций (понятно «с согласия негуса»), — все вернется к старому положению, и можно будет восстановить англо-франко-итальянский фронт.

Французская дипломатия выдвинула одновременно вопрос о дальнейших франко-английских отношениях. Смысл этих переговоров был тот, что признается возможность дальнейшего углубления конфликта, вплоть до того, что Италия, нарушив устав Лиги наций, может оказаться в конфликте с Великобританией, защищающей и свои империалистические интересы и устав Лиги наций. Тогда — заявляла французская дипломатия — она готова стать на сторону Англии. Но этим конфликтом могла бы воспользоваться Германия, — поэтому Франция должна знать, какова будет политика Великобритании по отношению к возможному конфликту между Германией и Францией. Под видом переговоров о том, что должны делать Франция и Англия в случае нарушения соответственных пунктов устава Лиги наций одним из членов Лиги (Италией) или нечленом Лиги наций (Германией), идут, по существу, переговоры о франко-британской Антанте. Эти переговоры являются средством выиграть время, чтобы позже снова начать непосредственные переговоры о компромиссном решении итало-абиссинского вопроса. С другой стороны, дело идет о попытке достигнуть постоянной цели послевоенной французской дипломатии — франко-британского союза против Германии. В этих переговорах, носящих отчасти характер дипломатической игры, а отчасти очень серьезный характер, Франция рискует толкнуть Британию в объятия Германии. Если бы события пошли таким быстрым темпом, что возник бы вооруженный конфликт между Англией и Италией прежде, чем Англии удастся сговориться с Францией, — то Великобритания наверно считала бы опасным оголить Северное море, не заключив сделки с Германией, а за такую сделку надо уплатить соответствующую цену, приняв ряд требований германского империализма.

Трудно сейчас сказать, удастся ли французской буржуазии избежать этой опасности. Она может ее избежать, только окончательно повернувшись против Италии при обострении положения на Средиземном море. Но и тогда будет нелегко добиться окончательных и точных обязательств со стороны Великобритании, ибо нельзя недооценивать влияния тех слоев английской

буржуазии, которые стоят за уступки германскому империализму, за сделку с ним, за предоставление ему свободы рук на востоке и юго-востоке Европы.

Таким образом, не только французский, но и британский империализм стоит перед серьезнейшими решениями. Или они сговорятся о совместном выступлении и против итальянской и против германской агрессии, или мы будем свидетелями кристаллизации двух коалиций — одной вокруг Франции, другой — вокруг Англии. В первом случае франко-английский сговор будет стержнем сговора консервативных капиталистических стран против держав, стремящихся к переделу мира. Во втором случае налицо окажутся два лагеря, в каждом из которых будут причудливо сплетены консервативные и агрессивные тенденции.

Само собой понятно, что хотя Германия и не принимает участия в женевских переговорах, она является одним из главных партнеров предстоящих решений. Германская дипломатия следит за ходом событий, затаив дыхание. Она не придает большого значения заявлениям итальянского империализма, что он в состоянии вести войну в Абиссинии и одновременно играть активную роль в борьбе с германским империализмом. Германские военные специалисты пессимистически оценивают итальянские шансы в Абиссинии; они убеждены, что попытка захватить Абиссинию подорвет финансовые и экономические силы Италии, и без того очень напряженные, вызовет в Италии быстрый рост дороговизны и расшатает силы итальянского фашизма. Если бы даже удалось добиться компромисса между Англией и Италией, то, по мнению германских фашистов, **Италия вернется из Абиссинии очень ослабленной и не сумеет сыграть у Бреннера¹ ту роль, которую она брала на себя, роль силы, сдерживающей германскую экспансию на юго-восток Европы.** Германия убеждена, что в этом случае Венгрия и Болгария будут ориентироваться не на Рим, а на Берлин. Но германские надежды идут еще дальше. Германский империализм не верит в возможность восстановления фронта Стрезы. Если французский империализм считает, что после достижения компромисса в абиссинском вопросе все вернется к старым отношениям, — то германский империализм исходит из убеждения, что никто безнаказанно не может играть бритвой у горла Британской империи. Даже если бы абиссинский конфликт кончился компромиссом, Великобритания, увидев вдруг возникшую новую опасность, а именно итальянскую, будет бояться усиления Италии, которое могло бы позволить Италии при соответственном сплетении обстоятельств броситься на коммуникационную линию Британской империи, дабы добиться новых уступок.

Германский империализм убежден, что близится момент, когда итальянский фашизм постучится в германские двери, добиваясь союза ревизионистских держав. Речь итальянского посла Аттолико при вручении верительных грамот Гитлеру содержала

¹ Граница Италии с Австрией.

намеки на возможность восстановления германо-итальянской дружбы, если Германия проявит дружественное отношение к итальянскому фашизму в этот момент испытания. Со своей стороны, ряд империалистических германских органов указывал Италии, что если она стремится к созданию колониальной империи в Африке, то этой цели нельзя достичь, не опираясь на великую державу, не заинтересованную в Средиземном море. Иначе говоря, поскольку Германия не заинтересована в соотношении сил на Средиземном море, — она является единственной державой, которая не угрожает изменению соотношения сил на этом море, **единственной силой, способной прикрыть итальянскую экспансию.**

Внешнеполитическая программа германского империализма состояла в стремлении к союзу с Великобританией и Италией. Эта программа оказалась неосуществимой. Во-первых, возник конфликт между итальянским и германским фашизмом; во-вторых, вырос серьезный конфликт между итальянским и английским империализмом, конфликт, который на ближайших отрезках исторического развития вряд ли в основном излечим. Но несмотря на то, что британский империализм очень обеспокоен возникновением сильной, вооруженной по последнему слову техники Германии, — а быть может именно поэтому, — британский империализм не оказал сопротивления германским вооружениям и саботировал попытки Франции оказать это сопротивление. В англо-германском морском договоре английский империализм дал свое согласие на такое значительное усиление германского флота, которое обеспечивает Германии перевес на Балтийском море.

Германский империализм надеется, что Британия, угрожаемая на Дальнем Востоке Японией, опасаясь на западе американского конкурента и боящаяся роста революционной силы СССР, в конце концов, после долгих колебаний, сделает ставку на фашистскую Германию. Во всяком случае, это является целью, к которой упорно стремится германский империализм, как к условию восстановления своего мирового могущества, как к условию реализации своей внешнеполитической программы.

Поэтому германский фашизм не спешит окончательно и решительно сближаться с Италией, а, наоборот, пытается использовать итало-абиссинский конфликт для сближения с Великобританией. Это не означает, что германский империализм не будет помогать Италии против санкций Лиги наций. Германия будет делать подачки итальянскому фашизму, хотя бы для того, чтобы набить себе цену в глазах Великобритании. Одновременно она использует эту возможность оказать помощь итальянскому фашизму, чтобы включиться в англо-французские переговоры и не допустить возникновения англо-французской Антанты. Такая политика является **самой серьезной помощью, которую может оказать фашистская Германия фашистской Италии.**

И тут мы подходим к интереснейшему вопросу об оценке итало-германских отношений, которые не укладываются в простые понятия «сближения» или «вражды». Обе державы и в периоды

сближения и в периоды вражды объективно играют друг другу на руку.

Итальянский фашизм строил свою программу борьбы за новый передел мира на поддержке стремлений разбитого германского империализма к восстановлению своей мощи. В процессе разрыхления Версальского договора Италия сыграла значительную роль в подготовке обстановки, которая позволила германской буржуазии допустить к власти фашизм как орудие решительной борьбы за восстановление германского империализма. Приход к власти Гитлера в свою очередь усилил позиции итальянского фашизма. Французский империализм, боясь возникновения итало-германского союза, должен был принять меры к сближению с Италией. Благодаря этому **итальянский фашизм очутился в роли посредника между Германией и Францией** и, делея эту роль со старым «мировым судьей» — английским империализмом, — уже открыто выдвинул программу ревизии Версаля и попытался в «пакте четырех» создать инструмент этой ревизии. Фашистская Германия делает первые серьезные усилия для захвата Австрии — предварительного условия юго-восточной экспансии Германии. Это толкает Италию на антигерманские демонстрации, на дальнейшее сближение с Францией и Англией. Но, потеряв временно свою позицию посредника между Германией и версальскими державами-победительницами, Италия требует за это уплаты чистого: она готовится захват Абиссинии. Италия угрожает переходом на сторону Германии, если Франция и Англия не легализуют будущего завоевания ею Абиссинии, если они будут этому противиться. Со своей стороны, Германия, торжественно заверяя в своем нейтралитете, в то же время угрожает поддержкой Италии, если будет организована франко-английская Антанта и если не будут удовлетворены те требования, которые германская дипломатия держит пока-что в портфеле, не желая преждевременно раскрыть свои карты.

Обе стороны — и итальянский и германский фашизм — очень обижаются по поводу утверждений об их совместной игре. Дело идет не о предварительно обусловленной согласованности германско-итальянской политики, а о той взаимной поддержке, которая вытекает из тождественного характера внешней политики итальянского и германского фашизма, поддержке, основанной на том, что обе державы стремятся к пересмотру мировой карты, к переделу мира.

Насчет связей Японии и Абиссинии пресса в продолжение последних лет была переполнена слухами, которые, как можно судить теперь, в значительной мере представляли собой итальянскую пропаганду, подготовлявшую выступление итальянского империализма для борьбы за Абиссинию и попытки запугать Великобританию. Сведения о постройке Японией авиационных баз в Абиссинии, о заключении тайного союза между Японией и Абиссинией, — не отвечают действительности. Но факт, что **абиссинское правительство искало помощи Японии**, посылая туда дипломатические миссии; факт, что наиболее правые черносотен-

ные японские организации требовали защиты этой «цветной нации» от «белых»; факт, что Италии удалось вытеснить японский текстильный импорт из Абиссинии. Когда начался англо-итальянский конфликт, японское правительство и империалистическая общественность Японии проявили большую сдержанность. Давнишние японские угрозы вмешаться в абиссинские дела преследовали весьма определенную цель — указать английскому империализму, что Япония может на угрозу у Сингапура ответить созданием угрозы морскому пути Великобритании у Адена. Теперь, когда эта угроза создана Италией, **Япония может пока-что отодвинуться на задний план и требовать награды за свою кротость в абиссинском вопросе.** Эта награда должна состоять в большей уступчивости Англии на Дальнем Востоке; уступчивость Англии, кстати сказать, диктуется еще и тем, что Англия принуждена оттянуть часть своих морских сил с Дальнего Востока в Средиземное и Красное моря.

Что же касается Соединенных штатов Америки, то они пока еще не определили окончательно своих позиций. Пока-что Соединенные штаты оказали **значительную услугу Англии**, наложив запрет на вывоз оружия и в Италию и в Абиссинию и начав в известных пределах **экономический бойкот Италии.** Этот жест является ответом на постоянный вопрос, задаваемый английским империализмом Америке: что сделает Америка в случае санкций Лиги наций против агрессора, а тем более — в случае перерастания этих санкций в блокаду. На этот вопрос в 1932 г., на конференции по разоружению, Норман Девис, представитель американского правительства, ответил, что Америка, не входя в Лигу наций, не может принимать участия в мерах, принятых Лигой против агрессора, но не будет мешать этим мерам.

Теперь, заявив, что американские граждане могут торговать с обеими воюющими сторонами лишь на свой риск и страх, не ожидая поддержки правительства, в случае если эта торговля натолкнется на препятствия, вызванные наличием войны, — США говорят этим Лиге наций, что они не будут настаивать, чтобы учитывались интересы Америки, как страны, не входящей в Лигу наций, т. е. нейтральной по отношению к мероприятиям Лиги. Как будет в дальнейшем развиваться политика США — трудно сейчас предугадать, ибо неизвестна обстановка, в которой Америке придется принимать решения. Так как обстановка, вызванная англо-итальянским конфликтом, ослабляет позиции Великобритании, делая необходимой переброску значительной части морских сил Великобритании из Северного моря и с Дальнего Востока в Средиземное море, — **то англо-американское сближение требовало бы значительных уступок со стороны Великобритании.** В какой области Англия принуждена бы была делать эти уступки — трудно еще сказать. Мы считаем **позицию, занятую сейчас США, очень условной и неокончательной.**

Пытаясь дать картину тех изменений и маневров, которые вызвала борьба вокруг абиссинского вопроса, мы анализировали

политику только великих империалистских держав, оставляя пока-что в стороне политику меньших капиталистических стран. Эти страны будут действовать в зависимости от своих отношений к главным действующим лицам великой исторической драмы. В период развертывания конфликта большое влияние на их позицию будут оказывать не только общие политические установки, но и временные конъюнктурные экономические соображения. Австрия и Венгрия уже заняли определенные позиции, отказываясь принимать участие в санкциях и мотивируя свою позицию ссылкой на «дружбу» с Италией.

«Дружба» является псевдонимом **политической зависимости от Италии**. Отказ Венгрии от проведения решений Лиги наций во имя союзных или вассальных отношений связан с тем, что Венгрия не надеется на помощь Лиги в деле прирезки значительных территорий от Югославии, Румынии и Чехословакии, а итальянский империализм эту прирезку обещает. Венгрия предпочитает пойти с итальянским империализмом, даже несмотря на риск конфликта с Лигой, т. е. с державами, состоящими в ней.

Позиция Австрии продиктована уверенностью господствующей в Австрии клики представителей хеймвера и остатков бывшей христианско-социальной партии в том, что без итальянской армии, как резерва, она не в состоянии удержать власть. Эта клика предпочитает отказаться от помощи Лиги наций, если эта помощь требует охлаждения отношений с Италией.

Большой интерес представляет позиция польского правительства, хотя роль его может оказаться значительной только в случае перехода итало-абиссинского конфликта в общеевропейский. Польское правительство заняло формально сдержанную позицию, не выступив против санкций. Однако, бросаются в глаза два факта. Польский официоз «Газета польска», не высказываясь в редакционных статьях по поводу конфликта, атакует в статьях лондонского, парижского и женеvского своих корреспондентов политику санкций, занимаясь исключительно разоблачением английских интересов, игнорируя вопрос о том, что отказ от санкций был бы отказом от существования Лиги наций. Враждебность идее коллективной безопасности, характеризующая польскую политику, как и политику Италии и Германии, приверженность к двусторонним сделкам, показывает, что Польша считает себя обеспеченной какими-то другими гарантиями против германского нападения. Укрепление отношений между Германией и Польшей, учащающиеся встречи польских политиков с венгерскими, бесперывные нападки на Чехословакию, — все это показывает направление развития польской политики.

III. Перспективы

Дальнейшее развитие конфликта будет, понятно, в значительной мере зависеть **от хода военных событий в самой Абиссинии**. Теперь уже ясно, что те военные специалисты, которые считали,

что громадный технический и материальный перевес итальянского империализма над феодальной Абиссинией не гарантирует быстрой победы итальянского оружия, оказались правы.

40 км, захваченных в продолжение недели на территории, непосредственно прилегающей к великолепно подготовленному для войны эритрейскому плацдарму, где Италия сумела перед началом военных действий построить железные дороги и автомобильные шоссе, создать большие базы снабжения, — показывают, что итальянское продвижение будет очень медленным, если Италии не удастся вызвать раскол в лагере абиссинских удельных князей и феодальных вельмож.

Санкции, принятые Лигой наций, не могут иметь быстрого, решающего влияния на ход событий, но они безусловно будут влиять на политическое положение Италии, усиливая и без того громадные военные и материальные затруднения. Если Италии не удастся расколоть господствующих в Абиссинии феодалов, то она может оказаться вынужденной **отступить на данной стадии и пойти на компромисс с Великобританией**, над достижением которого непрерывно работает французская дипломатия. Доклад комитета пяти представлял проект такого империалистического компромисса, прикрытого видимостью протектората Лиги наций над Абиссинией (с «согласия» негуса). Этот проект был отклонен Италией, ибо он не только не давал ей политической власти в Абиссинии и оставлял возможность для усиления английского империализма под прикрытием уполномоченных Лиги, но и не давал Италии никаких серьезных территориальных выгод. Если бы Италии удалось по реке Веби-Шебели добраться до Харарской провинции, завладеть юго-западной, плодородной частью Абиссинии и добиться захвата провинции Тигре, то итальянский империализм мог бы, для избежания вооруженного конфликта с Великобританией, остановиться пока-что на этой полупобеде. Это является, видимо, программой и части французского правительства, как ее излагает Владимир д'Ормессон в «Фигаро» от 11 октября. Но примирились бы или нет с такой победой Италии лагерь абиссинских феодалов и абиссинские крестьянские массы — этого, понятно, сейчас сказать нельзя. Но ясно, что **налицо линия на колониальную сделку**, отвечающая агло-франко-итальянскому соглашению 1906 г., перенесенному в теперешнюю обстановку. Ход событий может не допустить такого компромисса. **Тогда возможно перерастание санкций в блокаду** с нарастающей опасностью вооруженного конфликта.

Итальянский фашизм подготовлял эту войну политически, дипломатически и в военном отношении, распространяя в массах идею необходимости войны.

В своей принципиальной статье, формулирующей основные идеи итальянского фашизма, помещенной в итальянской энциклопедии, Муссолини в 1932 г. объявляет войну основным законом развития человечества:

Политическая карта Африки. Пунктиром и сплошной линией показаны морские пути Италии в свои колонии в Восточной Африке.

«Только война приводит человеческую энергию к величайшему напряжению и покрывает честью народы, которые имеют мужество вести ее. Все другие формы испытания народов — это подделка, которая никогда не ставит человека перед высшим решением, перед выбором между смертью и жизнью».

Фашизм создал культ войны в массах своих приверженцев. К этой войне фашизм прибег в обстановке, которую он не предвидел и не учел. Фашизм **играет своей судьбой**, но одновременно он **играет судьбами всеобщего мира и судьбами капиталистической Европы**.

* * *

Советский Союз исходит в оценке итало-абиссинской войны из своих принципиальных установок и из реальной оценки всех факторов, могущих играть роль в дальнейшем разворачивании событий.

Советский Союз рассматривает эту войну, как **нападение империалистического государства на отсталый полукOLONиальный народ**. И наше отношение к империализму и наше отношение к освободительной борьбе колониальных и полукOLONиальных народов определяют наше принципиальное отношение к этой войне.

Эта война является первым шагом итальянского фашизма в его борьбе за передел мира, в борьбе, которая не может не усилить всех сил, **ведущих к мировой войне**. Считая, что интересы международного пролетариата требуют мира, мы не можем иначе относиться к итальянскому нападению на Абиссинию, как к шагу, направленному против интересов международного пролетариата.

В согласии с интересами международного пролетариата интересы Советского Союза, его социалистического строительства требуют борьбы за мир. Поэтому Советский Союз, в лице своих представителей, с самого начала конфликта выступал против допущения войны.

Стоя на защите интересов колониальных народов, против империалистического порабощения, Советский Союз **не мог и не может поддерживать тенденций к решению конфликта путем подчинения Абиссинии империалистскому контролю**, хотя бы и прикрываемому плащом мандата Лиги наций. Тем более, Советский Союз не может поддерживать стремления к окончанию этой войны путем раздела Абиссинии на основе старых империалистических договоров.

Франция и Англия являются наравне с Италией участниками этих империалистических договоров. Это наложило свой отпечаток на так называемые «мирные стремления» этих империалистских держав. Роль Англии в мобилизации сил Лиги наций против итальянской агрессии вызвана в первую очередь интересами сохранения коммуникационной линии Британской империи и ее колониального владычества. Этот факт неминуемо наложит свой отпечаток и на дальнейшую политику Англии, создавая постоянную **возможность компромисса за счет народов Абиссинии**.

Но Советский Союз, зная этот характер английской политики, не мог не учитывать, что хотя защита Англией устава Лиги наций вызвана империалистическими интересами, но **сохранение и усиление коллективной организации мира лежат в интересах международного пролетариата и СССР** — главного защитника мира. Ликвидация Лиги наций, могущей быть бугорком, затрудняющим **дело войны**, лежит только в интересах тех сил, которые работают над подготовкой войны за передел мира.

Неизвестно, какой оборот примут события, какие перегруппировки в лагере империалистов еще могут произойти. Неизвестно, не пойдет ли Великобритания для защиты интересов своей империи от итальянского империализма на сделки с более опасными и более сильными, чем Италия, врагами всеобщего мира, мирового пролетариата и СССР.

Все это диктует необходимость величайшей бдительности пролетариата, необходимость сохранения самостоятельной марксистско-

ленинской ориентации в этом конфликте, который может вырасти в мировую войну. Не в фарватере английской политики будет двигаться корабль пролетариата. У него есть свой собственный фарватер — фарватер защиты мира, защиты интересов колониальных народов, защиты международной солидарности пролетариата, защиты своего социалистического отечества. Пролетарский корабль ведет испытанный кормчий, лучший ученик Ленина, вождь народов первой социалистической республики — товарищ Сталин. Ленинско-сталинская политика конкретного учета каждого исторического изгиба, учета значения роли и веса каждой группировки и перегруппировки в лагере наших классовых врагов, учета того, что мы подошли к новому туру войн и революций, — вот наш подход к итапо-абиссинскому конфликту. Интересы социализма — вот путеводная звезда международного пролетариата в этом конфликте. Мобилизация классовой бдительности, революционной энергии и боеспособности — вот наша задача в дни, когда одно фашистское государство, играя своей головою, играет в то же время головой человечества.

КАРЛ РАДЕК

«Большевик» № 19.

ГЕРМАНИЯ И ВОЙНА В АБИССИНИИ

Весь мир наполнен лязгом оружия. Ощущаются подземные толчки, в воздухе — предчувствие приближающейся исторической бури. Взоры всех направлены не столько на войну Италии против Абиссинии, сколько на итапо-английский конфликт, который может перерасти в общую свалку. Только одна Германия живет в глубоком мире, занятая своим национальным возрождением... «Мир стоит перед фактом, что Германия не играет никакой, даже малейшей, роли в теперешнем великом политическом конфликте и что, несмотря на это, все мировое здание глубоко потрясено»... Такие пастушеские трели добывает из рожка господин Альфред Розенберг («Фелькишер беобахтер» от 8 сентября), и германские фашисты считают эту чудовищную глупость такой глубокой дипломатией, что этот мотив германской Аркадии среди потрясенного мира повторяется по приказу министерства пропаганды во всей германской фашистской печати. А старый империалистский волк, бывший корветтен-капитан и матерый застрельщик германского империализма граф Эрнст Ревентлов, которому очень трудно бегать в шкуре гитлеровской мирной овцы, мычит в своем журнале «Райхсварт»: «Абиссинская война не является изолированным событием. Она касается прямо или косвенно всех европейских стран, Японии, Соединенных штатов, всей Азии и Африки».

Всех касается, только Германии не касается! Но такой доброжелательный наблюдатель Германии, как корреспондент польского официоза «Газета польска» г. Казимир Смогожевский, писал уже

в конце сентября, что на вопрос старого приятеля, приехавшего из Америки, какие проблемы больше всего занимают внимание руководящих кругов Германии, он ответил: «Дальнейшая консолидация германского внутреннего строя и... **Абиссиния**». Что на этот раз г. Смогожевский сказал правду, это не подлежит ни малейшему сомнению.

* * *

Германская фашистская пресса дает очень **пессимистическую оценку перспектив затеи итальянского фашизма**. Дело идет не только о военных перспективах.

«**Перспективы создания новой Римской империи**, опирающейся на экономическое и военное преимущество на Средиземном море, для сегодняшней Италии очень малы, если **не безнадежны**», — пишет экономический еженедельник национал-социалистов «Die deutsche Volkswirtschaft» (от 2 октября). Он подробно мотивирует эту точку зрения:

«Другие страны, расположенные на Средиземном море, не находятся в эпохе упадка, как это было во время старого Рима, а в эпохе подъема, если совсем отвлечься от факта, что значительное их количество пребывает под английской и французской опекой».

Рассматривая перспективы борьбы Италии с Англией, журнал высказывает убеждение, что Италия остается «**пленником Британской империи на Средиземном море**». Что касается **военных перспектив в Абиссинии**, то германская печать особенно подчеркивает громадные **трудности**, стоящие перед Италией и высказывает убеждение, что во всяком случае силы Италии будут настолько надорваны в Абиссинии, что окажутся **недостаточными для того, чтобы играть роль антинемецкого стража на границах Австрии**. Корреспондент парижского «**Матен**», побывавший на нюрнбергском съезде германских фашистов, рассказывает, что один из наиболее влиятельных сотрудников Гитлера сказал ему:

«Муссолини, хотя и с трудом, но мог одновременно стоять во всеоружии и у Бреннера, и у границ Абиссинии. Теперь Англия заставила его укреплять свой тыл на Средиземном море. Но так как он, наверное, не откажется от Абиссинии, то ему придется **быть несколько более податливым в Австрии**. После тяжелого опыта, который он проделал в последнее время, не исключено, что ему придется поискать новых приятелей или подновить старую дружбу».

Но германские надежды, возникшие в связи с войной в Абиссинии, не ограничиваются убеждением, что абиссинские события открывают возможность «по-новому подойти» к австрийскому вопросу. Как только Италия поставила в порядок дня вопрос о **переделе колоний в Африке**, Германия немедленно ответила **постановкой вопроса о переделе колоний вообще**. В один и тот же день — 25 августа — два руководящих органа германской буржуазии, наиболее тесно связанные с монополистским капиталом (мы

приводим лишь самые важные высказывания), подняли знамя **борьбы за колонии**. «Если будет поставлен вопрос о переделе африканских колоний, то Германия имеет право не быть обойденной», — писала «**Дейче альгемейне цейтунг**», причем газета ссылалась на то, что такое требование публично выдвинули **министр внутренних дел доктор Фрик и министр хозяйства доктор Шахт**.

«**Кельнише цейтунг**» привела перечень моментов, доказывающих «необходимость» увеличения колониального могущества Японии и Италии и возвращения колоний Германии. Свою статью газета озаглавила: «**Ближайший вопрос, перед которым будет поставлена Европа, это — вопрос о колониях**». Колониальная пропаганда в Германии за последнее время усиливается с каждым днем. В продолжение двух-трех месяцев появилось больше полудюжины книг, посвященных обоснованию «священных прав Германии» на эксплуатацию колониальных народов.

* * *

Возможности **перегруппировок среди империалистских великих держав** германская пресса уделяет глубочайшее внимание, хотя по приказу свыше она высказывается с большой сдержанностью, ожидая момента, когда этот вопрос созреет. Наиболее **холодно она трактует попытки итальянцев к сближению**, как то: похвалы, расточаемые частью итальянской печати германской «объективности» в отличие от английской.

«**Кельнише цейтунг**» в номере от 3 сентября в статье своего многолетнего римского корреспондента, посвященной колониальной политике Италии, ставит все точки над и, говоря:

«Италия может вести свою колониальную политику, только **опираясь на великую державу, которая сама в Средиземном море не заинтересована и сможет Италии обеспечить тыл. Но так как этого обеспечения она не имеет, то она вынуждена, посылая в Африку 200 тыс. солдат, одновременно мобилизовать миллион солдат, чтобы только обеспечить свое положение на европейском континенте. Где выход из этого imbroglio (замешательство), как говорят итальянцы?».**

И «**Кельнише цейтунг**» указывает итальянскому фашизму: ты порвал с германским фашизмом, ослабил себя, влез в болото, мы тебя теперь вытянуть не можем, отступай, после добивайся нашей помощи, за соответствующую цену мы тебе обеспечим тыл, и тогда тебе будет большое плавание. В речи, произнесенной на нюрнбергском заседании так называемого рейхстага, рейхсканцлер **Гитлер** сказал, что Германия не намерена бросаться в объятия всякого иностранного государственного деятеля, который соизволит протянуть ей руку. Это замечание бесспорно относилось к Италии. Переход Италии в лагерь Стрезы в Берлине не забыт. и Берлин не намерен скоропалительно вытаскивать Италию из imbroglio. Пусть потерпит, тогда будет дороже пенить нашу дружку.

Но дело не только в желании повысить для Италии цену за дружбу Германии. Дело в том, что главная забота Германии в данный момент заключается в том, чтобы не допустить укрепления франко-английских отношений.

Германия, напуганная франко-английскими переговорами, пытается включиться в эти переговоры, чтобы не допустить усиления франко-английских отношений и заставить обе державы договориться и с нею. Чтобы получить соответствующую цену, Германия указывает на то, что она не связана решениями Лиги наций, что через Австрию и Швейцарию она может вывозить в Италию все, что ей захочется. «Мы, немцы, видим, таким образом, что между нами и Италией возникает область, в которой санкции или совсем не будут проведены, или только частично», — пишет «Франкфуртер цейтунг». Мы читаем уже в голландских газетах о растущем вывозе Германии в Италию и по железной дороге и морским путем через Амстердам.

Эта помощь, оказываемая Германией Италии, имеющая своей целью заставить Англию уплатить соответствующую цену, не является самым важным для Италии. Самое важное то, что если бы Германии удалось саботировать попытки окончательного англо-французского сговора, то тогда стало бы невозможным усиление нажима на Италию. Понятно, что это не представляет самостоятельной цели германской стратегии, а служит более важной задаче. Вбивая клин между Францией и Англией и помогая превращению конфликта на Средиземном море в затяжной конфликт, германская дипломатия надеется добиться принципиальной сделки с Великобританией насчет положения в Европе.

«Незаинтересованная» в абиссинском вопросе Германия пытается англо-итальянский конфликт использовать, чтобы добиться от Великобритании сделки, которая дала бы ей свободу рук в Европе.

КАРЛ РАДЕК

«Известия» от 18/X-35 г. № 244.

ЯПОНИЯ И ИТАЛО-АБИССИНСКАЯ ВОЙНА

Общеизвестно, что значение итало-абиссинской войны выходит далеко за рамки интересов непосредственных ее участников. Перекрещивающиеся интересы различных стран, в той или иной степени вовлеченных в «абиссинский конфликт», создают прямую угрозу дальнейшего его осложнения и, во всяком случае, повсеместно и в чрезвычайной степени усиливают военную опасность.

Вполне естественно поэтому, что всеобщее внимание привлекают позиция и отношение к войне в Северной Африке тех империалистических стран, которые в силу разных причин уже приобрели печальную репутацию наиболее вероятных агрессоров и по-

следующие действия которых способны вызывать тем большую настороженность в отравленной атмосфере уже ведущейся войны.

Не последнее место среди этих стран занимает империалистическая **Япония**, несмотря на свою географическую отдаленность от арены военных действий в Абиссинии, несмотря на то даже, что японские войска не первый год уже основательно «заняты» осуществлением грандиозного по масштабу завоевания и освоения захваченных территорий **Китая**.

Прежде всего, какова **официальная** позиция японского правительства в данном конфликте? При рассмотрении этого вопроса в первую очередь естественно бросается в глаза так называемый «инцидент с Сугимурой».

Еще летом этого года, задолго до развертывания вооруженного конфликта японский посол в Риме Сугимура, будучи приглашен г. Муссолини для ознакомления с позицией Японии по отношению к итало-абиссинскому конфликту, сообщил, что «на основании инструкций японского правительства он официально уполномочен заявить, что Япония не имеет намерения вмешиваться в итало-абиссинский конфликт и, вообще, японское правительство не имеет каких-либо политических интересов в Абиссинской империи».

Как только телеграф донес до Токио сообщение об этом заверении, видный чиновник японского министерства иностранных дел Амо (широко известный своей прошлогодней «декларацией от 17 апреля» о монопольных «правах» Японии на руководящее положение в Китае) публично дезавуировал Сугимура, указав в печати, что министерство не давало послу в Риме полномочий на заявление об отказе Японии от всяких политических интересов в Абиссинии.

Этот почти небывалый в практике японской дипломатии инцидент приобрел еще более пикантный характер благодаря немедленно развернувшейся **гласной** полемике между японскими дипломатами. Сугимура публично подтвердил правильность своего утверждения, сославшись на то, что «люди из информационного отдела мининдела» (шефом которого является Амо) не осведомлены о тех директивах, которые он получает от правительства. Чтобы выйти из создавшегося сложного положения, японский мининдел должен был опубликовать специальное разъяснение, смысл которого сводился к тому, что Сугимура действовал на основании **старых** инструкций, данных ему еще в октябре 1934 г., в момент его отъезда в Италию. Так как эти инструкции не могли учитывать развития событий в Абиссинии, созданного угрозой итальянского выступления, то и не заключали в себе указания на необходимость оговорить специальные японские политические интересы в данной ситуации.

«Исправленная» таким образом официальная формула отношения японского правительства к итало-абиссинскому конфликту гласила, что Япония не имеет намерения вмешиваться в конфликт, сохраняя позицию строгого нейтралитета, **но** намерена внима-

тельно **следить** за дальнейшим развитием событий, поскольку она **обладает** определенными интересами в Абиссинии.

Таким образом, официально была декларирована политика **выжидания** с указанием на наличие у Японии **прямых** интересов в Абиссинии.

Несомненно, что такие интересы существуют, прежде всего, экономического порядка.

После заключения торгового договора между Японией и Абиссинией, ратифицированного в 1932 г., абиссинский рынок стал играть известную роль в японской внешней торговле. По японским преуменьшенным данным, японские товары составляют свыше $\frac{1}{4}$ всего ввоза Абиссинии (26,6%). Японский ввоз в Абиссинию приблизительно оценивается в сумму около 2 млн. иен в год.

За все последние годы японский ввоз в Абиссинию (главным образом, текстильные товары) показывал тенденцию к росту. Одновременно японское правительство проявляло интерес к превращению Абиссинии в новую хлопковую базу японской текстильной промышленности в виду затруднений с покупкой хлопка в Индии и в Египте, созданных японо-английской торговой борьбой.

Довольно многочисленные «туристско-экскурсионные» и «научно-исследовательские» поездки в Абиссинию японских «чистых» и не чистых коммерсантов ставили своей целью не только отыскание конкретных возможностей расширения японского рынка в этой части Африки, но и были прямо связаны с прощупыванием **политических** перспектив Японии в «цветной», а, стало быть, враждебной «белому империализму» Абиссинской империи.

Первоначально деятельность этих торгово-офицерских японских коммивояжеров была заострена в первую очередь против «вождя белой расы» — Англии. В самый разгар обострения ожесточенной японо-английской торговой борьбы появление японцев в Абиссинии, помимо «чисто деловых» переговоров, которые они вели, о получении хлопковых концессий в немалой степени использовалось, как **шантажирование** английского империализма угрозой создания японской «занозы» на теле Британской колониальной империи как-раз в наиболее уязвимом пункте, возле коммуникационного нерва последней. Как-раз к этому времени относятся «слухи», распространению которых содействовали сами японцы, о том, что «возможно» создание авиационной японской базы на территории Абиссинии, что явилось бы «компенсацией» за укрепление Сингапура.

Несомненно, что и со стороны правителей Абиссинии идея сближения с далекой (а значит, «менее опасной») Японией находила положительные отклики. Японская политическая активность в Абиссинии получила свое официальное выражение уже в факте поездки в Аддис-Абебу (в 1930 г.) видного японского дипломата Иосида, который лично вел переговоры от имени правительства о заключении политического и торгового договоров. В 1931 г. спе-

пальный японский делегат присутствовал на коронации негуса Хайле Селасси, после чего негусом был произведен обмен подарками и высшими орденами с японским императором.

В 1932 г. начались многозначительные переговоры об укреплении японо-абиссинской дружбы матримониальными узами. Одна из представительниц старейшей японской феодально-аристократической фамилии Курода была намечена в жены абиссинскому престолонаследнику. При помощи столь несложной комбинации предполагалось подготовить почву для постепенного внедрения в Аддис-Абебу японских советников и инструкторов, вплоть до начальников общих отделов министерств и вице-министров включительно.

Дело, однако, закончилось **неудачей**, причем причинами ее послужило сильнейшее давление на негуса не только со стороны Англии, но и — **главным образом — Италии**.

Помимо указанных внешнеполитических причин, на известное время отвлекла внимание японского империализма от Абиссинии активизация японской агрессии в Китае.

В откликах японской буржуазной прессы на «абиссинскую проблему» можно явственно прощупать **две** тенденции, проявляющиеся с большей или меньшей ясностью в определенные моменты и отражающие **двойственную** линию поведения японского империализма по отношению к развивающемуся **итальянскому** наступлению на Абиссинию.

Первая линия заключается в перенесении «великих» принципов японской «борьбы» за «расовую справедливость» с азиатского на африканский материк и в инспирации «возмущения» действиями итальянского империализма в Абиссинии. Можно сказать, что большинство японской печати занимает антиитальянскую позицию. На крайнем фашистском фланге этой печати идеологи японских колонизаторов, маскируя империалистическую сущность собственной захватнической политики в Азии, выступают с протестами против подготавливающегося завоевания независимой «черной империи» «европейскими разбойниками». То обстоятельство, что Амо публично «одернул» Сугимура, трактуется при этом, как признак установившегося «принципиального» курса японской дипломатии, не допускающего никаких компромиссов с «белыми», когда речь идет об отстаивании «равенства рас». (Японские «пан-азиаты» и «расисты» не понимают при этом, что они вступают в досадное противоречие с самыми святыми идеями столь восхваляемого большинством из них германского фашизма!) «Дипломатия Хирота», — говорит японский журналист Киёсава, — «сделала еще один шаг вперед в сравнении с прошлым в связи с данным (итало-абиссинским) инцидентом. До сих пор его (Хирота) политика состояла в поддержании мира в «Восточной Азии». Теперь сфера ее влияния расширяется на далекую Африку. Она становится во главе борьбы рас и показывает всему миру свою готовность» («Кэйдзай Орай», сентябрь 1935 г.).

Однако, храбрые заявления г. Киёсава типа вышеприведенного рассчитаны исключительно на более или менее ограниченное

«внутреннее» японское потребление. Военственные прокламации японских «пан-азиатов» и фашистов различных толков, призывающих к вербовке добровольцев, чтобы идти сражаться за независимую «цветную» Абиссинию против «белых империалистов», несомненно, **не** отражают политического курса японского империализма.

Сильные антиитальянские нотки, звучащие в общем хоре японских голосов, продиктованы, конечно, не смехотворными претензиями на защиту угнетенных народов от насилий со стороны белой расы. Корни антиитальянских выступлений, которые, кстати заметим, **ни на минуту не превращались в антиитальянскую кампанию**, лежат как раз в обратном: в стремлениях японского империализма создать выгодную для себя базу для дальнейших переговоров с ненавистным «пан-азиатом» и «расистам» британским империализмом, выступающим в данный момент **против** притязаний Италии.

Японская дипломатия считает безусловно «целесообразным», чтобы Англия не только «увязла» в европейских делах, что само по себе означает серьезное ослабление ее возможностей противодействия японской агрессии на Дальнем Востоке, но чтобы при этом она «спокойно», если не сочувственно, относилась к возможным японским военным шалостям, если не в самом Китае, то хотя бы к направленным против Монголии и СССР.

Но, поскольку подобные «шалости» могут вызвать потребность не только в сочувствии определенных английских кругов, но и в более существенной помощи, которую Англия может и не оказать, то... отношение японского империализма к войне в Абиссинии не может быть «однобоко» антиитальянским.

Вторая линия, намечающаяся в японской печати и выраженная в первоначальной «неисправленной» редакции заявления Сугимы, состоит в подчеркивании **незаинтересованности** Японии в таком специфически «европейском деле», как события в Абиссинии.

Солидная газета «Кокумин» в передовице еще более «нейтрально» выражает сочувствие итальянскому империализму по поводу его тяжелой доли, вынуждающей на военные действия в Абиссинии.

«Мы полагаем, что Италия с ее небольшой территорией и недостаточностью естественных ресурсов находится в таком положении, что она вынуждена без всяких церемоний искать развития своей мощи за рубежом. Безошибочно, она может ожидать от находящихся почти в таком же положении японцев сочувствия и понимания».

В высказываниях японской печати об итало-абиссинской войне есть много поучительного.

Они не только лишний раз подтверждают «неделимость» мира. Они показывают также, где следует искать его врагов.

Е. ЖУКОВ

Впервые за все свое существование Лига наций приняла решение, устанавливающее, что один из ее членов нарушил ее устав и прибег к военным действиям против другого члена Лиги. На основании устава Лиги установление подобного факта автоматически приводит к применению статьи 16-й устава, предусматривающей **репрессивные меры против государства, нарушившего устав Лиги.**

Удивленный читатель спросит, не имело ли места подобное нарушение устава Лиги наций в **Манчжурии** в сентябре 1931 г.? Ведь и тогда Япония, не объявляя войны, двинула свои войска в Манчжурию, являющуюся частью Китайской республики, изгнала оттуда китайские войска и провозгласила «независимость» Манчжурии, находящейся по сегодняшнему дню под полным контролем японских военных властей. Как и Италия при вторжении ее войск в Абиссинию, Япония не объявила войны. Но тогда великим империалистическим державам удалось склонить китайское правительство к тому, чтобы оно **не заявляло о состоянии войны** и не разрывало дипломатических отношений с Японией. Китаю было указано, что, не объявляя войны, он облегчит США, Англии и Франции успешное ведение переговоров и поиски компромисса. **Абиссинское правительство** ответило на вторжение итальянских войск вручением дипломатических паспортов итальянскому посольству, т. е. **разрывом дипломатических отношений и открытым объявлением войны.** Абиссинское правительство руководилось не только учетом опыта китайского правительства, но и учетом отличия в международной обстановке, более благоприятно сложившейся в данный момент для Абиссинии, чем в свое время для Китая. Отличие в обстановке, в которой развивались манчжурские и абиссинские события, состоит, во-первых, в том, что **абиссинский театр военных действий** находится значительно **ближе к Европе;** во-вторых, держава, в первую очередь заинтересованная в прекращении итальянской агрессии, — **империалистическая Англия,** — **обладает большим перевесом над Италией,** чем перевес, который она имела бы над Японией в войне на Дальнем Востоке. Все это поставило Лигу наций в положение, при котором она не могла спрятать голову в песок и **должна была признать факт нарушения Италией статьи 12-й устава Лиги наций.** С момента же, когда этот факт был установлен Советом Лиги, по уставу Лиги наций **вопрос о мерах,** которые должны быть приняты против страны, нарушившей этот устав, уже не подлежит голосованию. Тогда вступает в силу статья 16-я устава. Первый пункт этой статьи гласит:

«Если член Лиги прибегает к войне, противной обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15-й, то он ipso facto (тем самым) рассматривается, как совершивший акт войны против всех других членов Лиги. Последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, воспретить все сноше-

ния между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего устав, и прекратить всякие финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно членом Лиги, или нет».

Мера, которую предусматривает эта статья, заключается в первую очередь в **разрыве экономических и финансовых отношений** между страной, объявленной нападающей, и другими членами Лиги наций. Смысл этого пункта статьи 16-й, который является **самым важным во всем уставе**, очень ясный, но, несмотря на это, он подвергался многим толкованиям, напешшим свое выражение в докладе третьего комитета ассамблеи (пленум) Лиги наций, принятом 4 октября 1921 г. Выводы этого доклада не являются обязательными для членов Лиги, но они считаются официозным комментарием. Какие наиболее важные выводы делает этот комментарий? Он заявляет, что нарушение устава Лиги наций не обязывает каждого члена Лиги наций считать себя находящимся в состоянии войны с нарушителем устава, но что каждый член Лиги наций **может сам решить**, что после нарушения состояния мира другим государством, вопреки уставу Лиги наций, он считает себя находящимся в состоянии войны с нарушителем мира и может принять военные меры против него. Но, комментируя статью 16-ую, лигонационная «международная комиссия по блокаде» заявила, что **«16-я статья устава Лиги наций по преимуществу имеет экономический характер и в этом смысле надо интерпретировать ее решения»**.

Опираясь на это, третий комитет высказал мнение, что Лига наций, применяя санкции, **«ограничивается вначале известным экономическим нажимом, который, если необходимо, должен постепенно усиливаться и укрепляться**. Члены Лиги наций могут в конечном счете объявить войну только тогда, если государство-нарушитель будет продолжать свои действия, направленные против мира». Официозный комментарий 1921 г. **ограничивает**, таким образом, заранее смысл статьи 16-й устава Лиги, сведя его преимущественно к **экономическим санкциям**.

Что касается самых мер, проводимых членами Лиги наций, как экономических, так и военных, то **Совет Лиги наций не принимает решений, обязательных для членов Лиги наций, а только рекомендует им действия**, которые он считает наиболее соответствующими цели. В виду необязательного характера этих рекомендаций, они **не требуют единогласного решения Совета Лиги наций**. Но Совет Лиги наций обязан **координировать действия членов Лиги наций, направленные против государства-агрессора, и члены Лиги наций обязаны оказывать друг другу финансовую и экономическую помощь при проведении соответствующих мер**.

Такова юридическая сторона санкций в общепринятой интерпретации статьи 16-й. Что это означает в данном конкретном случае?

Лига наций может рекомендовать всем входящим в ее состав державам **порвать все экономические и финансовые** отношения с Италией или может рекомендовать им для начала **только отказ от экспорта в Италию оружия и сырья, необходимого для его производства**. Она может также рекомендовать им **отказаться** в предоставлении Италии **всяких кредитов**. По сведениям наиболее информированных английских и французских журналистов, **английское правительство выступает за одновременные общие меры**, должествующие в короткое время оказать максимальное воздействие на Италию. **Французское же правительство** — по тем же сообщениям — готово **пока-что только на применение запрещения вывоза оружия в Италию, а также запрещения предоставления Италии кредитов**. Очевидно, между Лондоном и Парижем существует также расхождение насчет **размеров бойкота итальянского вывоза** (значение этого бойкота состоит в том, что он должен **уменьшить валютные фонды Италии** для закупок за границей).

Как известно, Муссолини заявил, что он ответит военными действиями только на военные действия. Иначе говоря: **он принял экономические меры Лиги наций в предполагаемых масштабах за факт**, с которым надо считаться, но который не может иметь решающего влияния на ход событий. Итальянское правительство исходит при этом из следующих соображений: подготавливая вторжение в Абиссинию, оно **обеспечило себя запасами сырья**, необходимыми для производства вооружений в количестве, которое, по мнению Рима, будет достаточным для победы в войне. Италия имеет **серьезную военную промышленность**, достаточную для обеспечения военными материалами армии, воюющей с Абиссинией. Италия имеет, наконец, **запас золота в 4,3 млрд. лир**,¹ часть которого может быть использована для закупок, достаточных на тот ограниченный срок, в который итальянское правительство надеется закончить основные военные операции. Итальянское правительство исходит дальше из уверенности, что **ряд держав проявит лишь минимум усилий для выполнения рекомендаций Лиги наций**.

Заявления **Австрии и Венгрии** уже показали, что этот последний расчет был правильным. Государства, находящиеся в положении **политической зависимости** от Италии, — Австрия рассчитывает на итальянскую защиту от Германии, Венгрия ожидает итальянской помощи для расширения своих границ, — высказались против санкций, ссылаясь на свою «дружбу» с Италией. Рим рассчитывает также, что и для **Югославии** — 60% ее экспорта идет в Италию — участие в санкциях будет представлять большие затруднения, если она не получит соответствующей компенсации от Англии и Франции, которые, когда дело дойдет до больших расходов, могут и не спешить. Италия рассчитывает, что и **Швейцария** не будет очень ретивой в проведении санкций — по двум соображениям. Во-первых, она имеет значительное итальянское население

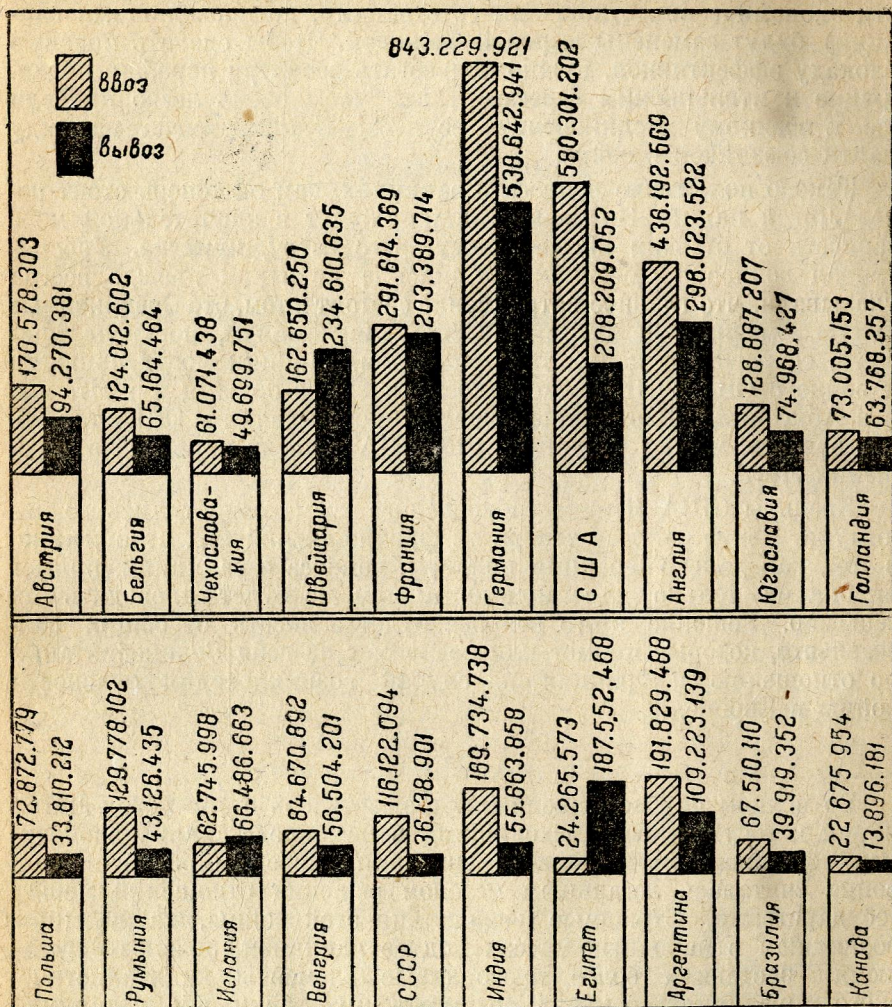
¹ Итальянская лира золотая — 37,5 коп., бумажная — 9,5 коп.

ние, находящееся под влиянием итальянской пропаганды. Во-вторых, по договору с Германией о транзите через Сен-Готардский туннель Швейцария обязана пропускать германские товары в Италию. Что же касается **Германии**, то она — не член Лиги наций и сможет, если сочтет, что это отвечает ее политическим интересам, снабжать Италию через Австрию или через Швейцарию железом, углем и оружием. Все эти возможности ограничены тем, что **ни Германия, ни Австрия, ни Венгрия не могут предоставить Италии кредитов**. Товарообмен с Италией будет поэтому ограничен размерами итальянского вывоза, а это очень скромная статья, ибо, например, валютное положение Германии заставило ее полностью отказаться от итальянских фруктов, привозившихся раньше в огромных количествах, и теми валютными ресурсами, которые сможет предоставить Италия. Кроме того, поскольку названные державы не имеют ни хлопка, ни нефти, ни меди, ни никеля, ни других родов военного сырья, а в них именно нуждается Италия, постольку те великие державы, которые захотят придать экономическим санкциям серьезный характер, смогут ограничить соответствующий вывоз в страны, не проводящие серьезно санкций, до размеров нормального импорта этих стран.

Экономические мероприятия Лиги наций против Италии не смогут иметь в продолжение нескольких месяцев решающего значения. Но было бы неверным уже на этой стадии отказывать им во всяком значении вообще. Сведения о росте цен в Италии, о закупках, которые делает население, опасаясь повышения цен или ухудшения качества товаров в дальнейшем, — все это является фактором не только экономического, но и **политического значения**. Решения об экономических санкциях нельзя скрыть, и оно вызовет в итальянских народных массах **уверенность в изоляции Италии**, в наличии опасностей, связанных с войной, что повлияет соответствующим образом на **настроение в армии**. Если **фашистскому правительству не удастся в течение ближайшего полугодия добиться решающих успехов, то значение экономических и финансовых санкций будет возрастать с каждым днем.**

Итальянская пресса и часть военных писателей за границей пытаются доказать **реальную возможность решающей победы Италии до весны**. Они указывают на наличие у Италии горных танков, артиллерии специального типа, созданной под углом зрения войны в Абиссинии, на тактику авиационной войны в сочетании с сухопутной и т. д. Все эти аргументы не очень убедительны, ибо они не учитывают **весьма специфического характера театра войны**, где дело идет не просто о горах, а о горных цепях, иссеченных тысячами пропастей и ущелий, о горах, отличающихся чрезвычайно крутыми, почти отвесными склонами. Мы думаем, что быстрый выигрыш войны зависит в первую очередь **не от военной техники, а от возможности внесения раздора в феодальную верхушку Абиссинии, от возможности подкупа ее части.** Только удача в этой области реально привела бы к более скорому окончанию войны, чем это принимает большинство военных писа-

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ИТАЛИИ

Итальянский ввоз и вывоз за первые 8 месяцев 1935 г. (в миллионах лир).

телей. Если Италии таким образом не удастся ускорить окончание войны, то давление экономических мер на нее будет расти.

При возрастающем влиянии экономических мер на общее положение Италии она должна будет или искать соглашения с руководящими империалистскими державами, или искать союзников для войны. Экономические санкции сами по себе не означают автоматического возникновения военной опасности. Другое дело, если

меры, принимаемые государствами в области регулирования их собственного вывоза в Италию или ввоза из Италии (или в области экономических отношений со странами, не проводящими санкций), будут заменены **морской блокадой**. Чтобы сделать морскую блокаду эффективной, нужно подвергать **досмотру корабли, подходящие к итальянским берегам**. Такие меры очень легко привели бы к **военному столкновению**, если бы Италия имела надежду найти союзников в войне.

Таково положение вопроса о санкциях, как он теперь стоит перед Лигой наций. Значение санкций будет в значительной мере зависеть от **степени англо-французского сотрудничества**. Рассматривая вопрос о санкциях, английские политики прежде всегда указывали, что **главное затруднение** состоит в том, что **Соединенные штаты Америки**, не являясь членом Лиги наций, могут не признать ее решений и что, таким образом, санкции могут привести к войне с США. США уже запретили вывоз оружия и в Италию и в Абиссинию. Настроение общественного мнения в США таково, что вряд ли можно допустить, что США захотят парализовать решения Лиги.

Кредиты США Италии за последнее время сократились до минимума. **Центр вопроса теперь во франко-английских отношениях**, в том, как далеко Франция пойдет в вопросе о санкциях, примет ли она их только для видимости или же будет проводить их серьезно. Решение этого вопроса будет зависеть от **общих обязательств**, которые примет или не примет на себя Великобритания по отношению к Франции на случай возникновения опасности войны в Европе.

* * *

Во всяком случае решения, которые теперь стоят перед Лигой наций и государствами, входящими в нее, представляют **эксперимент большого исторического значения**. Перед мировой войной война считалась легальным методом решения отношений между государствами. Страшные последствия этой войны, жажда мира, возникшая в народных массах под ее влиянием, опасность революции заставили более прозорливые элементы капиталистического мира думать о **мерах, затрудняющих войну**, ибо, возникнув в одном месте, она угрожает стать всеобщей и вызвать революцию.

В продолжение 9 месяцев Италия подготавливала войну, не встречая со стороны Лиги никакого сопротивления, которое внушило бы ей мысль об опасности войны. **Но остается фактом, что в первый раз в истории капитализма агрессия одной из держав вызвала попытки других поставить войну вне закона и ограничить ее продолжительность**. Если эта попытка увенчается успехом, то она затруднит агрессию другим державам. Если Лига наций окажется и теперь бессильной, то силы войны получают новый импульс. Вот почему **народные массы** во всех странах, как бы скептически они ни относились к Лиге, с напряженным вниманием

следят за ее решениями и с таким же вниманием будут следить за их проведением в жизнь. В окончательном счете настроение этих народных масс будет иметь большое значение для хода событий.

КАРЛ РАДЕК

«Известия» от 11/X-35 г. № 238.

СУЭЦКИЙ КАНАЛ

Суэц — один из часовых, охраняющих морские пути, связывающие острова и континенты обширной Британской империи, в которой «никогда не заходит солнце». Гибралтар, Мальта, Кипр, Суэц, Аден, Бассра, Сингапур представляют собой укрепленные военно-морские и авиационные базы, расположенные в стратегически важных пунктах. Суэц и крепость Аден превращают Красное море в английское озеро. Заперев Суэц, Англия в состоянии перерезать важнейший нерв итальянской экспансии в Абиссинии и решить исход абиссинской авантюры.

Формально Суэцкий канал не принадлежит Англии. Он расположен на территории Египта, получившего «независимость» в 1922 г. Турецкое правительство, которому когда-то принадлежал Египет, отдало канал иностранным капиталистам в лице «Всеобщей компании Суэцкого канала» в концессию на 99 лет (до 1968 г.). Концессия оказалась выгоднейшим делом. Каждый пассажир и груз, идущие через канал, облагаются налогом в пользу концессии. В 1934 г. через канал прошло 262 тыс. пассажиров и 32 млн. т груза (из коих четвертая часть — нефть), а доходы компании составили 895 млн. франков. Накануне кризиса размер дивидендов, выплачиваемых компанией, доходил до 40%. Прибыли компании мало упали в годы кризиса.

Рост итальянских перевозок через Суэц принес уже немалую пользу акционерам, для которых закрытие канала составило бы катастрофу.

Английское правительство сделалось главным акционером компании после того, как в 1876 г. оно скупило 44% всех акций.

Остальные акции принадлежат главным образом французскому и отчасти голландскому капиталу. Компания подчиняется египетским и французским законам, ее правление находится в Париже.

«Суэцкий морской канал, — гласит действующий ныне международный договор 1888 г. (подписанный Англией, Германией, Австрией, Испанией, Францией, Италией, Голландией, Россией и Турцией), — будет всегда свободен и открыт в военное и мирное время для каждого торгового или военного судна, без различия флага.

Канал не должен подвергаться блокаде».

Практика показала, что участники договора не всегда придерживались буквы закона. В русско-японскую войну злополучная эскадра Рождественского должна была погибать всю Африку, по до-

роге к берегам Японии, которая была в то время английской союзницей. И только вторая русская эскадра (Небогатова) была пропущена через канал. Итальянские карательные экспедиции в Эритрею и Сомали пропускались свободно.

В 1914 г. канал был оккупирован английскими войсками, построившими на берегах укрепления.

После войны Англия сохранила господство в зоне Суэцкого канала.

«Договор о Суэцком канале, — указывает «Дейли телеграф», — был заключен, когда не было Лиги наций и статьи 16-й ее статута, предусматривающей экономические санкции против агрессии. Если статья 16-я будет введена в силу и будут решены санкции, то договор о Суэцком канале отменяется теми действиями, которые предпринмет Лига наций, и британскому правительству придется иметь суждение о выполнении международного права». Таким образом, английский полуофициоз считается с возможностью закрытия Суэцкого канала в порядке коллективных санкций против Италии. Дело решится, разумеется, не юридическими аргументами.

Хватит ли у Англии сил, чтобы закрыть Суэцкий канал?

Технически Англия безусловно может закрыть канал от доступа с суши. В Средиземном же море, несмотря на военноморские и воздушные силы Италии — угрозу Мальте и угрозу итальянского подводного флота, — Италия не в состоянии силой заставить Англию открыть канал. Закрытие канала привело бы к войне с Италией. Англия уже перебросила и продолжает перебрасывать крупные военноморские и авиационные силы в Средиземное море. В срочном порядке строятся укрепления на о. Мальте, на Кипре, в Гибралтаре и других местах. В районе Порт-Саида (у входа в Суэц), где расположились английские истребители во главе с флагманским судном «Диспетч», готовятся маневры английских военных сил.

Орган германского рейхсвера отмечает быстрые темпы военноподготовительных работ англичан. Вместе с тем «Дейче Вер» подчеркивает успехи Италии, соорудившей военноморские и авиационные базы в Сицилии и Триполи, а также в Эгейском море на островах Додеканеза. При помощи этих сооружений Италия взяла в кольцо английскую военную базу на о. Мальте и может при помощи флота и мощной авиации преградить доступ в восточную часть Средиземного моря.

Таким образом, закрытие канала, если бы Англия выступила изолированно, могло бы оказаться обоюдоострым оружием: отрезав итальянские войска в Абиссинии, Англия одновременно пересекла бы жизненную артерию, связывающую ее с Ближним Востоком, Индией и Дальним Востоком.

Закрытие Суэцкого канала было бы возможно лишь при господстве английских сил в Средиземном море. Ради решающего превосходства над итальянскими силами Англии пришлось бы

перебросить такие резервы, которые подвергли бы серьезному риску ее позиции в Европе и на Дальнем Востоке. Война с Италией была бы крупнейшей операцией, последствия которой трудно предусмотреть.

С. Э.

«За индустриализацию».

ЕСЛИ БЫ НАЧАЛАСЬ АНГЛО-ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА...

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПАРИЖСКОГО ЖУРНАЛА
«ВЮ» О ПЕРСПЕКТИВАХ АНГЛО-ИТАЛЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Парижский журнал «Вю», опубликовавший недавно фантастический очерк «Война между Англией и Италией», помещает второй очерк на ту же тему, касаясь на сей раз позиции Франции в этой войне.

«Англия и Италия, — пишет автор статьи, — будучи отделены друг от друга рядом нейтральных стран, должны будут пересечь моря, если хотят померяться силами на море или на африканском театре военных действий. Проблема, таким образом, сводится в основном к состоянию военно-морских сил.

Превосходство Британии — подавляющее: 1105 тыс. т английского флота против 406 тыс. т итальянского флота. Но различие выявляется еще ярче, если разобраться в деталях. Итальянцы располагают старыми, построенными еще до войны, броненосцами по 22 тыс. т с орудиями в 305 мм; из них 2 совершенно негодны, 2 — реконструируются и не могут вступить в строй ранее двух лет; 2 — находятся в стройке и не так скоро будут готовы. Против себя они будут иметь 15 линейных кораблей противника с тоннажем в 29—42 тыс. т, вооруженных орудиями в 380 и 406 мм. Каждый из этих кораблей в отдельности может в несколько минут потопить 2 итальянских броненосца.

Нельзя полагать, что Англия может непосредственно вторгнуться в Италию и наоборот. Остается тогда воевать лишь в Африке — в Триполи, Египте, Абиссинии и окружающих ее английских и итальянских колониях. Но эти области лишены собственных ресурсов и человеческих резервов, а запасы, собранные здесь, быстро растаяли бы в огне современной войны. Необходимо было бы их возобновить, и победителем, весьма вероятно, оказался бы тот, кто смог бы лучше обеспечить свое снабжение. Таким образом, мы пришли к вопросу об охране путей сообщения.

Киренаика снабжается ныне через порт Бенгази, единственный порт, располагающий небольшой железной дорогой и наиболее близкий к границе Египта. Пути из итальянского Сомали и Эритреи проходят через Суэцкий канал и Красное море.

Смогла ли бы Англия действовать на этих путях?

Мальта доминирует над путями сообщения из Триполи в Киренаику. Но эта база уже на другой день войны не будет представлять опасности для итальянцев. Трудно сказать, попытаются ли они высадиться на этом острове, над немногими удобными бухтами которого доминируют береговые батареи, и рискнут ли они своим флотом ради такого ненадежного и к тому же бесполезного предприятия. Одной лишь угрозы с воздуха достаточно, чтобы нейтрализовать эту крепость, где английский флот даже в настоящий момент чувствует себя неуверенным. Мальта находится на

расстоянии одного летного часа от Сардинии. В течение одной ночи самолет, поднимающий 1500 кг бомб, может сбросить в этот порт от 3 до 4 т взрывчатых веществ. Две сотни самолетов, которые Италия могла бы бросить на эту операцию, представляют собой угрозу, которой не может игнорировать ни один флот в мире.

Англичанам нужно отступить по крайней мере на 500 км от итальянских берегов, чтобы укрыться от такой опасности, и при этом укрыться в очень хорошо защищенных портах — в восточной части Средиземного моря до Крита, на запад до Балеарских островов, поодаль от линии сообщения Италия — Бенгази.

Куда они могут еще отступить? Возможно, в греческие воды, например к берегам Крита. Но защита крупной эскадры, находящейся в открытом рейде, требует значительного количества береговых орудий противовоздушной обороны; нужно помнить о неприятельских подводных лодках, минах и т. д.

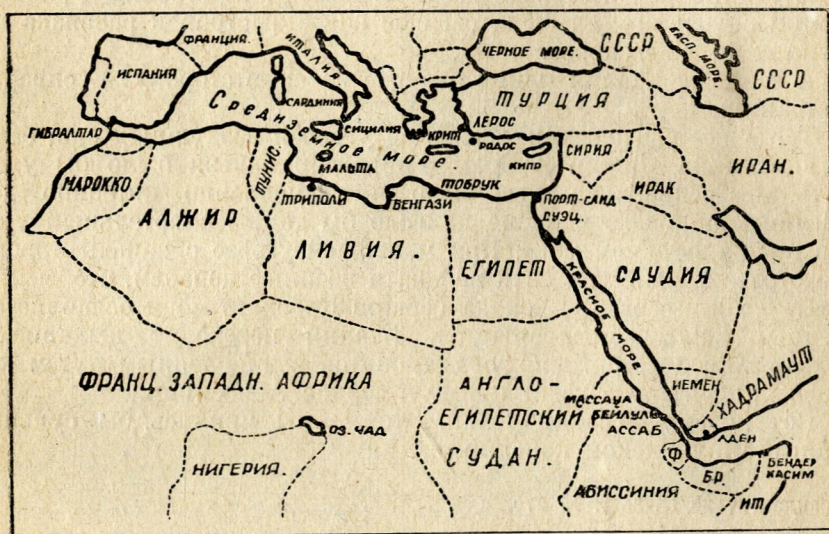
Пусть даже англичане укроются в Гибралтар и в восточную часть Средиземного моря, к берегам Египта или Кипра. Они крепко держали бы в своих руках оба выхода из Средиземного моря, но само море оказалось бы в итальянских руках.

А Красное море?

Что касается Эритреи и итальянского Сомали, то там положение иное. Англия господствует на Красном море и на Индийском океане, и итальянцы быстро бы были обречены на голод и лишения, несмотря на все свои военные успехи.

Таким образом, мы вскрываем характер всей войны: Италия почти свободна на Средиземном море, Англия господствует повсюду, кроме этого моря.

А если Франция поддержит Англию? — спрашивает автор.

Политическая карта средиземноморских стран.

Посмотрите на берега нашей Северной Африки с портами Бизертой, Тунисом, Суссой, Сфаксом, которые вытянулись, как часовые, перед Италией, и предположите, что мы их предоставим в распоряжение английского флота. Положение там не такое, как на Мальте, где рейд крохотный и авиабаза может быть разрушена при первой вражеской бомбардировке.

Англия могла бы тогда использовать подавляющую мощь своего флота, который сделался бы тотчас же хозяином на Средиземном море, откуда он был бы изгнан во время нашего нейтралитета.

Больше того: английские самолеты, базирующиеся на нашем африканском побережье и на побережье самой Франции, господствовали бы над всей итальянской территорией и английская военная авиация активно вступила бы в действие.

Французское выступление на стороне Англии быстро помогло бы снабжению Абиссинии. Открытие порта Джибути упрощает все: притекают продовольствие, военные материалы, подкрепления.

Мы вливаем жизнь в эту страну и придаем силы этому воинственному народу.

В общем, выступление Франции на стороне Англии обеспечило бы нашей союзнице господство на Средиземном море и привело бы тотчас же к изоляции Триполи и крушению итальянских надежд. Итальянский полуостров очутился бы под угрозой английских орудий и воздушных бомб. В Абиссинии она встретила бы вооруженный народ, английские деньги, английские подкрепления, прибывшие через Джибути... Это была бы агония.

Мы оставляем в стороне военную помощь со стороны Франции. В этом случае агония была бы еще более быстрой и развязка наступила бы еще скорее.

А если бы Италия привлекла нас на свою сторону? — спрашивает автор.

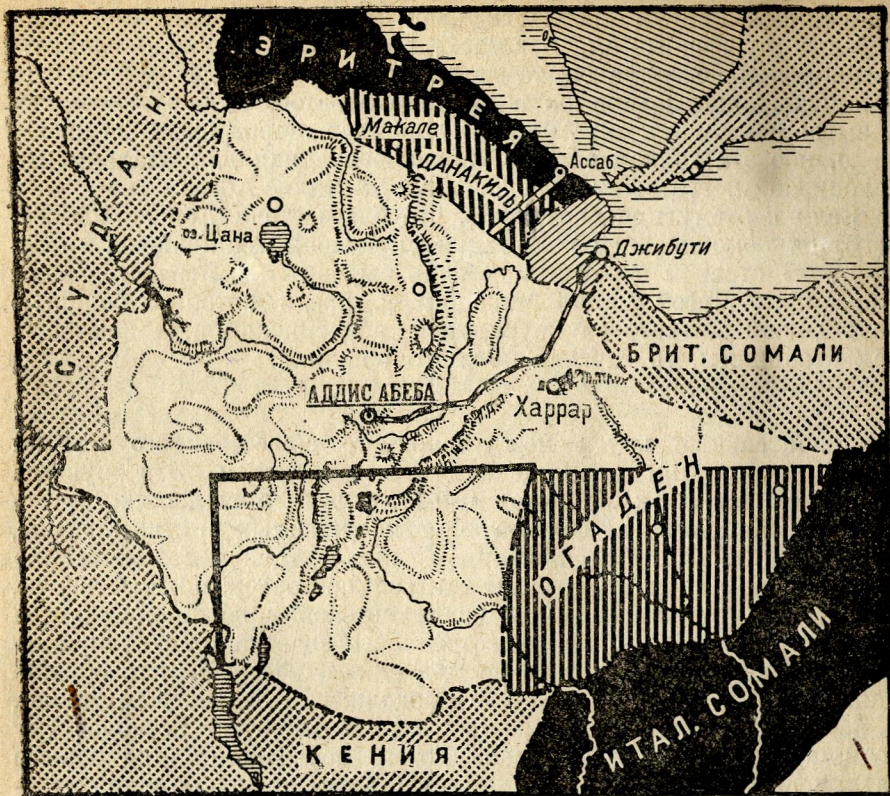
Тогда все бы переменялось. Под угрозой воздушных сил, базирующихся на Алжир и Оран, Гибралтар нельзя было бы удерживать, и Средиземное море было бы немедленно потеряно для Англии. Наше выступление нанесло бы также смертельный удар Англии на Красном море. При малейшей угрозе с нашей стороны она отозвала бы с юга свои войска и военные корабли, чтобы прикрыть себя с севера. Блокада берегов Красного моря ослабляется, военный нажим прекращается. Италия переводит дыхание... А железная дорога Джибути становится великолепным путем для вторжения, которое ведет прямо в сердце Абиссинии.

Вот почему, — заканчивает автор, — мы явились бы судьями в англо-итальянском конфликте».

«Правда» от 30/IX-35 г. № 270.

ЛИГА НАЦИЙ И РАЗДЕЛ АБИССИНИИ

Сведения о франко-английском компромиссе насчет предложений, которые должны быть сделаны Абиссинии, Италии и Лиге наций, произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Английское правительство было вынуждено заявить, что газетные сведения неправильно излагают содержание этих предложений. Теперь тексты опубликованы, и общественное мнение может установить, что газетные сведения ничуть не преувеличивали сущности «компромисса» Хора и Лавала. Оба министра иностранных дел предлагают Италии и Абиссинии «обмен территориями». «Принцип равенства» полностью сохранен, но на практике Италия должна получить в той или в другой форме половину абиссинской территории, взамен чего Абиссиния получает коридор к гавани Асаб, находящейся в Эритрее. Половина этого коридора проходит по территории, которая должна быть отнята у Абиссинии и частично возвращена ей в виде коридора, другая же половина лежит в итальянской колонии Эритрее. Но это означает, что так называемый предоставляемый Абиссинии выход к морю будет нахо-

Парижский проект (Хора — Лавала) раздела Абиссинии. Черной штриховкой обозначены территории Абиссинии, которые по проекту Хора — Лавала должны отойти к Италии. Черной чертой обозначена часть Абиссинии, в которой по этому проекту должно быть установлено экономическое господство Италии. Белая полоска через Данакиль и Эритрею — намеченный коридор для Абиссинии к морю (в порт Асаб).

даться в итальянских руках. Италия может его во всякий момент не только закрыть, но вдобавок еще получить дорогу, по которой она сможет двигаться в глубь Абиссинии. Области, которые должны перейти к Италии на востоке, настолько передвигают итальянскую границу в глубь Абиссинии, что захватить Харар, перерезать железную дорогу Джибути — Аддис-Абеба было бы после такого «исправления» границы очень легким делом. Наконец, область, которую Италия должна получить на юго-востоке от границы английской колонии Кения до 35-го меридиана на западе и 8-й параллели на севере, означает полнейшее окружение Абиссинии, ибо если телеграф правильно сообщает, что дело идет о пространстве между 35-м меридианом и границей Кении, то эта область охватывает не больше, не меньше, как Каффу, Боран, Либан, Джиам-Джиам, весь район озер от озера Цвай до озера

Стефани. Если в этой области, формально остающейся под абиссинским суверенитетом, Италия организовала бы колониальную компанию и поселила бы там хотя бы несколько десятков тысяч организованных фашистов в виде колонистов, то окружение так называемой Амхарской Абиссинии со всех сторон было бы завершено, ибо эта южная область, предназначенная для итальянской колонизации, граничит с подступами к Аддис-Абебе.

Если к этому прибавить еще, что благодетели Абиссинии обещают ей помощь Лиги наций для управления оставшейся «независимой» страной и что эта помощь выразится в предоставлении Абиссинии Лигой наций чиновников, среди которых большую роль должны играть такие радетели абиссинской независимости, как итальянцы, то картина получится полная.

* * *

Значительные круги международного общественного мнения охвачены большим возмущением и негодованием. Эти чувства разделяет даже, как сообщают в печати, часть английских консерваторов, повидимому, недостаточно искушенных в лингвистике, чтобы понять, что под названием «коллективной безопасности» может в известном положении таиться нечто совершенно другое, что мы деликатно назовем империалистской политикой раздела сфер влияния. Советская общественность знает историю дипломатических переговоров о разделе Абиссинии, которые Великобритания, Франция и Италия вели в продолжение больше чем 25 лет, и поэтому общественное мнение СССР предпочтет бесполезному возмущению попытку выяснения этого последнего этапа борьбы за Абиссинию. Ключ к его пониманию лежит не только в той предистории, окончившейся англо-итальянским соглашением 1925 г., но и в абиссинской политике Франции и Англии в течение 1935 г., когда итало-абиссинский конфликт вошел в свою острую фазу.

Позиция Франции в этом конфликте была ясна и недвусмысленна. 7 января 1935 г. г-н Лаваль заключил соглашение с г. Муссолини, которое, по словам г. Лавалья, должно было укрепить только экономические позиции Италии в Абиссинии, но которое, по словам г. Муссолини, устранило всякие противоречия интересов между Италией и Францией в абиссинском вопросе. Это соглашение было частью общеполитического соглашения Франции и Италии насчет европейской политики. Смысл этого соглашения был ясен, независимо от возможных оттенков в толковании обеих сторон. Взамен за итальянское обязательство совместно действовать против Германии г. Лаваль сделал Италии колониальные уступки. Не исключено, что Италия, считаясь с заинтересованностью Франции в итальянской помощи против Германии, толковала эти уступки расширительно. Во всяком случае Италия не ошиблась, считая, что г. Лаваль сделает все, дабы сохранить дружбу с Италией, и что во имя этой цели он будет чинить всяческие помехи чересчур строгому отношению к итальянской затее, которая, наконец, ничем не отличается от того, что делали все другие импе-

риалистские державы, чтобы расширить свои колониальные владения. Италия не ошиблась. До момента, когда она начала открытые военные действия, Лаваль делал все, чтобы выторговать для нее возможно большие уступки. С 3 октября, с начала открытых военных действий, когда Лиге наций не оставалось ничего другого, кроме объявления Италии нападающей стороной, г. Лаваль всячески старался ограничить действие санкций и замедлить вступление их в силу.

Политика Англии долгое время шла параллельно французской, и Англия стояла на почве своих колониальных договоров с Италией. Еще 7 июня г. Иден сказал в английском парламенте:

«Нами не руководило никакое желание сопротивляться итальянскому влиянию в Абиссинии. Наши права в этой стране уже утверждены договорами, и мы не видели причин, почему бы британские и итальянские интересы не развивались взаимно и гармонически рука об руку. Они не находятся в конфликте и не должны в нем находиться».

Еще 11 июля новый министр иностранных дел в речи, в которой он представлялся парламенту, заявил, что «Великобритания всегда великолепно понимала итальянские желания заморской экспансии... В теперешних переговорах мы проявили нашу готовность помочь Италии получить территориальное удовлетворение путем разумного сговора с Абиссинией». Великобритания была убеждена, что дело идет о стремлении Италии немного ускорить проведение в жизнь старых договоров о разделе сфер влияния в Абиссинии, о постройке железной дороги, объединяющей итальянскую Эритрею и итальянское Сомали через абиссинскую территорию. Бросая киту бочку для игры, т. е. позволяя Лиге наций и ее комиссиям заниматься географическими изысканиями, долженствующими установить, где находится этот проклятый Уал-Уал (хотя на картах, изданных итальянским министерством колоний, Уал-Уал находился на абиссинской территории), Англия стремилась путем дипломатических переговоров решить споры об Абиссинии, расширяя сферу влияния Италии, но не допуская установления ее полного господства. Британская политика окончательно приняла более острый характер, когда количество итальянских войск и снабжения, отправляемого в Абиссинию, достигло пределов, создающих опасность для Египта и для Суэца, и когда итальянская пресса начала угрожать Великобритании. Сэр Эйп Бейли поставил точку над «и», когда писал в «Таймс» во время дискуссии о возможности действий английского флота против Италии:

«Нам говорят, что если мы будем самостоятельно действовать, то наш флот и наши воздушные силы на Средиземном море подвергнутся нападению и будут уничтожены. Если дело так обстоит, то мы потеряли контроль над артерией, которая объединяет Британскую империю и дает ей жизнь, и потеряли мы этот контроль в пользу страны наиболее воинственного деспотизма в Европе. Согласиться с таким положением это означает согла-

ситься не только с исчезновением Лиги наций, но и с исчезновением Британской империи. Это означало бы войну, мировую войну в продолжение пяти лет. Французская идея, что в таких условиях можно сохранить стрезский фронт, является чистым сумасшествием. Вопрос, о котором идет речь, это уже не вопрос о независимости Абиссинии подобно тому, как в момент кризиса 1914 г. главным вопросом не была независимость Бельгии. Реальным вопросом является будущее Британской империи».

Исходя из этого, Великобритания приняла самостоятельные меры предосторожности, послав в Средиземное море огромные морские и авиационные силы еще до того, как итальянские войска переступили абиссинскую границу. Исходя из этого, Великобритания высказалась определенно за признание Италии агрессором и пошла на применение к ней санкций.

Но Великобритания, зная силу итальянской авиации, трудность морской войны в таком закрытом море, как Средиземное, стремилась, понятно, к избежанию вооруженного столкновения с Италией, тем более, что не была уверена в позиции, которую займет в этом конфликте Франция, руководящей идеей которой было не допустить уничтожения результатов франко-итальянского сближения, состоящих, материально говоря, в снятии итальянских войск с французской границы и концентрации их у Бреннера против Германии. Поэтому Великобритания решила разворачивать санкции по этапам, чтобы иметь возможность одновременно вести переговоры с Италией с целью заключения компромисса. Поэтому Англия позволила Лавалю через посредничество Бельгии потребовать для себя и для Франции мандата для переговоров с Италией, поэтому она вела непрерывно эти переговоры и насчет абиссинского конфликта, и насчет положения на Средиземном море. Еще в речи своей перед вновь избранным английским парламентом, 6 декабря, уже после того, как канадский делегат, наверное, не без согласия Великобритании, предложил в «комитете 18-ти» принципиальное решение о переходе к нефтяным санкциям, т. е. запрету ввоза в Италию бензина, без которого современная армия не может существовать, сэр Семюэль Хор, английский министр иностранных дел, сказал: «Мы последовательно и постоянно двигались по двум линиям, которые были одобрены и Лигой наций, и английским парламентом. С одной стороны, мы принимали полное участие в коллективных действиях, предписанных уставом Лиги наций, а, с другой стороны, мы продолжали наше стремление к мирному урегулированию конфликта». Угроза применения нефтяных санкций должна была сделать Италию более сговорчивой, переговоры же с Италией должны были сделать лишним применение столь сильного средства, как отказ в нефти итальянской армии, и без того находящейся далеко не в блестящем положении.

Таким образом, последние англо-французские предложения являются только скачком в пределах линии политики, которую вели Великобритания и Франция. Принципиально все предложе-

ния, которые и до этого времени делали Великобритания и Франция, были уже отступлением от устава Лиги наций, ибо они стремились купить у Италии отказ от войны за колониальные уступки, нарушающие суверенность члена Лиги наций — Абиссинии. **Но размеры этих уступок превосходят все, чего можно было ожидать.** Если даже лондонский «Таймс» считает необходимым установить, что эти предложения несовместимы с уставом Лиги наций, то нам не приходится на этом подробно останавливаться. Поэтому встает вопрос большого политического значения: какие причины толкнули Великобританию на подобный шаг, который, если провести его в жизнь, неслыханно скомпрометировал бы Лигу наций и который даже только в форме проекта уже наносит большой ущерб авторитету английского правительства?

Нельзя сказать, что на этот вопрос можно уже сегодня дать исчерпывающий ответ. Итальянская печать утверждает, что события в Северном Китае и события в Египте заставили Великобританию попытаться поскорее развязаться с абиссинским вопросом. Не будучи в состоянии судить о положении в Египте иначе как по газетным сведениям, мы не знаем, действительно ли обострилось положение на Ниле в такой степени, чтобы заставить Великобританию идти на столь рискованный шаг. Что касается положения в Северном Китае, то не подлежит сомнению, что отправка значительной части английского флота из Тихого океана в Красное и Средиземное моря ослабила английские позиции на Дальнем Востоке в момент, когда там обостряются отношения и между нанкинским правительством и Японией, и между Японией и Великобританией. Но, судя по английской печати, нет причин думать, что Великобритания готовится в данный момент к таким серьезным действиям на Дальнем Востоке, которые понуждали бы ее к подобным стремительным действиям на Средиземном море.

Некоторые французские и английские источники утверждают, что сэр Семюэль Хор пошел дальше в своих уступках, чем этого хотело британское правительство, под давлением заявления Франции, что в противном случае она не примет участия в нефтяных санкциях и что французские гавани, на которые хочет опереться в случае столкновения с Италией английский флот, не подготовлены для принятия таких больших единиц. Эти сведения такого характера, что трудно считать их отвечающими действительности, пока они не будут полностью подтверждены. Так же точно представляется неправдоподобным, чтобы английское консервативное правительство, добившись победы на выборах обещанием поддержки Лиги наций, хотело теперь посредством крутого поворота освободиться от Лиги наций. Английские империалисты привыкли маневрировать более умело, не нанося себе такого урона. Кроме того, английское правительство имело большое влияние на темпы развертывания санкций. Наконец, оно предпочитает пользоваться Лигой наций, чем ее полностью обесценить, ибо она может ему еще пригодиться.

Если причины поворота английской политики не вполне ясны,

то все же ясно, что, делая свои предложения, английское правительство было уверено, что дело все-таки не дойдет до захвата центральных областей Абиссинии, имеющих решающее значение для вопроса о том, удастся ли Италии сделать из Абиссинии трамплин для борьбы за передел африканских колоний. Английское правительство, видно, рассчитывало на то, что предоставление на бумаге Италии больших прав не решает дела, что еще вопрос, согласится ли при теперешнем военном положении Абиссиния на требуемые уступки. Английское правительство, видно, рассчитывает, что Италия увязнет в Абиссинии, что ей понадобится материальная помощь других держав и что в ходе событий еще многое изменится. Нечего говорить, что подобные расчеты могут совсем не оправдаться, если иметь в виду следующие важные соображения. Во-первых, политика выдачи Абиссинии на растерзание может очень осложнить положение на всем Ближнем Востоке; борьба Абиссинии за свою независимость вызвала среди цветных народов Африки — среди мусульманских масс Аравии, Сирии и Палестины — большое воодушевление; теперешняя политика Великобритании не облегчит ее положения в этой части мира. Во-вторых, если бы франко-английские шаги привели хотя к частичной катастрофе абиссинского фронта, то отлив масс абиссинских воинов, взбудораженных событиями, может привести к очень серьезным последствиям. Такой спокойный наблюдатель, как бывший московский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Гарольд Денни, сообщает из Аддис-Абебы о большом росте ненависти ко всем белым, вызванной воздушными атаками итальянцев. Он рассказывает, что иностранные корреспонденты не могли появляться в толпе во время похорон жертв этих нападений из-за боязни инцидентов с враждебно настроенной народной массой. Обстановка настолько накалена, что выйти из нее простым дипломатическим торгом за счет абиссинцев нельзя.

* * *

Мы не знаем, каков будет дальнейший ход событий, не будет ли английское правительство вынуждено отказаться от своих предложений, не отклонит ли их Лига наций. Мы не знаем, какова будет позиция Франции по отношению к разрыввающимися событиям. Что касается общественного мнения Советского Союза, то позиция его вытекает из нашей принципиальной позиции в отношении итало-абиссинского конфликта. Советский Союз поддерживал Лигу наций в мерах, которые она приняла против агрессии, установленной 50 государствами. Мы не отклоняем мирных переговоров с государством, объявленным агрессором, ибо не заинтересованы в обострении международного положения, но эти мирные переговоры должны служить только целям, которым служит устав Лиги наций. Он предусматривает меры для сохранения мира, а в случае его нарушения — меры к тому, чтобы заставить агрессора признать целостность и независимость страны, подвергнувшейся нападению. Меры, предложенные Англией и Фран-

цией, не служат сохранению ни целостности, ни независимости Абиссинии, а служат ее разделу и ее порабощению. Устав Лиги наций не делает защиту независимости и целостности членов Лиги наций зависимой ни от оценки социальных условий, господствующих в данной стране, ни от ее национального состава. Поэтому предложения, стоящие теперь в центре внимания всего мира, надо считать не имеющими ничего общего с целями Лиги наций; а, наоборот, направленными против них. Лига наций могла бы зарегистрировать выраженное Абиссинией желание прекратить войну на тех или иных условиях, но она не может навязывать ей условия или оказывать на нее давление.

КАРЛ РАДЕК

«Известия» от 24/ХП-35 г.

ПОСЛЕДСТВИЯ „ОШИБКИ“ ХОРА

События, связанные с известным англо-французским соглашением о разделе Абиссинии, развиваются с невиданной быстротой. Договоренность между Лавалем и Хором была достигнута в Париже 8 декабря. В тот же день проект Лавала — Хора был утвержден, как свидетельствует сейчас **«Дейли телеграф»**, английским правительством. Последнее, очевидно, в чрезвычайно большой степени, рассчитывало на то, что парижское соглашение останется тайной до тех пор, пока не удастся склонить к его принятию Италию и, что еще более важно, Абиссинию.

Как известно из опубликованных 14 декабря в английской **«Белой книге»** документов, британскому посланнику в Аддис-Абебе было предписано приложить все старания, чтобы убедить негуса в необходимости принятия «парижского плана». При таком развитии событий Лига наций была бы поставлена перед совершившимся фактом.

Но 9 декабря, еще до того, как был получен ответ из Рима и Аддис-Абебы, полный текст англо-французского соглашения был опубликован в **«Эко де Пари»**, парижской газете, близкой к сферам французского генерального штаба. Это была первая мина под проект Лавала — Хора. Вслед за ней началась яростная устная и печатная бомбардировка проекта в Париже и в Лондоне.

Авторам «парижского плана» ничего не оставалось, как опубликовать его содержание в Женеве. Одновременно Иден заявил на заседании «комитета 18-ти», что английское правительство не склонно настаивать на принятии англо-французских предложений во что бы то ни стало, а желало бы знать мнение Лиги наций, с тем, чтобы действовать, сообразуясь с ним. Но эта попытка сгладить неблагоприятное впечатление от «парижского плана» в Лондоне не увенчалась успехом.

Если Лавалу удалось 17 декабря запугать большинство радикалов и настоять на отсрочке прений в палате под угрозой отставки кабинета, то в Англии правительство Болдуина очути-

лось в критическом положении, ибо недовольство проникло в ряды консервативной партии, разногласия обозначились в самом кабинете. Не помогла и «Белая книга», выпущенная для доказательства добрых намерений правительства.

Предстоявшие 19 декабря прения в палате общин грозили весьма крупными неприятностями правительству и создали опасность, что консервативная партия предстанет перед избирателем в образе разрушителя Лиги наций. Ведь еще месяц назад, во время парламентских выборов, Лига была главным козырем в руках консервативных лидеров. Достаточно симптоматично заявление Остина Чемберлена, что он не будет защищать в палате политику Хора и его самого.

Выход был найден в том, чтобы, пожертвовав Хором, спасти положение кабинета и его политику. И это только усиливает впечатление, что для правительства создалась очень трудная обстановка, если оно, имея, в отличие от кабинета Лавала, большинство в парламенте, оказалось вынужденным прибегнуть к такому шагу.

За несколько дней до прений в палате общин крупнейшие лондонские консервативные газеты — **«Таймс»** и **«Дейли телеграф»** — осторожно начали переводить дискуссию о парижских предложениях в иную плоскость: они стали усиленно говорить об «ошибке» министра иностранных дел Семюэля Хора. **«Таймс»** с набожным видом призывал Болдуина не настаивать на этой ошибке, признать ее и тем самым доказать, что он остается верен Лиге наций.

18 декабря, десять дней спустя после окончания парижских переговоров, Семюэль Хор подал в отставку. Почти одновременно англо-французский проект был фактически отвергнут в Женеве, при участии Идена и некоторых оговорок Лавала.

Англо-французский проект создавал атмосферу поощрения агрессии всех воинственных империалистических держав как в Европе, так и на Тихом океане. Эти державы, как известно, имеют весьма широкие поползновения на захват чужих территорий, на интересы, сферы влияния и даже колонии Британской империи.

Крах коллективной системы имел бы малоблагоприятные последствия для самой Англии. Именно поэтому, очевидно, виднейшие представители английской буржуазии выступили против политики правительства и потребовали исправления «ошибки» Семюэля Хора.

Отставка Хора и отступление Болдуина перед палатой не означают, что борьба эта окончилась возвратом к старому курсу. С другой стороны, заметно ухудшилось положение кабинета Лавала. Последствия первого этапа борьбы в лагере господствующих классов двух крупнейших стран капиталистической Европы за внешнеполитическую ориентацию еще только начинают сказываться. «Ошибка» Хора и его отставка — лишь эпизоды в этой борьбе.

И. ЕРУХИМОВИЧ

ЦАРСКАЯ РОССИЯ И АБИССИНИЯ

Война итальянского фашизма против Абиссинии натолкнулась на сопротивление почти всех держав, членов Лигий наций. Однако, ни для кого не тайна, что это сопротивление не является результатом принципиального осуждения всякой грабительской колониальной политики, а только отражением жестокой борьбы империалистических соперников за добычу. Только одна держава могла выступать в Женеве принципиально за мир и принципиально против угнетения колониальных народов: государство рабочих и крестьян. Только пролетарская государственная власть Советского Союза, уничтожившая эксплуатацию и угнетение внутри страны, может безоговорочно выступать за уничтожение эксплуатации и угнетения вне ее. Социалистическая основа советского отечества — основа и его последовательной мирной политики, его отказа от эксплуатации народов внутри и вне страны, его защиты колониальных и полуколониальных народов, его решительной борьбы против империалистических грабительских методов.

Не лишено актуального интереса напомнить в настоящий момент о той роли, которую играл в абиссинском вопросе русский царизм. Как всякая другая империалистическая держава, царская Россия вела интенсивную грабительскую колониальную политику. Царизм вырос за счет чужих народов и стран. Не напрасно называли царскую Россию тюрьмой народов. Национальные меньшинства в старой России были лишены политической и экономической свободы, лишены своей собственной развивающейся национальной культуры.

Стремления царской России к расширению в мировом масштабе непрерывно росли с ростом капитализма. На всем Ближнем и Дальнем Востоке царская Россия вела ожесточенную борьбу с Англией за гегемонию на рынках, борьбу, которая сопровождалась многочисленными кровавыми столкновениями. Из-за Китая, Персии, Афганистана, Индии и Турции шла непрерывная жесткая борьба между русским и английским империализмом. Однако, мало кто знает, что царизм стремился не только к господству над Балканами в Европе, к дальнейшему проникновению в Китай и Индию, поглощению Персии и Афганистана в Азии и к захвату Константинополя и проливов, но ставил себе завоевательные цели и в Африке, притом как раз в Абиссинии.

В Абиссинии царская Россия столкнулась не только со своим традиционным соперником в колониальных странах, с британским империализмом, но и с Италией, которая в 80-х годах делала первые попытки подчинить Абиссинию. Именно русский царизм с его значительными интересами в Малой Азии уделял овладению Абиссинией внимание, главным образом, по стратегическим соображениям, чтобы угрожать жизненным артериям британского империализма, его путям на Ближний и Дальний Восток. Помимо этого, укрепление царской России в Абиссинии должно было усилить позиции русского империализма во всей Малой Азии и

Африке. Английским и итальянским завоевательным планам в Абиссинии царизм противопоставлял свои собственные разбойничьи планы.

На основе документов и дневников Н. С. Леонтьева, который состоял русским «советником» при негусе Менелике II, И. Елец собрал яркие доказательства широких попыток царизма подчинить себе Абиссинию. Эти документы были опубликованы Ельцом в 1898 г. в Петербурге под заглавием «Царь Менелик и его война с Италией». В предисловии к этой книге Елец указывает, что Леонтьеву удалось «привлечь на нашу сторону чрезвычайно важного союзника в Африке — Абиссинию» и что он смог убедить Менелика в том, что «сильнейшая держава в мире... бескорыстно интересуется Абиссинией». Тот факт, что царь правил православными, а негус — «полуправославными» коптами, оказался, по мнению Ельца, очень полезен Леонтьеву при выполнении этой дипломатической миссии.

Однако, Ельцу не удалось завуалировать истинный характер миссии Леонтьева. На вопрос: «На что нам Абиссиния?» — он отвечает: «В ответ на этот легкомысленный вопрос мы должны напомнить о той важнейшей роли, которая предстоит нам в Азии, какого серьезного противника мы там встречаем в лице Англич, что происходит в Африке, где этот противник, на случай возможных потерь в Индии, торопится с созданием новой империи, стремится объединить целый конгломерат стран от мыса Доброй Надежды до Каира».

В прямом противоречии со своими собственными утверждениями относительно мирных намерений царя в Абиссинии Елец делает признание о государственно-политических экспансионистских целях в Африке. В действительности Леонтьев ездил в Абиссинию с чрезвычайно важной миссией. В продолжение четырех лет он был первым советником абиссинского царя Менелика II во всех внешнеполитических и военнополитических вопросах. Он создал первую дипломатическую миссию России в Абиссинии и позаботился о посылке абиссинской делегации в Петербург. Елец откровенно признает, что «географическая экспедиция» Леонтьева пробудила итальянцев к форсированию своих военных действий против Абиссинии, так как они боялись, что добыча уйдет из их рук в Петербург.

Неоспоримым историческим фактом остается, что гнилой русский империализм также пытался протянуть свои когти к Абиссинии. Когда в конце прошлого столетия борьба империалистических разбойников за передел мира вступила в стадию крайнего обострения, царизм стремился занять место среди первых. Экспедиция Леонтьева имела единственную цель — дипломатически зондировать почву, устранить влияние других держав и подчинить Абиссинию царю.

Посылка экспедиции Леонтьева, в которую входили, между прочим, «лица со специальными заданиями и для наблюдения во время путешествия», вызвала в свое время бурю протестов в Ан-

глии и Италии против Менелика, который пытается-де спрятаться за спину России и натравить одну державу против другой. Итальянский генерал Баратьери устроил при приезде Леонтьева в Абиссинию «демонстрацию» под Адуей, закончившуюся занятием двух городов. Вскоре после приезда леонтьевской экспедиции началась итало-абиссинская война.

В марте 1895 г. во дворце негуса состоялось совещание с Леонтьевым, на котором Леонтьев выдвинул план операций против итальянцев, аналогичный тому, какой проводила Россия в 1812 г. против Наполеона. С учетом конкретного положения в Абиссинии этот план состоял в партизанской тактике с ночными нападениями, диверсионными актами и т. д., маневрами, завлекающими врага в глубь страны, где он должен быть окружен и где ему должен быть дан бой. Годом позже итальянцы были разбиты под Адуей. Леонтьев в продолжение всей войны находился около Менелика, который пожаловал ему, по окончании войны, графский титул.

Поведение России в итало-абиссинской войне 1896 г., как и вообще в абиссинском вопросе, показывает, что царизм пытался участвовать в борьбе империалистических разбойников за дележ абиссинской добычи.

МЕНЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ И ВОЙНА

ДОЛОЙ ВОЙНУ!

КО ВСЕМ РАБОЧИМ И ИХ ОРГАНИЗАЦИЯМ! КО ВСЕМ ПРОТИВНИКАМ ВОЙНЫ И ДРУЗЬЯМ МИРА! КО ВСЕМ НАРОДАМ, КОТОРЫЕ НЕ ХОТЯТ ПОВТОРЕНИЯ МИРОВОЙ БОЙНИ 1914—1918 гг.!

Империалистическая борьба крупных капиталистических государств, в первую очередь Англии и Италии, вокруг Абиссинии привела к нападению итальянского фашизма на абиссинский народ. Итальянские самолеты бомбардируют мирные города и села Абиссинии.

Английский империализм под прикрытием подозрительных забот о «независимости» Абиссинии готовится к войне с Италией за обладание Абиссинией. Британский флот наготове. Вместе с Англией другие империалистические государства требуют, якобы, в интересах восстановления мира протектората над Абиссинией. Поджигатели войны в других странах проявляют лихорадочную активность. Фашистская Германия стремится использовать войну в Африке для подготовки нападения на Литву. Германия, Польша и Венгрия сколачивают блок для агрессии в Восточной Европе. В порядок дня вновь ставится вопрос об Австрии. Военные осложнения в Европе развязали бы руки японских империалистов на Дальнем Востоке для вооруженного захвата остальной части Китая и чрезвычайно усилили бы их агрессивность против Советского Союза. Война итальянского фашизма против Абиссинии может стать преддверием новой мировой империалистической войны.

Двадцать пятого сентября, за восемь дней до открытия военных действий, Коммунистический Интернационал обратился к Социалистическому рабочему интернационалу с предложением о совместном выступлении против войны.

Социалистический рабочий интернационал не дал до сих пор положительного ответа на наше предложение, потому что в его рядах имеются большие противоречия. Те элементы в Социалистическом рабочем интернационале, которые связаны союзом со

своей буржуазией, заботятся не столько о сохранении мира, сколько об империалистических интересах своих господствующих классов. Поэтому они всеми силами препятствуют установлению единства действий рабочего класса в каждой отдельной стране и в международном масштабе. В этот исключительно серьезный момент, когда на карту поставлена жизнь миллионов, рабочий класс должен властно потребовать, чтобы вопреки сопротивлению противников единого фронта был расчищен путь для мощного потока пролетарского единства. Мы убеждены, что сторонники единого фронта в рядах Социалистического рабочего интернационала делают все для того, чтобы предложение Коммунистического Интернационала было принято.

Нельзя больше терять ни минуты! Нельзя более ни на миг откладывать установление единства действий всех рабочих организаций, всех друзей мира во всех странах для изолирования и обуздания фашистского зачинщика войны.

Коммунистический Интернационал призывает все свои секции немедленно приступить к организации мощных **выступлений** всех трудящихся против войны. Коммунистический Интернационал обращается к социалистическим рабочим, их организациям и партиям с настоятельным призывом, несмотря на существовавшие до сих пор разногласия, сообща, плечом к плечу выступить против фашистских поджигателей войны. Всех рабочих, все их организации без различия направлений, всех противников войны, всех друзей мира, все народы, не желающие повторения ужасов всемирной войны, Коммунистический Интернационал зовет к сплочению своих сил, чтобы сорвать начавшуюся грабительскую войну итальянского фашизма, нанести ему тяжелый удар и тем самым поддержать итальянский народ в его освободительной борьбе. Он зовет рабочий класс каждой отдельной страны к величайшей бдительности в отношении политики своих империалистических правительств. Коммунистический Интернационал зовет трудящихся предотвратить распространение войны на другие страны, помешать превращению итало-абиссинской войны в новую мировую бойню.

Пролетарии, трудящиеся всех стран!

Организуйте немедленные дружные выступления против войны на всех предприятиях, во всех организациях, во всех профсоюзных, во всех кооперативах, во всех спортивных и культурно-просветительных организациях, во всех муниципалитетах и парламентах — везде! Собирайтесь на мощные митинги и демонстрации! Применяйте соответственно обстановке также и другие действенные формы массовых выступлений. Покажите итальянскому фашизму, что вы не будете терпеть его военных провокаций! Покажите правящим классам свою мощь в деле борьбы за мир!

Единством действий всех рабочих организаций и прежде всего организаций транспортников, железнодорожников, моряков, портовых рабочих добивайтесь того, чтобы ни один поезд, ни одно судно не пошли для поддержки итальянской войны в Абиссинии.

Проведение в жизнь этого боевого мероприятия означает окружение Италии железным кольцом изоляции и срыв начатой ею войны, означает удар по рукам всем фашистским поджигателям войны, готовящимся последовать примеру итальянского фашизма.

Правительства крупнейших капиталистических государств, представленных в Лиге наций, вновь обрекают ее на бессилие. Игра своекорыстных интересов империалистических держав делает невозможным действенное коллективное выступление Лиги наций против фашистских зачинщиков войны. Спасение от войны — в руках международного пролетариата и его организаций, оно зависит от их совместного, могучего выступления. Мирная политика Советского Союза, единственного государства, решительно борющегося против империалистических захватов и последовательно проводящего политику мира, является сильнейшим оплотом международного пролетариата в его растущей борьбе против империалистических войн, за дело мира.

В час грозной опасности Коммунистический Интернационал бросает клич:

Пролетарии всех стран, объединяйтесь!

Ни единого поезда, ни единого судна для поддержки итальянской войны в Абиссинии!

Окружим фашистских поджигателей войны железным кольцом изоляции!

Руки прочь от абиссинского народа!

Долой империалистическую войну!

Да здравствует советская политика мира!

Да здравствует мир!

**ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

7 октября 1935 г.

Опубликовано в «Юманите» № 13445 от 9/X-1935 г.

ОБРАЩЕНИЕ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА К СЕКРЕТАРИАТУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА¹

В Африке уже несколько дней свирепствует война. Международный рабочий класс не сумел предотвратить ее точно так же, как он не смог в свое время воспрепятствовать приходу к власти фашизма в Германии, ибо его организации не выступили и не действовали едино и сплоченно. Поэтому рабочий класс оказался не в состоянии развязать мощное народное движение всех стремящихся к миру классов и народов против поджигателей войны и, таким образом, воздвигнуть непреодолимую преграду войне.

¹ Опубликовано в «Юманите» № 13444 от 8 октября 1935 г.

25 сентября, т. е. за восемь дней до начала военных действий, мы телеграфно обратились к секретариату Социалистического рабочего интернационала. Мы предлагали немедленно обсудить на совместном совещании представителей обоих Интернационалов, как лучше общими усилиями провести в жизнь намеченные вашим и нашим Интернационалом меры для сохранения мира. Секретариат Социалистического рабочего интернационала сообщил нам, что Исполнительный комитет Социалистического рабочего интернационала рассмотрит наше предложение. До сих пор, однако, мы от Исполкома Социалистического рабочего интернационала положительного ответа не получили. Тот факт, что не были немедленно организованы совместные действия обоих Интернационалов, несомненно, поощрил фашистских поджигателей войны к открытым военным действиям.

Поскольку до сих пор многое уже упущено, тем более наша и ваша обязанность в настоящий момент добиться прекращения военных действий и не допустить распространения войны на другие страны. Всякое дальнейшее промедление в деле установления единства действий для борьбы против начавшейся войны имело бы тяжкие последствия. Всякий, кто в этот серьезный час еще отказывается или не решается сомкнуть все силы рабочего класса и всех трудящихся и применить все средства для того, чтобы были прекращены военные действия итальянцев против Абиссинии, чтобы война не распространилась на другие части мира и не стала прелюдией к новой мировой войне, берет на себя историческую ответственность перед мировым пролетариатом.

В интересах мира мы от имени миллионов рабочих, которые в наших и ваших рядах требуют установления единства действий для борьбы против войны и фашизма, еще раз подчеркиваем срочную необходимость положительного ответа Исполкома Социалистического рабочего интернационала на наше предложение.

Мы еще раз сообщаем, что назначенная нами делегация находится в ожидании переговоров в Париже, и мы просим вас адресовать ваше сообщение о месте и времени переговоров тов. Кашену в редакцию «Юманите».

**ОТ ИМЕНИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ Г. ДИМИТРОВ**

7 октября 1935 г.

ОТВЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(Радиограмма из Брюсселя)

Как вам должно быть известно из печати, Исполком Социалистического рабочего интернационала будет заседать в пятницу. Решение Исполкома сообщим Кашену.

**СЕКРЕТАРЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
АДЛЕР**

ВОЖДИ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА ВЕРНЫ СЕБЕ

Заседающий в Брюсселе Исполком II Интернационала 12 октября выпустил сообщение, в котором между прочим говорится:

«Что касается предложения Коминтерна о свидании с четырьмя делегатами, выделенными им, то **социалистические партии Англии, Голландии, Швеции, Дании и Чехословакии заявили, что не могут одобрить принятие этого предложения**, во-первых, в виду состава делегации Коминтерна, во-вторых, потому, что они **отвергают всякое единство действий с компартиями их стран и всякие единые действия обоих Интернационалов**. Исполком II Интернационала, вынужденный считаться с мнением этих крупных партий рабочего класса, **не может принять приглашения Коминтерна**.

Исполком II Интернационала намерен приложить все усилия, чтобы согласовать действия против войны и против зачинщиков фашистских войн. Поэтому, само собой понятно, что председатель и секретарь исполкома имеют право при выполнении их обязанностей иметь информационные заседания, если они сочтут это полезным, с деятелями и представителями международных рабочих организаций и других организаций, которые борются против войны».

ЗА ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЙ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА

ЗАЯВЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА¹

25 сентября 1935 г. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала обратился к Социалистическому рабочему интернационалу с предложением об установлении единства действий для борьбы против нападения итальянского фашизма на абиссинский народ.

7 октября, когда война стала свершившимся фактом, т. Димитров, генеральный секретарь Коминтерна, от имени Коммунистического Интернационала, вновь повторил это предложение.

Заседавший **12 октября** в Брюсселе Исполнительный комитет Социалистического рабочего интернационала постановил ответить отказом на предложение Коммунистического Интернационала.

В связи с этим решением Исполкома Социалистического рабочего интернационала, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала заявляет:

1. Решение Исполкома Социалистического рабочего интернационала вызовет глубокое разочарование у всех рабочих, питавших надежду, что после решений VII конгресса Коммунистического Интернационала, сделавшего все возможное для установления единства действий международного пролетариата, предложе-

¹Опубликовано в „Юманите“ в № 13473 от 6 ноября 1935 г.

ние Коммунистического Интернационала о едином фронте будет принято. Хотя на заседании Исполкома Социалистического рабочего интернационала большинство представителей социал-демократических партий было настроено в пользу принятия предложения Коммунистического Интернационала, тем не менее это предложение по категорическому настоянию 5 партий было **отклонено**.

Ответственность за это падает прежде всего на представителей рабочей партии Англии (Дж. Комитон, Дж. Даллас, Г. Дальтон, В. Джиллис), социал-демократической партии **Голландии** (И. В. Альбарда, К. Форринк), социал-демократической партии **Швеции** (З. Хеглунд, Р. Линдстрем), социал-демократической партии **Дании** (В. Кристенсен) и социал-демократической партии **Чехословакии** (Ф. Соукун, И. Стивин, А. Шефер).

Эти люди на заседании Исполкома Социалистического рабочего интернационала выполнили то, чего требует реакционная буржуазия от социал-демократических лидеров, добивающихся министерских постов. В целях сохранения доверия буржуазии они пожертвовали интересами рабочего класса и интересами борьбы за мир.

2. Мы передаем на суд международного пролетариата поведение этих людей, которые в момент разгорающейся войны в Абиссинии, усиливающейся военной агрессии японского империализма в Китае и растущей опасности мировой войны срывают установление единства действий обоих Интернационалов и тем самым льют воду на мельницу поджигателей войны в различных странах. Под давлением лидеров этих пяти социал-демократических партий Исполком Социалистического рабочего интернационала **в третий раз отклоняет предложение Коммунистического Интернационала об установлении единства действий и тем самым развязывает руки наиболее реакционным и воинствующим элементам буржуазии.**

Отклонение предложения Коммунистического Интернационала от 5 марта 1933 г. о совместной борьбе против фашизма способствовало безнаказанному разгулу фашистского террора в Германии. Отклонение предложения Коммунистического Интернационала от 10 октября 1934 г., в момент вооруженных боев в Астурии, облегчило в Испании расправу над рабочими. Точно так же и теперь решение Исполкома Социалистического рабочего интернационала может поощрить военную агрессивность не только итальянских, но и германских фашистов, японских милитаристов и других поджигателей войны.

Уступая реакционным стремлениям представителей пяти партий, не находя ни слова осуждения их раскольнической, глубоко враждебной интересам рабочего класса позиции, Исполком Социалистического рабочего интернационала тем самым поставил эти реакционные стремления к сохранению союза с буржуазией выше жизненных интересов международного рабочего движения.

3. В виду того, что Исполком Социалистического рабочего интернационала в своей резолюции указывает, что на совместной конференции с представителями международного объединения профсоюзов 12 октября было принято решение «осуществить ряд

мероприятий для успешного проведения борьбы против нападения итальянского фашизма в Абиссинии и против военной опасности в Европе», Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала вынужден на основе информационного материала, полученного им от Исполкома Социалистического рабочего интернационала, с сожалением констатировать, что эти мероприятия сводятся лишь к **словесным заверениям** о поддержке мирной политики **Лиги наций** и к нескольким требованиям и пожеланиям по адресу Лиги наций (главным образом в отношении санкций).

Эта ориентировка исключительно на мероприятия Лиги наций по существу отражает **стремление лидеров английской рабочей партии направить международное рабочее движение в фарватер внешней политики империалистического правительства Англии.**

Однако, было бы нелепо думать, что Лига наций сделает все для обеспечения мира и что, следовательно, народные массы могут спокойно оставаться в состоянии пассивного ожидания. Нельзя забывать, что борющиеся внутри Лиги наций противоречивые интересы империалистических государств крайне затрудняют возможность использовать ее, как фактор мира. Факты показывают, что Лига наций до сих пор ничего серьезного не сделала в защиту мира, а в рамках Лиги наций некоторые империалистические державы пытаются договориться о разделе Абиссинии. Но если даже и рассматривать Лигу наций, как фактор, могущий в известной степени препятствовать развязыванию войн, то это отнюдь не означает, что политика Лиги наций может **заменить собой борьбу пролетариата.** Наоборот, как раз самостоятельные совместные массовые выступления рабочих и всех искренних сторонников мира необходимы, чтобы побудить также и Лигу наций предпринять какие-либо **действенные** меры против войны и военной опасности.

4. Вместе с тем, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала с удовлетворением отмечает, что число представителей социал-демократических партий, высказавшихся за принятие предложения Коммунистического Интернационала, выросло по сравнению с предыдущими заседаниями Исполкома Социалистического рабочего интернационала, что знаменует собою **несомненный успех идеи пролетарского единства.** Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала выражает надежду, что те социал-демократические партии, представители которых в руководстве Социалистического рабочего интернационала высказались за пролетарское единство действий, без промедления приступят в своих странах к установлению или к укреплению единого фронта, тем более, что решение Исполкома Социалистического рабочего интернационала предоставляет социал-демократическим партиям «право самостоятельно решать, желают ли они устанавливать единство действий с коммунистической партией своей страны».

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала обязывает коммунистов со своей стороны сделать все, что в их силах, для облегчения этой неотложной задачи.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала констатирует, что число сторонников пролетарского единого фронта против фашизма стремительно растет также и в рядах социал-демократических партийных организаций и профсоюзов в Англии, Голландии, Швеции, Дании и Чехословакии. Об этом свидетельствуют выступления ряда руководителей английских профсоюзов в защиту международного единства действий, высказывания в пользу принятия предложения Коммунистического Интернационала известного шведского социал-демократа Георга Брантинга и других.

Перед лицом каждодневно растущей опасности мировой империалистической войны Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, выражая непреклонную волю коммунистических и социал-демократических рабочих к единству, призывает рабочих всех стран **сломить сопротивление противников единого фронта и положить конец распылению своих сил в борьбе против фашизма и войны.**

Исходя из решений VII Всемирного конгресса и заявляя о готовности Коммунистического Интернационала в любой момент начать переговоры о единстве действий, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала призывает все коммунистические партии **удесятерить свои усилия в борьбе за единый фронт** и установить теснейшее сотрудничество со всеми сторонниками единого фронта в рядах Социалистического рабочего интернационала для совместной борьбы против фашизма, империалистической войны и наступления капитала.

Да здравствует великое дело единства международного пролетариата!

**ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

СССР И ИТАЛО-АБИС- СИНСКАЯ ВОЙНА

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ЛИТВИНОВА НА ЗАСЕ- ДАНИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ 5 СЕНТЯБРЯ

С глубоким сожалением мы выслушали сообщение уважаемых представителей Великобритании и Франции о неудаче их попытки полностью ликвидировать конфликт между Италией и Абиссинией, которая позволила бы снять вопрос с порядка дня и избавила бы нас от неприятной обязанности высказывать наши индивидуальные суждения. Для меня эта обязанность тем более неприятна, что одной из спорящих сторон является государство, с которым представляемый мною Советский Союз поддерживает свыше 10 лет неизменно дружественные отношения, с которым он хотел бы эти отношения и дальше сохранить, которому он меньше всего хотел бы наносить какой бы то ни было ущерб, сотрудничество с которым как в Лиге, так и вне ее для поддержания мира в Европе мы высоко ценим и, наконец, народ которого пользуется в моей стране глубочайшим уважением и симпатиями.

Мне, как и многим моим коллегам, приходится в данном случае выступать по вопросу, который непосредственно не затрагивает интересы наших стран, но который при том или ином решении может иметь самые грозные последствия для всей международной жизни, для судьбы Лиги наций, для дела всеобщего мира, а следовательно, рано или поздно и для наших стран. С большим сожалением я вынужден поэтому заявить о своем несогласии с той позицией, которую уважаемый представитель Италии приглашает нас занять.

Правда, он не делает никаких предложений, но смысл его заявления сводится к тому, что Совет Лиги приглашается констатировать свою незаинтересованность в конфликте, свое безразличие, пройти мимо него, санкционировав требуемую им для своего правительства свободу действий. Но, мотивируя свое предложение несоблюдением и нарушением другой спорящей стороной международных обязательств, он приглашает членов Совета в свою очередь нарушить их международные обязательства, нарушить пакт Лиги наций, от которого в немалой степени зависят устойчивость всего здания международного мира и безопасность народов.

Инцидент, послуживший поводом для постановки обсуждаемого нами вопроса, ликвидирован и, собственно, никакого конкретного спора между сторонами больше не существует. Тем не менее, налицо несомненная угроза войны, угроза агрессии, которую не только не отрицает, а, наоборот, подтверждает сам представитель Италии. Можем ли мы пройти мимо этой угрозы и забыть про существование статей 10, 11 и 15-й устава Лиги? Разве это не было бы вопиющим нарушением устава Лиги? Разве нарушение его всем Советом не означало бы совершенного отрицания и упразднения пакта?

Мне могут сказать, что имеется прецедент, когда Совет Лиги не принял всех нужных мер для предотвращения конфликта между двумя членами Лиги. Этого прецедента мы не должны и не можем забывать, ибо мы до сих пор чувствуем еще, в какой мере этот случай ослабил Лигу наций, уменьшил ее авторитет и способствовал созданию того политически неустойчивого, грозного положения, в котором весь мир в настоящее время находится, и может быть даже возникновению данного конфликта. Повторение этого прецедента имело бы собирательный эффект и в свою очередь послужило бы поощрением возникновения новых конфликтов, более непосредственно затрагивающих всю Европу. Принцип неделимости мира, к счастью, получает все большее и большее признание. Всему миру ясно теперь, что почти каждая война есть порождение предыдущей войны и родительница новых войн.

Не могу я согласиться также с мотивировкой предложения, сделанного уважаемым представителем Италии. Я уверен, что здесь не найдется никого, кто защищал бы внутренний режим Абиссинии, как он описан в представленных нам документах, но ведь в смысле внутреннего режима страны мира представляют в настоящее время значительную пестроту, и весьма немногие из них сохранили между собой сходство. Ничто в уставе Лиги не дает нам, однако, права различать между членами Лиги по их внутреннему режиму, цвету кожи, расовым признакам, или по степени цивилизации и лишать тех или иных из них привилегий, которыми они пользуются в силу своего членства в Лиге и в первую очередь права на сохранение своей территориальной целостности и независимости. Я полагаю, что для поднятия отсталых народов, для воздействия на их внутреннюю жизнь, для поднятия цивилизации можно придумать иные средства, чем военные. Я должен напомнить, что в том печальном прецеденте, о котором я упомянул, также были попытки оправдания агрессии со ссылками на отсталость, внутренние неурядицы, плохую администрацию и т. п. Не подлежит сомнению, что при любой попытке агрессии будут подобные или другие оправдания. Лига наций, мне кажется, должна защищать тот принцип, что для военных операций нет оправданий, за исключением случаев самообороны, как не допускает этих оправданий пакт Келлога-Бриана, запрещающий всякую войну в качестве орудия национальной политики.

Мои замечания имеют общий, принципиальный характер и направлены, если можно так выразиться, против неизвестного агрессора. Только исходя из этих общих принципов, мы должны разобрать данный, конкретный конфликт, внимательно изучив его особенности, на которые указывают спорящие стороны. Но пока я резервирую свое мнение на этот счет.

Представляемое мною государство всего год тому назад вступило в Лигу наций с единственной целью и с единственным обещанием всемерно сотрудничать с другими нациями в деле сохранения неделимого мира. Только эта цель и это обещание руководят мною сегодня, когда я предлагаю Совету не останавливаться ни перед какими усилиями и средствами, чтобы предотвратить вооруженный конфликт между двумя членами Лиги и осуществить задачу, которая является смыслом существования Лиги.

РЕЧЬ ТОВА. ЛИТВИНОВА НА ПЛЕ- НУМЕ ЛИГИ НАЦИЙ 14 СЕНТЯБРЯ

Конкретные задачи Лиги наций

Первый раз делегация Советского Союза принимает участие в генеральной дискуссии по отчету генерального секретаря Лиги наций. Высказывая суждения о работе, проделанной за год Лигой, я сознаю всю скромность и сдержанность, обязательные для нового члена организации, не обладающего полнотой сведений по истории многих вопросов, которыми организация занималась, об усилиях, сделанных для разрешения вопросов до его вступления в организацию, о встретившихся затруднениях, о причинах этих затруднений и т. п. Не желая преуменьшать значение достижений Лиги за год, особенно таких, как разрешение саарской, югославско-венгерской и других проблем, я, однако, в настоящий момент вижу свою задачу члена этого почтенного собрания не в расточении похвал Лиге, что для члена Лиги и Совета отчасти было бы самовосхвалением. Мне кажется, что мы больше послушим делу Лиги, если мы используем предоставляемый отчетом случай, чтобы остановить наше внимание преимущественно на неудачах, на несовершенствах и незаконченности работ Лиги. Иначе говоря, если мы сделаем хотя бы краткое обозрение некоторых весьма важных незаконченных, а может быть, даже почти и не начатых дел, покоящихся в архивах Лиги, хотя бы для того, чтобы проветрить их и напомнить об их существовании. Такой метод приближается к тому методу, который в моей стране носит название самокритики и который, я смею вас уверить, дает блестящие результаты, приобретая иногда значение движущей силы в наших достижениях. Применяя этот метод здесь, я, однако, отнюдь не хочу, чтобы в нем видели какие-либо упреки кому бы то ни было. Как справедливо сказал уважаемый первый делегат

Великобритании, Лига всегда будет тем, чем члены Лиги ее делают. Мы почти все несем ответственность за ее несовершенства, хотя, конечно, не всегда в одинаковой мере.

Если я коснусь раньше всего незаконченного дела об определении агрессии, то потому лишь, что о нем нам на днях напомнил в Совете Лиги уважаемый представитель Италии барон Алоизи. Предъявляя обвинительный акт Абиссинии, барон Алоизи сказал: «Каждый отдельный из этих случаев агрессии был бы достаточным для легализации войны против государства-агрессора, если бы к этому государству было применено определение агрессии, недавно принятое в некоторых международных конвенциях». Речь идет, очевидно, о предложенной в свое время советской делегацией в Женеве формуле определения агрессии, принятой одной из подкомиссий под председательством г. Политиса и ставшей затем предметом ряда конвенций, заключенных Советским Союзом почти со всеми его соседями и странами Малой Антанты. Я вижу в приведенном заявлении представителя Италии признание полезности определения агрессии и даже сожаление об отсутствии полного международного признания его. В самом деле, больше чем в одном случае всеобщее признание этого определения агрессии вывело бы Лигу наций из досаднейших затруднений. Если бы мы имели перед собой не заявление Италии о свободе действий, а ее формальную обоснованную жалобу на акты агрессии со стороны соседней Абиссинии, которые подпадали бы под принятое Лигой наций определение агрессии, то я позволю себе заверить представителя Италии, что ему в таком случае не только в полной мере оказана была бы Лигой справедливость, но что он тогда убедился бы в наших симпатиях, на которые благородная итальянская нация имеет право.

Я опасаясь, что как в прошлом, так и в будущем Лига наций при разборе конфликтов между государствами неизбежно будет наталкиваться на препятствие, создаваемое отсутствием общепринятого определения агрессии. И я спрашиваю себя, не настала ли пора подвергнуть этот вопрос новому и самостоятельному рассмотрению, освободив его от зависимости от колесиков того механизма Лиги, в котором одно остановившееся колесо останавливает и все прочие. Я надеюсь, что Совет займется этим вопросом, если даже понадобится предварительная подготовка его дипломатическим путем.

Напомню вкратце о другом предложении советского правительства, не получившем своего разрешения и затерявшемся в механизме Лиги наций, а именно о создании постоянной конференции мира. Это предложение находит новое оправдание в том факте, что уже в течение 4 лет Лига наций не выходит из полосы разбора вооруженных конфликтов между членами Лиги или угрозы таких конфликтов, вызывающих необходимость довольно частых чрезвычайных сессий как Совета, так даже и пленума Лиги. Постоянная конференция мира, помимо облегчения самой процедуры обсуждения предотвращения конфликтов и других преимуществ,

о которых я в свое время говорил, имела бы большее агитационное значение с точки зрения мира и говорила бы возможным агрессорам, что Лига следит за сохранением мира и событиями, могущими привести к нарушению его перманентно, а не только в чрезвычайных случаях и с запозданием. Вопрос связали почему-то с проблемой контроля над разоружением, и в результате мы не имеем ни контроля над разоружением, ни постоянной конференции мира. Новое доказательство необходимости расцепления колесиков механизма Лиги!

Говоря о разоружении, я не могу не вспомнить о другом предложении советского правительства, покрытом в архивах Лиги, вероятно, наибольшим слоем пыли. Пусть генеральный секретарь не обидится на меня. Я выражаюсь фигурально, отнюдь не думая, чтобы в Лигу наций имела доступ какая бы то ни было пыль. Многим может показаться парадоксальным, что я вновь поднимаю вопрос о полном разоружении, когда потерпели крушение самые скромные попытки проведения частичного разоружения. Но я прошу вас вспомнить, что я всегда оспаривал положение о мнимой утопичности полного и о легкости реализации частичного разоружения и, наоборот, утверждал и продолжаю утверждать, что наибольшую трудность представляет частичное, а наименьшую — полное разоружение. Если казавшееся практичным оказалось утопией, то надо попробовать, не окажется ли практичным средством кажущаяся утопия. Подавляющее большинство государств, заявляющих о своей верности идее мира и о готовности защищать эту идею всеми средствами, не может дать лучшего доказательства своего миролюбия, чем согласие на новое серьезное изучение проблемы полного разоружения. Советская делегация будет во всяком случае заботиться о том, чтобы эта проблема не была предана забвению.

Меня интересуют, конечно, не только предложения, исходившие от советского правительства. Я, например, с сожалением выслушал, что вопрос о согласовании устава Лиги с парижским пактом в направлении полного запрещения войны вновь откладывается обсуждением на неопределенное время. Разрешение этого вопроса покончило бы навсегда с компрометирующими Лигу спорами, которые мы слышим здесь, о том, должна ли Лига наций предотвратить возникший или грозящий возникнуть военный конфликт, или легализовать его.

С сожалением я отнесся бы также к возможному решению о дальнейшем оставлении в состоянии бездеятельности существующие комиссии изучения Европейского Союза. Мне кажется, что в рамках этой организации могли бы с пользой обсуждаться не только экономические, но и многие политические вопросы, интересующие преимущественно европейские страны. Там могли бы быть поставлены на предварительное рассмотрение и большие общие вопросы для выявления солидарности европейских стран, что отнюдь не означало бы умаления универсальности Лиги наций. Но в Лиге, именно благодаря ее универсальности, при том поло-

жении, когда некоторые континенты расщеплены на множество небольших стран, и при абсолютной необходимости признания равенства наций, как больших, так и малых, голос европейских стран может иногда потонуть в универсальном хоре и не находить адекватного отзвука, соответствующего их удельному весу в международной жизни. Это тем более несправедливо, что возможность вмешательства Лиги в дела других континентов иногда заранее ограничивается или исключается. Этот вопрос мог бы быть обсужден параллельно со стоящим в порядке дня вопросом о взаимоотношениях между Лигой наций и пан-американским союзом.

Создание внутри Лиги наций европейской организации могло бы со временем привести к обширному европейскому региональному соглашению, охватывающему и связывающему между собой намеченные частичные и более узкие региональные соглашения. Это свое беглое замечание я представляю в качестве материала для обсуждения этой проблемы, которая, я признаю, должна быть подвергнута более подробному и серьезному изучению.

Я на этом заканчиваю свой обзор исполненной или скорее неисполненной работы Лиги наций за год. Я не останавливаюсь совершенно на побочных задачах Лиги, не имеющих прямого отношения к делу укрепления мира. Не отрицая значения задач, будь то гигиенического, социального или гуманитарного характера, я отнюдь не хотел бы отвлекать энергию Лиги в эту сторону в ущерб основной задаче Лиги, для которой она создана. Не хотел бы я также, чтобы Лига слишком много средств уделяла созданию новых органов или искусственному воскрешению отмирающих органов, как это полагает уважаемый представитель Норвегии. Если 15 лет тому назад, когда шансы новой войны казались и действительно были, вследствие всеобщего истощения, совершенно минимальны, основатели Лиги наций видели смысл ее существования исключительно, как гласит пункт 14-й Вильсона, в «создании взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств», то тем более такая целеустремленность Лиги диктуется нынешним положением, о котором председатель Совета в своей вступительной речи сказал, что «мир терзает беспокойством», и которое другие ораторы охарактеризовали аналогичными выражениями.

Да, это беспокойство, овладевшее миром за последние три года, не только не смягчается, но и растет крещендо.¹ Дело не только и не столько в итало-абиссинском конфликте, сколько в других грозных опасностях, стоящих перед Европой и перед всем миром. Это беспокойство имело, однако, ту хорошую сторону, что оно убедило все миролюбивые страны, всех искренних друзей мира в бесспорности двух истин: в неделимости мира и в необходимости коллективной безопасности. Коллективная безопасность, однако, не может быть обеспечена одним уставом Лиги наций.

¹ Прогрессивно.

Советский Союз за безопасность народов, против агрессии

В этом мы все убеждаемся, чем дальше тем больше, при всякой попытке применения устава. Отдельные государства или скорее группы государств должны на основе устава Лиги принимать свои дополнительные меры. Эти меры нашли общепризнанное выражение в региональных пактах взаимной помощи.

Советский Союз, желая внести свою лепту в систему регионального укрепления мира, не щадил усилий, чтобы вместе с правительствами Французской и Чехословацкой республик осуществить региональные пакты в области наиболее доступной их воздействию. Нам, к сожалению, не удалось, по причинам, от нас независящим, привлечь к этому делу все государства, населяющие эту область, и поэтому пришлось ограничиться заключением пактов о взаимной помощи с Францией и Чехословакией. Но эти пакты имеют ту же цель и тот же характер, что и региональный пакт, и я уверен, что они значительно содействовали укреплению чувства безопасности на востоке Европы, так же как локарнский региональный пакт выполняет ту же функцию в западной части Европы. Подобные пакты никому, кроме возможных нарушителей мира, не угрожают, ничьих интересов не задевают и служат исключительно делу мира, а следовательно и делу всего человечества.

Противоположная концепция, борющаяся с идеей коллективной безопасности, которой она противопоставляет двусторонние пакты, притом даже не между всеми государствами, а только между произвольно для этого выбранными, ничего общего с мирными намерениями иметь не может. Не всякий пакт о ненападении имеет целью укрепление всеобщего мира. Во то время как пакты о ненападении, заключенные Советским Союзом со своим соседями, имеют особую оговорку о недействительности пактов в случае совершения агрессии одной из сторон против любого третьего государства, мы знаем и другие пакты, отнюдь не случайно такой оговорки лишенные. Это значит, что государства, обеспечившие себе тыл или фланг подобным пактом о ненападении, резервируют себе возможность безнаказанного нападения на третье государство. Теории подобных пактов сопутствует другая — о локализации войны. Но кто говорит — локализация войны — имеет в виду свободу войны, легализацию войны. Двусторонний пакт должен обеспечить этим людям безопасность и легализацию агрессии. Мы имеем, таким образом, две точно очерченные концепции — с одной стороны, безопасность народов, с другой — безопасность агрессии. К счастью, последняя теория отвергается всеми цивилизованными нациями и обща лишь весьма немногим правительствам, которые она и метит, как будущих нарушителей мира.

Концепция коллективной безопасности нашла блестящее признание и подтверждение в англо-французском соглашении от 3 февраля, выдвинувшем схему не только отдельных региональных

пактов, но и их неразрывность и взаимозависимость. С этой схемой солидаризировалось огромное большинство европейских стран, в том числе и Советский Союз, и она немало содействовала поднятию в Европе чувства безопасности. Совершенно противоположные чувства вызывало, наоборот, всякое сепаратное двустороннее соглашение. Я с особым удовлетворением поэтому выслушал речь британского министра иностранных дел сэра Семьюэля Хора, в которой он особенно красноречиво защищал идею коллективной безопасности, идею поддержания мира коллективными средствами и заверял нас в верности этой идее британского правительства. Я это приветствую как благоприятное предзнаменование для будущего Лиги наций.

СССР и итало-абиссинский конфликт

Я мог бы на этом закончить свое выступление, но я знаю, что многие с недоумением спрашивают себя, почему я не говорю о вопросе, наиболее актуальном и наиболее волнующем пленум Лиги, а именно об итало-абиссинском конфликте. Я предпочел остановиться на общих вопросах, потому что данный конфликт для меня не заслоняет всего международного горизонта и вырисовывавшихся на нем других, более грозных опасностей. Я предпочел установить общие принципы, которые мы должны применять к частным случаям. О самом конфликте мы скажем, когда он будет поставлен перед нами в Совете Лиги в случае неудачи предпринятых попыток примирения. Скажем беспристрастно, с подобающим советскому представителю мужеством, которое не смогут поколебать никакие запугивания нападками и оскорблениями в прессе или другими методами. Принципиальное отношение советского правительства к подобным конфликтам и к тому, что надо в таких случаях делать, я определил в Совете с предельной ясностью. Для советской делегации нет вопроса о поддержке той или иной из спорящих сторон, ни о защите чьих-либо интересов. Как вам должно быть известно, советское правительство относится принципиально отрицательно к системе колоний, к политике сфер влияния, к мандатам и ко всему, что имеет отношение к империалистическим целям. Перед советской делегацией стоит исключительно вопрос о защите устава Лиги, как орудия мира. Это орудие уже немножко подбито предыдущими покушениями, и мы не можем допустить новых покушений, которые вывели бы его окончательно из строя. Оно может понадобиться нам еще не один раз и еще более, чем в настоящем случае. Если мы уйдем с настоящей ассамблеи, получив уверенность, что государства, представители которых, выступая формально, торжественно обязались от имени своих правительств никогда больше не допускать новых покушений на устав Лиги, как на орудие мира, а пускать его в ход во всех случаях агрессии, откуда бы она ни исходила и против кого бы она ни была направлена, то данная ассамблея

явится началом новой истории Лиги наций. Я хочу вас заверить, что представляемое мною государство не уступит никому в лояльном выполнении принятых на себя международных обязательств, особенно когда речь идет об обеспечении за всеми народами блага мира, которым никогда еще человечество так не дорожило, как в настоящее время, после сравнительно недавно пережитых испытаний. Мы должны избавить его на будущее от подобных испытаний.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ПОТЕМКИНА НА ПЛЕНУМЕ ЛИГИ НАЦИЙ 10 ОКТЯБРЯ

В отношении итало-абиссинского конфликта позиция СССР уже известна. Она с совершенной ясностью сформулирована была народным комиссаром Литвиновым в его выступлениях по этому вопросу в Совете Лиги и ассамблее. Нет нужды полностью повторять все эти заявления. Отмечу лишь напоминание народного комиссара Литвинова, сделанное девятого сентября, что СССР вступил в Лигу наций с единственной целью и единственным обещанием — всемерно сотрудничать с другими народами в деле сохранения неделимого мира. Напомню далее его предложение Совету не останавливаться ни перед какими усилиями и средствами, чтобы предотвратить вооруженный конфликт между двумя членами Лиги и осуществить задачу, которая является смыслом существования Лиги.

В «комитете 13-ти» на заседании Совета Лиги, — говорит т. Потемкин, — делегация СССР неуклонно выдерживала свою принципиальную позицию. В настоящий момент в пленуме всем членам Лиги наций надлежит принять ответственные решения, вытекающие из констатации войны, начатой одним из государств, входящих в Лигу, и из нарушения им обязательств статьи 12-й ее устава.

По этому поводу делегация СССР считает долгом подтвердить свою готовность выполнить на ряду с прочими членами Лиги наций все обязательства, которые налагает на всех них без изъятия ее устав.

Единство действий является вернейшим средством ликвидировать конфликт, возникший на почве стремления к колониальной экспансии, грозящей территориальной целостности и национальной независимости одного из членов Лиги, представляющий опасность для всего человечества. Оно же может послужить залогом скорейшего осуществления коллективной безопасности — необходимой системы, предупреждающей дальнейшие попытки с чьей бы то ни было стороны нарушить общий мир ударом по нему в самых чувствительных пунктах.

ЗАЯВЛЕНИЕ ТОВ. ЛИТВИНОВА В БОЛЬШОМ КОМИТЕТЕ ПО САНКЦИЯМ 20 ОКТЯБРЯ

Я ограничусь несколькими замечаниями. Одно из них будет иметь скорее характер изложения моей концепции значения выработанных и принятых комитетом координации мероприятий. **Эти мероприятия**, хотя и представляют собой целую систему экономических санкций, все же **не являются исчерпывающими**. Иначе говоря, комитет координации не дошел до конца возможных экономических санкций, так как он принял во внимание множество обстоятельств, свойственных данному конфликту. Отсюда не следует, однако, что ограниченность принятых санкций представляет собой прецедент, на который позволительно будет ссылаться в других случаях агрессии, когда можно будет принять гораздо дальше идущие санкции. Если моя концепция неправильна, то вероятно председательствующий или другие делегаты меня поправят.

Несмотря на сравнительно мягкий характер санкций, приходится с сожалением констатировать, что они приняты далеко не с таким единодушием, на которое мы вправе были рассчитывать. Множество делегаций сделали оговорки: одни в отношении всех санкций, другие в применении к тем или иным категориям. В оправдание были приведены различные аргументы, в роде дружбы с Италией, этнографического или расового родства с ней, либо же были сделаны указания на особое географическое или экономическое положение тех или иных стран, или на этнический состав их населения.

Я не буду теперь входить в критику или оценку правильности этих мотивов. Скажу лишь, что **вряд ли мыслимы другие случаи агрессии, когда с таким же правом не могут быть приведены такие же оправдания для уклонения от выполнения санкций**. Любой агрессор найдет среди 54 государств членов Лиги так называемых традиционных или конъюнктурных друзей. Если это так, то мы никогда не сможем рассчитывать на выполнение санкций всеми членами Лиги. Если Лига наций хочет быть опорой мира, то такой опорой могут быть не доброхотные даяния, т. е. санкции в порядке добровольности, а лишь **всеобщие обязательства**. Там, где нет универсальности обязательств, там нет и Лиги наций для той роли, на которую она претендует.

Представляемое мною государство не имеет никаких споров с Италией, не питает никакой вражды к ней и не имеет никаких собственных интересов в данном конфликте. Италия является одним из лучших покупателей и поставщиков Советского Союза. Мое государство имеет с ней активный торговый баланс. Стало быть выполнение санкций, помимо ущерба нашим дружественным отношениям с Италией, влечет с собой для СССР значительные материальные потери. **Если мы соглашаемся нести эти потери, то лишь в силу принятых нами на себя обязательств,**

в силу международной солидарности в интересах мира и независимости всех народов. Но эти обязательства должны быть одинаковыми для всех членов Лиги, иначе они вовсе не являются международными обязательствами.

Я не знаю, в какой мере государства, требующие изъятия в силу своего «особого положения», смогут противодействовать мерам, принятым сегодня комитетом координации. Я считаю своим долгом, однако, теперь же предупредить, что если изъятия примут характер такого противодействия и поставят под сомнение действительность этих мер, то я резервирую для моего правительства право пересмотреть свое отношение к рекомендованным комитетом координации мерам, которые оно ныне принимает к исполнению. Я надеюсь, однако, что мы к этому не будем вынуждены другими членами Лиги.

ИЗ ДОКЛАДА ТОВ. МОЛОТОВА НА 2-й СЕССИИ ЦИК СССР VII СОЗЫВА (10 ЯНВАРЯ 1936 г.)

Наше вхождение в Лигу наций отнюдь не означает, что отныне не существует коренного принципиального отличия советской международной политики от политики капиталистических держав. На примере итало-абиссинской войны мы уже видим обратное.

Итало-абиссинская война — типичная империалистическая война за колонии. Итальянский фашизм открыто защищает политику захвата Абиссинии и превращения ее в итальянскую колонию. Считая себя державой, обиженной по части колониальной добычи, которую делили между собой главные империалистические государства после окончания мировой войны, Италия начала новую войну, чтобы силой оружия расширить свои колониальные владения за счет Абиссинии. Фашистская Италия выступает в данном случае в качестве застрельщика нового частичного передела мира, что чревато большими событиями и многими неожиданностями для господствующих капиталистических классов в Европе. Фашистское правительство требует при этом от других империалистов и от Лиги наций в целом поддержки ее колониального наступления.

На отношении держав к итало-абиссинской войне демонстрируется действительная их политика. В первую очередь, здесь надо иметь в виду крупные, решающие державы.

С поверхностной точки зрения может показаться, что между этими державами существуют разногласия принципиального значения в отношении к политике колониального захвата. На самом деле это, конечно, не так. Различие в позиции отдельных капиталистических государств, участвующих в Лиге наций, сводится отнюдь не к принципиальной разнице в отношении колониальных захватов. Это различие объясняется прежде всего разной заинте-

ресованностью отдельных крупных держав в степени усиления империалистического могущества Италии. Это можно сказать также и в отношении держав, не входящих в Лигу наций. Среди капиталистических держав нет таких держав, которые ставили бы независимость той или другой слабой страны выше интересов своего корыстного участия в дележе колоний.

Только Советский Союз занял в итало-абиссинской войне особую принципиальную позицию, чуждую всякому империализму, чуждую всякой политике колониальных захватов. Только Советский Союз заявил о том, что он исходит из принципа равноправия и независимости Абиссинии, являющейся к тому же членом Лиги наций, и что он не может поддержать никаких действий Лиги наций или отдельных капиталистических государств, направленных к нарушению этой независимости и равноправия. Эта политика Советского Союза, принципиально отделяющая его от других членов Лиги наций, имеет исключительное международное значение и еще принесет свои большие плоды.

Советский Союз продемонстрировал в Лиге наций свою верность этому принципу, принципу государственной независимости и национального равноправия всех государств на примере одной из малых стран — Абиссинии. Советский Союз использовал также свое участие в Лиге наций для того, чтобы на практике проводить свою линию в отношении империалистического агрессора.

Первый же год участия Советского Союза в Лиге наций полностью подтвердил правильность нашего решения о вступлении в Лигу. При всех недостатках, которые присущи Лиге наций, как организации капиталистических государств, Лига в известной мере выполняла сдерживающую роль в отношении поджигателей войны, в отношении агрессора. Можно и должно критиковать Лигу наций за то, что она не принимала достаточных мер, например, в связи с итало-абиссинской войной, в отношении которой Лига должна была в конце-концов сказать свое мнение об агрессоре. Следует также признать, что Лига ничего не сделала для предупреждения этой войны. Однако, нельзя не видеть того факта, что в данном случае Лига наций стесняла не тех, кто служил делу мира, а тех, кто хотел помогать агрессору. В этом свете надо рассматривать участие СССР в решениях Лиги по вопросу об итало-абиссинской войне и в частности в проведении экономических санкций в отношении Италии, которая была признана Лигой агрессором.

Итало-абиссинская война показывает, что угроза мировой войны все больше нарастает, все больше захватывает Европу.

Эта война только еще началась, и сейчас невозможно предвидеть, когда и чем она кончится. Кому, однако, не видно, что итальянский фашизм поставил большую ставку в этой игре.

Тот факт, что не задачи внутреннего хозяйственного и культурного подъема, а рискованную войну за новые колонии господствующие силы Италии рассматривают, как главный путь

к своему дальнейшему усилению, говорит сам за себя. Даже теперь, когда капиталистические страны в большей или меньшей мере, — весьма, впрочем, неравномерно, — выходят из экономического кризиса последних лет, — даже теперь они уже сами не верят в возможность значительного роста своих сил на основе развития своих внутренних сил. Только в этой связи можно понять развязку новых империалистических войн за колонии. В этом же и глубокая основа итало-абиссинской войны.

СУДЬБЫ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА

ИТАЛО-АБИССИНСКАЯ ВОЙНА И БОРЬБА С ФАШИЗМОМ

Вопрос об итало-абиссинской войне является, без сомнения, одним из самых серьезных вопросов, которые стоят в настоящее время перед рабочим классом. Он является также одним из наиболее сложных вопросов международной политики и политики революционного пролетариата.

Итало-абиссинская война еще раз во весь рост поставила перед пролетариатом проблему империализма и, в частности, проблему борьбы империалистических держав за новый передел мира.

Итало-абиссинская война вновь привлекает внимание рабочего класса к остроте и крайней неустойчивости международного положения. Она привлекает внимание рабочего класса к опасности новой мировой империалистической войны, которая, как указал VII Всемирный конгресс Коминтерна, угрожает со дня на день всему человечеству.

Итало-абиссинская война позволяет нам на основе целого ряда фактов вплотную исследовать ту «тайну», в которой подготавливаются войны, о которой говорил Ленин и которую буржуазия старается сделать как можно более глубокой, чтобы обмануть массы.

Наконец, итало-абиссинская война еще раз ставит перед рабочим классом вопрос о фашизме, о его базе, о внутренних противоречиях его политики, о роли, которую он играет в подготовке и развязывании империалистической войны, и о путях борьбы за свержение фашизма.

* * *

Первый вопрос, на который мы должны дать ясный ответ, — это почему Италия ведет войну в Абиссинии и почему она начала эту войну именно теперь?

Неправильно было бы расценивать итало-абиссинскую войну только как выражение и результат тех трудностей и внутренних противоречий, для которых фашизм ищет выхода во внешней авантюре; но в то же время неверно было бы видеть в военных операциях фашизма в Африке только подготовку Италии к новой мировой войне. Конечно, если бы Италии удалось завоевать и удержать за собой всю абиссинскую территорию, она обеспечила бы себе возможность осуществлять серьезный контроль над глав-

ным морским путем между Европой и Азией. Без сомнения, в случае мировой войны это имело бы крупное значение. Но вряд ли Италия сможет **быстро** утвердиться на всей абиссинской территории, а положение в Европе, с другой стороны, настолько напряженно, что африканское предприятие скорее затруднит для Италии осуществление решающего влияния в Европе, если война разразится здесь неожиданно.

Пример прошлого достаточно поучителен. Итало-турецкая война 1911 г. и захват Триполитании и Киренаики были первыми искрами пожара 1914 г. Но когда разразилась мировая война, Италия, истощенная усилиями, которых потребовала война против Турции, смогла вступить в войну только в следующем году и, чтобы иметь возможность воевать в Европе, была вынуждена временно ослабить все свои позиции в Африке.

Сегодня итальянский империализм никак не гарантирован от повторения этой обстановки. Те фашистские генералы и руководители, которые настроены против африканской авантюры, исходя, очевидно, именно из этого соображения. Они хотели бы, чтобы Италия сохранила неистраченными свои силы к тому моменту, — а они считают его достаточно близким, — когда вспыхнет всеобщий европейский пожар, в котором итальянский фашизм, по их мнению, должен сыграть решающую роль. Политика Муссолини, который во что бы то ни стало добивался войны в Африке, основана, без сомнения, на иных соображениях и продиктована другими мотивами.

Нельзя рассматривать войну против Абиссинии только с точки зрения **немедленных** выгод, которые Италия может извлечь из завоевания этой части африканской территории. Экономические ресурсы этой территории еще мало исследованы. Вероятно, Италия не могла бы рассчитывать на немедленные большие выгоды даже в случае полной победы. Почти наверняка проекты широкой эмиграции и колонизации Абиссинии сотнями тысяч итальянских колонистов являются фантастическими проектами. Империалистическим хищникам не только очень трудно, но и почти невозможно найти сейчас такие свободные территории, которые позволили бы извлечь немедленную выгоду или предоставляли бы широкие возможности колонизации. Но перспектива немедленной выгоды не всегда играет основную, решающую роль в планах империалистических захватов. Ленин исчерпывающе показал в своем труде об империализме, что капиталисты всегда стремятся захватить как можно больше земли, любой ценой и любым способом, учитывая перспективы эксплуатации хотя бы в отдаленном будущем, если имеющиеся возможности ограничены, из боязни остаться позади, оказываясь на последнем месте в начавшейся и постоянно возобновляемой борьбе за раздел мира. Современная африканская авантюра итальянского фашизма являет классический пример этой лихорадки захватов любой ценой, которая характерна для империализма

* * *

Обычно, говоря об итальянском империализме, подчеркивают прежде всего, а иногда и исключительно, его «слабость».

Ленин говорил в 1915 г. об итальянском империализме как об империализме «в лохмотьях», имея в виду нищету Италии и отчаянное положение итальянских эмигрантов. Но это не помешало ему заклеить итальянскую буржуазию, назвав ее «грубой, отвратительно-реакционной, грязной... у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи»¹. Ибо «слабость» итальянского империализма в сравнении с империализмом других стран не означает, что итальянский фашизм менее агрессивен, чем другие. Эта «слабость», напротив, обуславливает еще большую агрессивность, выражением которой сейчас являются политика войны и африканская авантюра итальянского фашизма.

«Слабость» итальянского империализма определяется двумя основными моментами:

а) экономическим положением страны, нехваткой сырья, прежде всего сырья, необходимого для развертывания современной индустрии;

б) тем фактом, что итальянский империализм развился очень поздно и вступил в борьбу за завоевание рынков, источников сырья, сфер влияния, колоний и т. д. в момент, когда раздел мира был почти закончен, лучшие места заняты, когда обширные колониальные империи, — как французская и английская, — уже образовались и оказывали резкое сопротивление вождельствам опоздавших.

Эти два факта, которые могли до известной степени и до известного момента создавать препятствие экспансии итальянской буржуазии, должны были в конечном счете подействовать в обратном смысле — в колоссальной степени усилить агрессивные стремления итальянского империализма. Это и случилось, в особенности после прихода к власти фашизма и в связи с тем действием, которое оказывала политика фашизма на все области жизни страны.

Бедность Италии сырьем, необходимым для развития современной индустрии, характеризуется следующими несколькими цифрами: Италия добывает менее миллиона тонн угля в год, всего 500—700 тыс. т железной руды с большим содержанием серы, и почти совсем не имеет нефти и хлопка. Она вынуждена ежегодно импортировать от 9 до 12 млн. т угля, до 700 тыс. т лома, 200 тыс. т железа и стали, 500 тыс. т минеральных масел, 100 тыс. т марганца, 25 тыс. т свинца и т. д. Тем не менее — и этот факт как раз необходимо подчеркнуть, если мы хотим понять объективные основы агрессивности итальянского империализма, — Италия представляет собой страну, в которой индустриальное развитие шло чрезвычайно быстро и скачкообразно. Первый скачок вперед произошел между 1900 и 1910 гг. Другой имел место после мировой войны и в частности в первые годы фашистской диктатуры.

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 289, 290, 2-е и 3-е изд.

Продукция чугуна составляла в 1890 г. 14 тыс. т в год; в 1900 г. она составляла еще только 24 тыс. т; в 1910 г. она достигла 400 тыс. т; в 1913 г. — 427 тыс. т; в 1929 г. — 700 тыс. т.

Продукция стали росла следующим образом: в 1890 г. — 13 тыс. т; в 1913 г. — 933 тыс. т; в 1929 г. — 2100 тыс. т.

В период между 1900 и 1910 гг. темпы развития основных отраслей промышленности в Италии превышали почти все страны капитализма; они сравнимы только с темпами Японии и США, в некоторых случаях даже превосходя их. То же явление повторилось после войны, в особенности в первые годы относительной стабилизации. Это было после прихода к власти фашизма. Вес Италии как индустриальной страны быстро рос в сравнении с другими странами. В 1913 г. промышленная продукция Италии была равна 19,4% промышленной продукции Германии; в 1929 г. она равнялась 30,5% германской продукции. Но нехватка сырья, зависимость итальянской промышленности от заграницы давали себя знать все острее. Захват источников сырья, которые она могла бы эксплуатировать в качестве монополиста, все больше выдвигается перед империалистической буржуазией Италии как неотложная необходимость. Каждый скачок вперед в промышленном производстве сопровождается, таким образом, быстрым усилением в лагере буржуазии сторонников войны и лихорадочными поисками военного выхода из создавшегося положения.

Период 1900—1910 гг. привел к первой большой волне шовинистического движения (создание националистской партии и т. д.) и к войне в Ливии — прелюдии мировой войны. Послевоенный период привел к фашистскому режиму и к современной африканской войне.

Политика фашизма всемерно способствовала индустриальному развитию Италии. Одной из основных забот было в то же время — уменьшить экономическую зависимость от заграницы. В промышленности некоторые результаты были достигнуты чрезвычайно быстрым подъемом производства электроэнергии и применением электричества в различных отраслях промышленности (Италия занимает, например, второе место в мире, после США, в производстве электростали). В земледелии расширение зерновых посевов и заметное увеличение урожая (10,5 ц с га в период 1909—1913 гг.; 15,9 ц с га в 1933 г.) уменьшили зависимость страны от заграницы в отношении продуктов питания. Несмотря на это международное положение Италии, по сравнению с другими великими капиталистическими державами, не улучшилось а, наоборот, ухудшилось.

В первом периоде большого взлета индустрии (1900—1910 гг.) уровень жизни масс поднялся. Создавая мощные классовые организации и борясь против предпринимателей, значительные слои сельскохозяйственных рабочих и работниц добились увеличения зарплаты. С приходом к власти фашизма положение изменилось. Рабочие организации были разгромлены, заработная плата и уро-

вень жизни масс как в городе, так и в деревне подверглись непрерывному и очень сильному снижению.

Безработица сделалась постоянной, и эмиграция уже не приносила облегчения, как было до войны. Отсюда сужение внутреннего рынка и рост нужды в Италии даже до начала мирового экономического кризиса, что сказалось прежде всего в промышленности, производящей предметы потребления (текстиль и т. д.). Кризис значительно ухудшил положение. Итальянский промышленный экспорт слабо противостоял ожесточенной конкуренции. Итальянские товары были вытеснены с целого ряда рынков, начиная с дальневосточных и кончая ближневосточными. Для итальянской торговли создалось трагичное положение, которое выразилось в сокращении, с 1929 г. по 1934 г., общего обмена с заграницей почти до трети его объема.

Но это еще не дает полного представления об экономической структуре Италии. Сюда надо добавить, что фашистская политика всеми средствами способствовала росту трестов и монополий, что крупные капиталистические монополии охватывают почти полностью некоторые основные отрасли промышленности (химия, электричество) и занимают преобладающие позиции во всех без исключения остальных отраслях, даже в области сельскохозяйственного производства. Сегодняшняя Италия — одна из тех стран, где производство концентрировано и централизовано в высшей степени. Рост капиталистической концентрации одновременно усиливал позиции наиболее реакционных, наиболее шовинистических слоев буржуазии, богатство и сила которых покоятся на самой жестокой эксплуатации масс и на ликвидации последних ничтожных остатков демократических свобод. Это приводит в области международных отношений к самой агрессивной империалистической политике, к политике захватов, грабежа и войн.

Отсюда в первую очередь и вытекает африканская авантюра.

* * *

Вторая большая «слабость» итальянского империализма, тот факт, что **он поздно вышел** на арену борьбы за передел мира, неизбежно делает итальянский империализм агрессивным, всегда недовольным, всегда ищущим нового выхода, перемен, событий, которые позволили бы ему конкретно поставить вопрос о новом переделе мира, — тот вопрос, который империалистические хищники принуждены решать военным путем. Итальянский империализм был, таким образом, в течение всего последнего исторического периода, можно сказать с 1910 г., **империализмом, ищущим войны**, и эта черта его политики сделалась особенно яркой после прихода к власти наиболее реакционных групп буржуазии, т. е. с установлением фашистской диктатуры. Это не значит, что итальянский фашизм все время был готов воевать: он имел свои моменты большой слабости, свои серьезные внутренние кризисы, которые заставляли его занимать в международной политике выжидательную позицию. Но важно то, что он тщательно, системати-

чески и со всех точек зрения готовился к войне и что основой его политики всегда были поиски быстрого и глубокого изменения существующего соотношения сил.

Именно вследствие этого итальянский фашизм так долго при-мыкал к «ревизионистским» державам и вел ожесточенную борьбу против французского империализма, защищающего европейский статус кво. Это были годы, когда вождения итальянского империализма были обращены прежде всего к Балканам, где его захватнические замыслы наталкивались в первую очередь на систему союзов Франции и на сферы ее влияния.

Югославия долгое время служила объектом этих замыслов и в целях самозащиты усиливала свои политические и военные связи с французским империализмом. Стремясь создать себе базу для экономической и политической экспансии на Балканском полуострове, фашистская Италия вела политику интриг почти во всех балканских странах. Она добилась успеха в Албании, которую следует в настоящее время рассматривать как итальянскую полуколонию, экономическое и торговое значение которой невелико, но ценность которой с военной точки зрения довольно значительна. Италии удалось также завоевать некоторые экономические позиции в Румынии и Болгарии и сблизиться с определенными группами буржуазии в различных балканских странах. Но все эти позиции непрочны.

Сопротивление французского империализма и его союзников итальянской политике в определенный момент сделалось очень сильным (укрепление Малой Антанты, создание Балканской Антанты и т. д.). С другой стороны, позиции итальянской торговли на Балканах были сильно поколеблены кризисом, и в конечном итоге итальянский империализм оказался перед тем фактом, что перспективы широкой экспансии на Балканы для него закрыты.

В бассейне Дуная, после того как итальянский империализм приобрел себе союзника в лице Венгрии и обеспечил решающие позиции в Австрии, он оказался лицом к лицу с другим противником — германским национал-социализмом, добивающимся присоединения Австрии и возобновляющим старую политику германского империализма — политику проникновения на юго-восток Европы.

В определенный момент, примерно совпадающий с установлением гитлеровской диктатуры, для итальянского империализма закрылись все возможности экспансии в Европе, в каком бы то ни было направлении. Ревизионистские планы Муссолини в Европе оказались невыполнимыми и в большей своей части — планами, очень опасными для самой Италии, ибо они открывали дверь германскому фашизму, через Австрию, к самым границам Италии.

В этой новой ситуации итальянский фашизм попытался создать блок четырех великих европейских держав (Англии, Германии, Франции, Италии). Согласно намерениям фашизма, эти четыре великие державы должны были противопоставить свою волю остальным, в частности «не европейским» странам (в «трудах», опубликованных по этому случаю фашистскими «теоретиками», Европа

кончалась на Висле и на дунайской равнине; далее были «варвары», подлежащие цивилизации, и земли, которые нужно завоевать!). Это был план контрреволюционной войны против Советского Союза, план развязывания рук для Италии в бассейне Дуная, на Балканах и на Ближнем Востоке. Этот план, к которому благосклонно относился английский империализм, потерпел, однако, крушение вследствие сопротивления Франции и малых стран Центральной Европы, независимость которых была бы разрушена национал-социалистскими и фашистскими победителями. Тогда итальянский империализм вынужден был изменить всю свою международную ориентацию: отношения с германским национал-социализмом сделались откровенно враждебными, итальянские войска были двинуты к австрийским границам, чтобы помешать предприятиям гитлеровских путчистов в этой стране, и Муссолини был вынужден искать поддержки у французского империализма и его союзников.

Но означала ли эта новая ориентация итальянского фашизма отказ от его ревизионистских стремлений? Ни в какой степени. Итальянский империализм не может отказаться от ревизионистских установок, потому что он не может отказаться от лихорадочных поисков новых рынков, новых земель для завоевания. **Но итальянский ревизионизм, прежде преимущественно европейский, сделался теперь преимущественно колониальным.** Этот поворот отмечен речью Муссолини от 19 марта 1934 г. на собрании фашистских функционеров. Исторические задачи Италии, заявил Муссолини в этой речи, носят два имени: Азия и Африка; на Западе и в Европе нет больше никаких перспектив для нашей активности, но на Востоке, в Африке и в Азии для нашей экспансии открыты широкие возможности, ибо положение Италии на Средиземном море позволяет ей сыграть роль моста между Европой, Азией и Африкой.

Каковы же цели, которые итальянский империализм может ставить себе в Азии? Всякая возможность экспансии на Дальнем Востоке для него закрыта. Он стремился создать себе опору в арабских странах на Красном море, но здесь каждый шаг «за порог» прямо и немедленно затрагивал позиции, завоеванные и удерживаемые английским империализмом. Но и в Африке итальянская экспансия наталкивалась на чужие позиции: Тунис находится в руках французского империализма; путь от пустынных районов Северной Африки, принадлежащих Италии, экономическая выгода которых очень невелика, ведущий к плодородным районам тропической Африки, находится также в руках Франции. Абиссиния — единственная страна, к которой итальянские империалистические хищники могут направить свои стремления без того, чтобы прямо и немедленно натолкнуться на другие империалистические державы. Соображения касательно неизведанности ресурсов этой страны и трудностей ее военного захвата должны были отступить на второй план перед этим неоспоримым фактом.

Все это показывает, что война, которую Италия ведет против

Абиссинии, не может рассматриваться оторванно от всей совокупности проблем европейской политики. Все бóльшая напряженность международного положения в результате итало-абиссинского конфликта является, таким образом, логичной, неизбежной. Так же логично и то, что планы итальянской экспансии наталкиваются прежде всего на противодействие со стороны Англии. Когда итальянский империализм выступал поборником европейского ревизионизма, он прежде всего встречал сопротивление со стороны Франции; точно так же сегодня, сделавшись поборником колониального ревизионизма, он должен в первую очередь вызвать сопротивление английского империализма.

Прикрываясь личиной защиты пакта Лиги наций, английский империализм в действительности борется сегодня против первых серьезных попыток пересмотреть карту колониальных владений после мировой войны. Противодействие со стороны Англии итальянскому предприятию носит, таким образом, такой же характер, как мотивы, заставившие ее в 1914 г. воевать с Германией. Это необходимо понять не только для того, чтобы не питать иллюзий, но и для того, чтобы иметь правильное представление о перспективах развития событий.

Предвидеть, что случится завтра, невозможно. Муссолини начал войну в расчете на то, что разногласия с Францией и боязнь внезапного европейского кризиса парализуют сопротивление Англии. Но его игра основана также на перспективах быстрой и победоносной войны, а эти перспективы скорее всего не осуществятся. Наиболее правдоподобным предположением является соглашение между империалистическими соперниками за счет абиссинского народа, соглашение, которое, однако, не разрешит проблемы, поставленной войной, и не будет означать ничего другого кроме передышки.

Система отношений между великими империалистскими державами получила теперь такой удар, что не нужно много усилий для того, чтобы вызвать общий ее развал. Борьба в защиту мира становится все более и более трудной, все более и более сложной. Именно фашизм, сообразно со своей классовой природой и всем содержанием своей политики, зажег пламя пожара, приближение которого с ужасом видят народы.

* * *

Какую позицию занимает итальянский народ перед лицом войны, начатой фашизмом?

Перед нами десятки писем со всех концов страны, характеризующие настроение народных масс.

Общая картина, рисуемая этой информацией, такова: **война в общем непопулярна**. В Африку добровольно не едут, будущее вызывает большую озабоченность. Раздаются голоса, в которых звучит мрачное отчаяние. Петиция против отправки солдат в Африку, адресованная «подесте» одной из деревень десятками женщин, написанная простым языком, представляет величайший

обвинительный акт против фашизма. В Милане пользуется успехом песенка в честь абиссинского негуса, против Муссолини, представляющая собой прекрасный образчик народного творчества.

Как выражаются антивоенные настроения народных масс? Они не выражаются открыто — разве только в редких случаях — и проявляются в самых различных формах, чаще всего неорганизованных и стихийных. До сих пор был только один пример организованного движения масс против войны: стачка, посредством которой рабочие Кальтанисетты пытались помешать отправке солдат в Африку. В других случаях группы женщин пытались воспрепятствовать отправке поездов с солдатами, бросаясь на рельсы. Многие собрания, созванные фашистами для пропаганды войны, превращались в антифашистские демонстрации. Из Сицилии и Сардинии мы имеем сообщения, хотя очень неясные и непроверенные, о довольно серьезных столкновениях во многих деревнях между жандармами и населением. Но в общем, несмотря на то, что война непопулярна, **движение протеста и борьба масс против войны находятся только на первом этапе своего развития.** Влияние фашистской военной пропаганды чувствуется среди молодежи, даже трудящейся, а также среди рабочих, которые долгое время находились без работы; многие из них отправились в Африку в качестве рабочих, привлекаемые перспективой получать, наконец, жалованье и иметь возможность помочь голодающим семьям.

Что касается мелкой буржуазии, то здесь картина несколько иная. Влияние фашистской пропаганды здесь гораздо более сильно. Не надо забывать о существовании десятков тысяч фашистских функционеров и активистов, которые действительно верят в то, что африканская война может вывести Италию из экономической разрухи, заставит исчезнуть безработицу и... делает Италию страной «сильной» и «богатой», примерно такой, как Англия. Только жестокий опыт может открыть глаза этим массам. Такова одна из причин — и не самая малая, — по которой всякий подлинный друг итальянского народа должен желать поражения итальянскому империализму в Африке. Уже сегодня, несмотря на то, что фашистская пресса говорит только об успехах, среди фашистов, среди мелкой буржуазии, находящейся под их влиянием, и мелкой буржуазии в целом наблюдаются новые, очень интересные настроения. Начали чувствоваться результаты войны. Жизнь быстро дорожает, нехватает предметов первой необходимости. Массы все больше узнают, что во всем мире происходит большая мобилизация сил против фашистской военной политики; известно, что фашизм изолирован. Растут сомнения, недоверие. Спрашивают себя: не допустил ли Муссолини роковой ошибки? **Боятся катастрофы.** А новости, которые приходят с фронта, несмотря на фашистскую цензуру, говорят о необычайных трудностях, которые должна преодолевать армия, говорят о сотнях убитых, о раненых и больных. Эти новости усиливают мрачные настроения, питаемые также тем фактом, что все знают, что часть

фашистских руководителей и командного состава армии была против войны и боялась, что последняя закончится поражением.

Осуществление санкций еще усилит озабоченность и толкнет к оппозиции против войны те группы буржуазии, которые связаны с обрабатывающей промышленностью и экспортом, с промышленностью, которой угрожает потеря оставшихся рынков.

В целом итальянский фашизм находится в очень трудном положении. После многих лет свирепой реакции, после годов экономических трудностей и кризиса, последствия которого, еще ухудшаемые войной, чувствуются во всех областях жизни страны (неустойчивость валюты, быстрый рост дефицита в государственном бюджете, безработица, чрезвычайно урезанная зарплата, громадные налоги, дороговизна, нехватка сырья и т. д.), **фашизм не может рисковать неуспехом**. Неуспех может явиться для него началом конца; даже если война будет происходить в условиях все возрастающих трудностей, это будет равно неуспеху, и этот факт вызовет неисчислимые последствия для страны. Толкаемые жаждой успеха, успеха любой ценой, хотя бы ценой ввержения всех сил страны в пропасть, фашистские главари, желавшие войны, пойдут к своей гибели. К этой гибели мы должны помочь фашизму приблизиться.

* * *

Характеристика настроений масс, сделанная нами, и то, как проявляется их недовольство, достаточно говорят о слабости компартии. Ненависть масс к войне не выражается еще достаточно широко и открыто — особенно потому, что связи между массами и коммунистическим авангардом еще слишком ограничены и слабы.

В 1934 г. и в начале 1935 г. компартия стала преодолевать часть своих недочетов, стремясь использовать всякую возможность для агитации и организации масс, предоставляемую фашистскими организациями, прежде всего синдикатами. Эта линия компартии уже нашла довольно явственное и широкое выражение во внушительном количестве массовых протестов, в движении на заводах против снижения зарплат, в использовании фашистских собраний для того, чтобы призвать пролетариат к защите его интересов. Но война застала компартию в момент, когда развертывание массовой работы в новых формах, соответствующих положению в стране, еще не дало всех своих результатов. Фашизм сейчас особенно боится этих форм нашей массовой работы, ибо этим путем можно легче всего вовлечь промышленных рабочих в движение.

Положение Италии глубоко изменится, когда беспокойство и баянь примут более законченную политическую форму, рождая оппозицию против капиталистов и против фашистских главарей, желавших, подготовивших и развязавших войну; когда широкие массы, еще поддающиеся в той или иной мере влиянию фашистской пропаганды, но глубоко ненавидящие войну, открыто выра-

зят эту свою ненависть; когда пролетариат развернет на заводах и в крупных промышленных центрах борьбу за свои классовые интересы против фашистской политики войны. Объективные условия для этой перемены созревают, но она не произойдет без революционной активности компартии.

Компартия борется за **поражение итальянского империализма и фашизма**. Поражение будет наименьшим злом для пролетариата и для всего итальянского народа. Оно нанесет удар в сердце режиму, разрушившему демократические свободы, разгромившему все организации, все экономические, политические и социальные завоевания рабочего класса и трудящихся. Оно поколеблет доверие, которое часть трудящихся масс еще питает к лживой фашистской пропаганде. Оно может спасти страну от катастрофы, к которой ее ведет фашистская политика. Во всем мире оно явится огромной помощью всем тем, кто борется за дело мира, против войны и фашизма.

Но после 13 лет фашистской диктатуры, в созданных фашизмом условиях террора и жестокого подавления масс, вести широкую пораженческую кампанию нелегко, особенно в первый период войны. Борьба компартии против войны концентрируется вокруг центрального лозунга **«Поражение итальянского империализма и фашизма»**. В борьбе за осуществление этого лозунга компартия учитывает следующие моменты.

В своей агитации коммунисты показывают, что фашистская война ведется в интересах наиболее реакционных слоев буржуазии и верхушки фашистской партии, т. е. узкого круга людей, богатство и могущество которых связаны с африканской авантюрой. Этот факт необходимо разъяснить массам, просто и убедительно опровергая все аргументы фашистской политики войны. Своей конкретной критикой всех сторон фашистской политики коммунисты доказывают всему народу, что война — не только не в его интересах, но угрожает стране катастрофой, последствия которой лягут на трудящихся, если они не свергнут гнет фашизма. Этим путем удастся изолировать тех, кто хотел войны, от широких масс населения. Лозунг **«Прогоним от власти тех, кто хотел войны»** может стать под давлением растущих трудностей самым популярным лозунгом, даже среди тех слоев, которые еще находятся под влиянием фашизма.

Задача, которую стремится решить компартия, — создать **единый фронт** всех, выступающих против войны, готовых бороться за ее прекращение, готовых свергнуть правительство, несущее ответственность за эту войну. Но неверно было бы рассматривать эту задачу как легко осуществимую или как уже полностью решенную. Правда, очень важные успехи достигнуты уже в итальянской эмиграции. Заключен договор о едином фронте между компартией и социалистической партией, и к соглашению этих двух партий примкнули почти все находящиеся в эмиграции антифашистские группы. На конференции, созванной всемирным антифашистским комитетом 3 сентября в Париже с целью организо-

вать борьбу против проводимой Муссолини политики войны, объединились все итальянские антифашистские партии и группы. На созванном недавно в Брюсселе по инициативе социалистической и коммунистической партий конгрессе эмигрантов-итальянцев, который явился мощной демонстрацией против войны, к антифашистскому фронту примкнули также, за малым исключением, все эмигрантские антифашистские организации. Но факт тот, что, кроме коммунистической партии, ни одна из этих организаций почти не имеет непосредственной связи с массами в Италии. Речь идет о значительной части антифашистской оппозиции, в частности об остатках старых демократических партий и об эмигрировавших кадрах социалистической партии. Конечно, важно, чтобы эта часть антифашистской оппозиции была объединена в борьбе против войны. Но есть другая оппозиция фашизму, растущая в стране, kloкочущая в массах, зреющая в самих фашистских организациях. Эта оппозиция значительно более важна, ибо от ее развития зависит весь ход событий. Компартия стремится оппозицию организовать, объединить, руководить ею политически. Объединение групп эмигрантов имеет значение как средство для достижения этой цели; но именно на коммунистическую партию ложится главная задача в этой области, ибо из всех антифашистских партий она имеет в настоящее время наибольший опыт борьбы, наиболее крепкие связи в стране и наиболее близка к массам. От работы коммунистов зависит, чтобы единство, достигнутое между эмигрировавшими антифашистскими кадрами, стало исходным пунктом **подлинного народного движения в стране против войны и фашизма.**

Борясь против войны, итальянская компартия борется за выполнение указания Ленина и Сталина **о превращении империалистической войны в гражданскую войну против буржуазии** в стране, где господствует фашистская диктатура. Громадные трудности стоят перед итальянскими коммунистами; вырастают новые проблемы, для разрешения которых необходимо обладать величайшим политическим и организационным умением. Если удастся выполнить эту задачу, фашизму будет нанесен удар, и быть может смертельный, во всем мире. Итальянская компартия идет на борьбу и мобилизует все свои силы с полным сознанием этой великой ответственности.

ЭРКОЛИ

„Вольшевик“ № 21.

ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ ДЛЯ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА ИТАЛИИ

В выходящей в Москве на французском языке газете «Журналь де Моску» помещена беседа с иностранцем А. В., недавно побывавшим в фашистской Италии. Как указывает газета, это

лицо хорошо знакомо с жизнью Италии, и суждения его носят совершенно объективный, беспристрастный характер.

«Последствия войны в Абиссинии, — заявляет А. В., — с каждым днем все сильнее отражаются на внутреннем положении Италии, которое и до начала итало-абиссинской войны было довольно напряженным. Это относится не только и не столько к крайне тяжелому экономическому и финансовому положению страны, сколько к резкому обострению недовольства самых широких кругов населения режимом, который легкомысленно затеял авантюру, противопоставившую фашистскую Италию всему миру.

Война в Италии крайне непопулярна. Иностранного наблюдателя прежде всего поражает состояние полной подавленности, охватившее все слои населения, не исключая даже лиц, близких к руководящим кругам. Это состояние можно сравнить только с состоянием седока, которого взбесившаяся лошадь бешеным аллюром несет прямо к пропасти. Фашистской партии пришлось объявить борьбу «пессимистическим настроениям». Но позволительно усомниться в том, удастся ли фашистской партии и правительству внушить населению оптимизм мерами административного воздействия. До сих пор эти меры ни к чему не приводили, несмотря на множество арестов по обвинению в распространении «слухов, вредных для обороны страны». Очень показательным для господствующих в стране настроений также то, что в кино и театрах публика демонстративно отказывается вставать при исполнении фашистского гимна «Giovinezza», несмотря на угрожающие окрики находящихся в залах фашистских милиционеров.

Особо тягостное впечатление произвело в Италии опубликование списка стран, присоединившихся к решениям Лиги наций о применении против Италии экономических и финансовых санкций. Список участвующих в санкциях стран сделал очевидным даже для среднего человека всю обреченность похода в Абиссинию. Закрытие иностранных рынков для итальянского экспорта создает для отдельных отраслей промышленности и сельского хозяйства совершенно безвыходное положение. Это относится, в частности, к производству искусственного шелка, которое и до введения санкций сократилось в текущем году более чем наполовину по сравнению с соответствующим периодом 1934 г. Но и остальные отрасли промышленности, за исключением предприятий, непосредственно обслуживающих военные нужды, находятся не в лучшем положении. Этим следует объяснить паническое настроение итальянской биржи и резкое падение курсов акций итальянских промышленных предприятий. Что касается положения сельского хозяйства, то не следует забывать, что итальянский сельскохозяйственный экспорт в значительной части состоит из скоропортящихся продуктов (овощи, апельсины, мандарины, лимоны, виноград и т. д.), которые не могут найти сбыт внутри страны. В результате не только крестьянство многих областей, в особенности на юге, обречено на полное разорение, но и многочисленным торговым фирмам грозит та же участь.

По всей стране сейчас пышным цветом расцвела разнузданная спекуляция. Состоятельные люди лихорадочно создают продовольственные запасы, стремясь застраховать себя от близкого голода. Трудящиеся же слои — рабочие, служащие и даже мелкие и средние чиновники и лица свободных профессий — не только не имеют возможности запастись продовольствием на будущее время, но уже сейчас влатат самое жалкое существование. Покупательная способность лиры упала больше чем на 50%.

Фашистская печать ведет крикливую кампанию, стремясь внушить итальянскому читателю убеждение в полном превосходстве итальянских войск над абиссинцами и в неизбежности близкой победы. Но эта пропаганда не достигает цели. Даже мало искушенные в военном деле люди прекрасно понимают, что военные операции в Абиссинии развиваются далеко не блестяще и что по существу итальянцам не удалось нанести абиссинским войскам ни одного сколько-нибудь серьезного поражения. Между тем итальянские потери огромны. Пытались скрыть от населения действительное положение вещей: сведения о количестве убитых и раненых не публикуются, а большая часть военных госпиталей устроена на Эгейских островах, чтобы избежать необходимости привозить больных и раненых в Италию.

Но эти сведения, несмотря на все рогатки цензуры, все же становятся известными из писем, получаемых в Италии из Восточной Африки.

Известие об отставке главнокомандующего итальянскими войсками в Восточной Африке генерала де-Бона и назначении на этот пост начальника генерального штаба всех вооруженных сил Италии маршала Бадольо было воспринято населением в качестве доказательства того, что обороноспособность абиссинской армии оказалась значительно выше, нежели это предполагало итальянское правительство. Однако, осведомленные круги утверждают, что назначение Бадольо в Восточную Африку было вызвано далеко не только этими соображениями. Общеизвестно, что Бадольо является одним из тех руководителей итальянской армии, которые наиболее решительно возражали против авантюры в Абиссинии, не без основания опасаясь повторения ужасной катастрофы 1896 г. Нападение Италии на Абиссинию было осуществлено вопреки советам маршала Бадольо. Сейчас, когда сложившаяся в результате итало-абиссинской войны обстановка создала непосредственную угрозу фашистскому режиму, глава которого — Муссолини, возмнив себя Цезарем, не выдержал, однако, экзамена на звание государственного мужа, — отдельные политические круги Италии выдвигают маршала Бадольо в качестве будущего преемника Муссолини на пост главы итальянского правительства. Эвентуальная политическая роль Бадольо определяется как его выдающимся положением в армии, так и его тесной близостью к монархическим кругам. Следует кстати отметить, что последние особенно болезненно воспринимают обострение англо-итальянских взаимоотношений.

В этих условиях Муссолини, повидимому, был заинтересован в том, чтобы не только удалить маршала Бадольо из Италии, но и скомпрометировать его, заставив его принять непосредственное участие в абиссинской войне, безнадежность которой, несомненно, сейчас не составляет секрета даже для Муссолини. Трудно заранее предвидеть, какие последствия будет иметь этот маневр; но совершенно ясно, что итало-абиссинская война может в самом ближайшем времени привести к глубокому кризису фашистского режима и даже поставить под вопрос самое его существование».

«Правда» от 4/ХІІ-35 г. № 333.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИМЕР

На тропинках, по которым с трудом продвигаются человек и мул, на высоте многих тысяч метров, в жаре, доходящей до 50°, работают десятки тысяч итальянских рабочих и десятки тысяч абиссинцев, «освобожденных» от рабства генералом де-Бона, чтобы проложить пути, ведущие из итальянской колонии Эритреи к сердцу Абиссинии. Жару дневную сменяют холодные ночи, но при свете ацетиленовых ламп и громадных прожекторов непрерывно продолжается «цивилизаторская» работа, которая должна проложить путь танкам, пулеметам и артиллерии. На юге, то в невыносимую жару, то утопая по колено в грязи, под проливными дождями, продвигаются итальянские войска, чтобы соединиться с северными группами.

* * *

И на войска, и на их страну сыплется град прокламаций и призывов, доказывающих им, что они борются за великое дело французской революции. Она освободила французский народ от феодализма, а они, итальянские рабочие и крестьяне в шинелях, должны освободить итальянский народ от господства **международной плутократии**. В одной из своих речей глава итальянского правительства **Муссолини** назвал Италию «**великой пролетаркой**», повторив эпитет, данный ей перед мировой войной 1914—1918 гг. вождем итальянских империалистов **Коррадини**, писавшим:

«Как социализм был методом освобождения пролетариата от буржуазии, так национализм будет для нас, итальянцев, методом освобождения от французов, немцев, англичан, которые по отношению к нам являются буржуазией».

Эти слова Коррадини писал перед итало-турецкой войной за завоевание Триполи. Подготавливая эту войну и подготавливая к ней итальянский народ, итальянские империалисты, группировавшиеся вокруг газеты «**Идея nazionale**», пытались доказать народным массам, что есть **империализм богатых и империализм бедных**. Империализм богатых — это разбой для наживы банкиров. Но когда великий народ должен жить в эпоху индустриальной

культуры, не имея ни железа, ни угля, ни нефти, ни хлопка, ни даже в достаточном количестве хлеба, то этот народ вправе взяться за оружие и завоевать то, что ему необходимо для жизни. Итальянский народ, говорили идеологи и агитаторы итальянского империализма, не решился до сих пор вступить на этот путь завоевания.

Пять миллионов итальянцев вынуждены были безвозвратно покинуть родную страну, чтобы искать куска хлеба в Германии, Франции, Северной и Южной Америке, работая на чужих капиталистов, живя в нужде и унижении. Для них мы хотим завоевать землю, кричали они, мы хотим завоевать источники сырья, чтобы не нужно было эмигрировать таким громадным массам сынов трудового народа.

Эта пропаганда имела известный успех среди отсталых крестьянских масс, не решавшихся отнять землю у горсти итальянских помещиков, которые держали в своих руках половину пахотной земли. Она нашла известный отклик у части деклассированного пролетариата и в первую очередь среди наиболее ретивых **реформистов**, «во имя интересов пролетариата», перебежавших под руководством Биссолати в лагерь империализма. Эти развязные агенты империализма обещали пролетариату, что в продолжение десяти лет в Триполи будет переселено по меньшей мере два миллиона крестьян, которые там, на «свободной земле», будут добывать хлеб для себя и для Италии.

Еще во время мировой войны в своей статье **«Империализм и социализм в Италии»** Ленин (Соч., т. XVIII, стр. 289—296) дал теоретический ответ этому «учению» о бедняцком, или пролетарском, империализме. Теперь, когда от триполитанской войны отделяет нас около четверти века и когда истории итальянских попыток колониальной политики уже больше полувека, мы можем дать слово **убийственному языку цифр**. По итальянской статистике, во всех итальянских колониях с населением в 2370 тыс. человек **поселено было около 3000 итальянских крестьян**. В эти смехотворные цифры входят уже крестьяне, работающие на капиталистических плантациях. Колониальная экспансия обошлась Италии в **15 млрд. лир и 24 тыс. убитых в боях**. Таким образом, **каждый переселенный в колонии крестьянин обошелся в 5 млн. лир и 8 убитых**. Вдобавок надо сказать, что так как всякий колонист должен запастись сельскохозяйственным инвентарем, то те из крестьян, которые работают не у плантаторов, — **кулаки**.

Рим видит в **Абиссинии** не самоцель, хотя обещает снова разместить на ее территории миллионы крестьян и найти в ней уголь, железо и нефть. Абиссиния должна стать благодаря своему стратегическому положению и возможности организации из ее человеческих масс большой цветной армии **рычагом для передела африканских колоний в пользу Италии**. Для освещения этого вопроса о возможности массовой колонизации Африки приведем мнение такого выдающегося знатока Африки, как Пауль Рорбах, германского империалиста, который в своей последней книге

«Deutschlands koloniale Forderung» делает вывод, что не может быть и речи ни о какой массовой колонизации, что дело может идти лишь или о капиталистических плантациях, или о поселении немногочисленных кулаков, из которых всякий должен израсходовать для устройства своего хозяйства по крайней мере около 30 тыс. марок. Все это говорит не какой-нибудь гуманный политик, а империалист, высказывающийся за применение принудительного труда, за порку недостаточно «послупных» негров. Это пишет человек, который требует для Германии колоний, но считает необходимым не скрывать реальных условий развития этих колоний. Африка, говорит он, есть известный резерв для получения тропических и субтропических растений: хлопка, каучука, кофе, растительных жиров и масел. Эти колонии требуют громадных капиталовложений и могут дать только очень ограниченные материальные результаты. Отвечая на вопрос, что может Германия получить, если ей вернут все ее колонии, Рорбах приводит вычисления знатока африканских колоний Шлиппманна, по мнению которого, если бы старые германские колонии были возвращены Германии и доведены до полного развития, то они дали бы и в Африке и в самой Германии (путем торговли. — К. Р.) занятие от 300 до 600 тыс. людей и улучшили бы германский торговый баланс на каких-нибудь 300—600 млн. марок. Не подлежит сомнению, что все эти цифры, столь незначительные для Германии, представляют очень большое агитационное преувеличение.

Если от этой оценки условий развития африканских колоний вообще перейти к абиссинским, то не подлежит сомнению, что абиссинские условия не лучше, а хуже для массовой колонизации. Горы Абиссинии, плотность населения в основных провинциях, высокая степень национального самосознания, привычка к организованным военным действиям делают всякую мысль о массовой колонизации Абиссинии утопией, даже если бы итальянскому империализму удалось завоевать Абиссинию. Она могла бы стать только объектом капиталистической эксплуатации... если бы в ней оказались в больших количествах уголь, железо, нефть, о которых мечтает итальянский империализм, хотя теперешнее состояние геологических разведок в Абиссинии не дает никаких серьезных оснований это предполагать. Но если бы, израсходовав миллиарды и завоевав Абиссинию и найдя в ней богатства (не для рабочих, понятно, а для капиталистов!), итальянский империализм захотел бы приступить к эксплуатации Абиссинии, он должен был бы обратиться за миллиардами, необходимыми для ее экономического развития, к тому же самому американскому, английскому, французскому капиталу, от господства которого он якобы хочет освободить итальянских рабочих и крестьян! Прыжок из царства неволи в царство свободы на империалистском пути есть утопия.

В результате побед, о которых мечтает итальянский империализм и до которых очень далеко, итальянский народ, обессилен-

ный, обескровленный, стоял бы перед необходимостью итти в кабалу к наиболее богатым империалистическим странам.

В мире достаточно железа, угля, нефти, хлопка, хлеба, и талантливейший итальянский народ, что дал человечеству гениев Данте, Ариосто, Микель-Анджело, да-Винчи, Макиавелли, Беккариа, Вико, Мадзини, Гарибальди, Маркони, — этот великий народ будет не навозом истории, а полноправным участником великого труда и великих побед человечества над природой, над нуждой, над темнотою, над силами, которые ведут человечество к братоубийству.

Советская общественная мысль, которая еще у Герцена, Чернышевского и Добролюбова училась любви к итальянскому народу, следит с великим вниманием за новым историческим испытанием этого народа. В судьбах его она видит великий исторический урок. Необходимость социализма назрела во всех странах современного капитализма, но некоторые страны без социализма не могут уже двинуться даже на шаг вперед. К ним принадлежит Италия с ее 44 миллионами талантливейшего населения, лишенного условий, позволяющих подняться, освободиться от экономической зависимости при продолжении существования капитализма.

Все человечество сделает раньше или позже необходимый шаг на пути исторического прогресса. Италия в семье социалистических народов не будет отсутствовать и она займет в этой семье место, которое будет отвечать не только ее великому культурному прошлому, но и тем великим мучениям, в которых она найдет свой окончательный исторический путь.

КАРЛ РАДЕК

«Известия» от 7/XI-35 г. № 260.

В ПОЛОСЕ ИСПЫТАНИЙ

«Кончается год, полный перемен. Начался 14-й год фашистского режима. Мы приветствуем его в военном духе с развернутыми знаменами, со всей страстью нашей веры, с волей, которая прошла испытание в бесконечных, тяжелейших пробах сил». Так гласили слова приказа, изданного главой фашистской Италии Муссолини к тринадцатой годовщине «похода на Рим», — «похода», совершавшегося в удобных поездках, предоставленных фашистам тем правительством, которое якобы было ими низвергнуто.

В своем патетическом приказе Муссолини указал фашистской Италии на час испытания, наступивший для нее с момента начала итало-абиссинской войны. В страстных словах он утверждает, что итальянский фашизм, решив свои внутренние задачи, вступает в бой против «эгоизма международной плутократии» и консервативных сил. Последние он упрекает в том, что они поставили себе задачу — сломить волю итальянского народа экономическим давлением.

В другом выступлении Муссолини обращается к крестьянству, говоря, что оно решит исход боя. Объявляя себя «потомком крестьян», он выражает уверенность, что крестьянская масса будет с ним.

В этих обращениях отражается сознание того, что для фашистской верхушки приближается час исторического испытания. Если беспристрастно подытожить результаты тринадцатилетнего развития фашистского режима, то можно понять эту тревогу.

Фашистская верхушка призывает крестьянство на помощь. Но что она дала крестьянству? 2 314 374 крестьянских хозяйства владеют 4 622 980 га, т. е. 31% обрабатываемой итальянской земли. Этой крестьянской бедноте, жившей впроголодь при либеральном режиме и поставлявшей основные кадры мировой эмиграции, — разве фашизм добавил ей хоть клочок земли, разве он уменьшил ей тяжесть податей? 12 490 помещиков держат, как и прежде, в своих руках 7 049 682 га, т. е. 46% земли. 151 548 кулаков и мелких помещиков удержали в своих руках 3 411 081 га, т. е. 23% земли. Ни у помещика, ни у кулака фашизм не отнял и куса земли.

Когда «Лаворо фашиста» — фашистский орган, предназначенный для рабочих, призывает их стойко выдержать испытания, то он не в состоянии ответить на вопрос: что же должны защищать итальянские рабочие?

В области промышленности фашизм имеет три «достижения». Он колоссально увеличил концентрацию промышленности, власть картелей и власть банков.

«Банко д'Италия» («Итальянский банк») контролирует все другие банки. Фашизм выдает этот контроль за контроль «надклассового» государства. «Надклассовость» последнего выразилась в том, что в период кризиса правительство переложило много миллиардов субсидий в карманы монополистического капитала за счет налоговых поступлений и займов. Монополистический капитал определяет политику фашистских корпораций.

Второе «достижение» фашизма в области промышленности состоит в том, что он разбил массовые организации пролетариата и, лишив его средств защиты, уменьшил нищенскую заработную плату итальянских рабочих по меньшей мере на 40%. Когда «Лаворо фашиста» обращается к итальянскому пролетариату за поддержкой от имени фашистских союзов, то этот орган фашистской демагогии забывает свои собственные слова, напечатанные 26 сентября 1933 г.

«Мы заявляем, — писала эта газета, — что уже в течение ряда лет функция профсоюзов в вопросе о зарплате состоит в том, что они находятся в центре следующего заколдованного круга. Предприниматель требует снижения зарплаты, скажем, на 30%; мотивировка: положение предприятия вследствие кризиса. Представители рабочих систематически отрицают необходимость сокращения зарплаты и заявляют, что предприятия должны снизить издержки производства по какой-либо иной статье, и т. д. и т. д.

После обязательных этапов и обмена общими аргументами, которые повторяются сейчас с отчаянным однообразием (все это находит выражение в формуле: «после продолжительных и оживленных прений, оживленных искренним духом сотрудничества»), через два дня, два месяца или два года представителям рабочих удастся ограничить снижение зарплаты на 10%».

Третье «достижение» фашизма — значительное увеличение военной промышленности. Но оно не является выражением общей индустриализации Италии. Достаточно указать на следующие факты: темпы развития промышленности в Италии под «волшебной палочкой» фашизма едва-едва достигают темпов индустриального развития Франции после войны. Рисуя перспективы на будущее, Муссолини должен был признать, что, по крайней мере, половина рабочих, выброшенных кризисом за борт, не вернется на заводы.

Итальянский фашизм не решил ни одного из основных экономических вопросов, стоящих перед Италией. Его утверждения о «новой эре», в которую будто бы вступила Италия, есть агитационная фраза. Поэтому его призыв «а noi» — «к нам» — не даст результатов, сколь бы слабой ни была в данный момент организованная сила антифашистских элементов в Италии.

Боясь роста последних, фашизм пытается представить своих внутренних врагов, как агентов «коварного Альбиона», якобы стремящегося к низвержению фашистского режима. Английский премьер-министр господин Болдуин и английский министр иностранных дел сэр Семюэль Хор присягают, что подобные революционные намерения им полностью чужды. Их заверениям можно поверить на слово. Но это не меняет факта, что итальянский фашизм, являвшийся в продолжение последнего десятилетия надеждой контрреволюционной Европы, бунтует против самого сильного контрреволюционного государства Европы. Он оказался не элементом консолидации европейского капитализма, а элементом его разложения. Это не может не ускорить кризис итальянского фашизма.

КАРЛ РАДЕН

«Правда» от 7/XI-35 г. № 308.

ОБЫВАТЕЛЬ ПЬЕТ ЧАШУ ДО ДНА

(Письмо из Рима)

Война с Абиссинией является логическим продолжением внешней и внутренней политики фашистского режима. Вот почему исход войны и судьба режима теснейшим образом связаны друг с другом. Попытка договориться «без свидетелей» за счет жертвы агрессии пока не удалась. Сколько времени будут еще продолжаться военные действия, сказать трудно, почти невозможно.

Чрезвычайно интересно проследить эволюцию отношения «среднего итальянца» к войне с Абиссинией. Примерно до сентября, несмотря на бешеную кампанию фашистской печати, которая в течение 9 месяцев на все лады пыталась вбить в мозги своих читателей необходимость захвата Абиссинии, «средний итальянец» оставался равнодушен к этой настойчивой и систематической пропаганде. Абиссиния в его глазах продолжала оставаться чем-то весьма далеким, и необходимость ее завоевания во имя спасения «будущего Италии» и во имя осуществления мечты итальянского фашизма о создании собственной колониальной империи оставалась для него чуждой. Продолжавшаяся в течение 9 мес. отправка войск и военных материалов в Африку непосредственно не затрагивала его интересов и не вызывала с его стороны какой-либо оппозиции. Он весьма равнодушно относился к переговорам, ведшимся в Женеве, к приезду Идена в Рим, к парижской конференции и т. д. Со второй половины сентября настроение резко изменилось. По тону заявлений Муссолини и его выступлениям, итальянский обыватель увидел, что угроза развязывания войны начинает осуществляться. Ряд последовательных мобилизаций затронул его непосредственные интересы, сгущавшаяся вокруг Италии международная атмосфера начала его тревожить. С момента отклонения Муссолини мирных предложений, сделанных ему в Женеве, обыватель увидел, что война неизбежна, а следовательно, неизбежны и все жертвы, которые потребуются от него.

В эти дни итальянцев нельзя было узнать. Молчавшие в течение 13 лет фашистской диктатуры, боявшиеся собственной тени, итальянские обыватели заговорили. На улицах, в кафе и ресторанах, в трамваях и в вагонах железной дороги, в парикмахерских и т. д. развязались языки. «Средний итальянец» начал критиковать фашистский режим и самого Муссолини. Открыто раздавались речи о том, что «нам война эта не нужна», что «завоевание Абиссинии является авантюрой», что ее естественные богатства, которые, якобы, необходимы Италии и без которых она обречена на гибель, «никогда не исследованы и, возможно, вообще не существуют». Отправка солдат в Восточную Африку сопровождалась сценами, целиком напоминавшими отправку русских солдат на Дальний Восток в 1904 г. Энтузиазм, который столь красноречиво расписывали итальянские газеты, существовал только в воображении казенных публицистов.

Война разразилась. В течение первых нескольких дней итальянское оружие «восстановило попорченную честь Италии». Была взята Адуа, где 40 лет тому назад итальянские войска под начальством генерала Баратьери были окружены, разбиты и почти целиком уничтожены абиссинцами. Характерно, однако, что, несмотря на истерические завывания итальянских газет и плакатов, «человек с улицы» оставался равнодушен к этим вопросам «национальной чести». Документальные фильмы в кино, показывающие продвижение итальянских солдат и вступление в Адуу,

оставляли зрителя равнодушным. Жидкие аплодисменты сопровождали эти картины, причем аплодисменты рождались не стихийно, а вызывались чьими-то настойчивыми одиночными хлопками. В Неаполе сообщение о взятии Адуи, возвещенное на площади, где собралось около 2000 человек, вызвало аплодисменты лишь кучки фашистской молодежи, собравшейся тесно вокруг трибуны, с которой это сообщение оглашалось. Что касается толпы, то она, как в «Борисе Годунове»... безмолствовала.

Ни военные сводки в обычных крикливых выражениях, ни сообщения о переходе на сторону Италии в результате подкупа нескольких местных вождей, ни размазывание успехов итальянского оружия специальными корреспондентами газет, работающими под руководством самого министра печати и пропаганды Чиано, не подымало «национального духа».

Положение сильно изменилось с момента, когда угроза санкций стала приводиться в действие. Именно с этого момента началось перемещение центра тяжести. Механизм пропаганды очень ловко заставил забыть, что Италия является нападающей стороной, что она нарушила устав Лиги наций. Печать не щадила красок и выражений для того, чтобы доказать, что Италия является жертвой нападения, организованного Англией. Итальянский обыватель был потрясен, увидев в один прекрасный день, что 51 государство единогласно выступает против его отечества. На первых порах реакция его на это выступление была построена по формуле «права или не права, но это — моя страна». Наблюдались случаи, когда антифашистски настроенные итальянские интеллигенты выражали свою «общенациональную» солидарность с режимом. Тут же необходимо отметить, что этот «патриотический подъем» ни у внешней, ни у внутренней эмиграции успеха не имел. Из крупных деятелей антифашистского лагеря один только бывший премьер Орландо прислал на имя Муссолини верноподданническое письмо.

Руководители фашистской агитации и пропаганды сознательно берут курс против иностранцев, систематически и настойчиво развивают ненависть к ним, стремясь отвести все внутренние трудности за счет применяемых к Италии санкций.

Отсутствие антифашистской печати лишает возможности разъяснить широким массам населения Италии, что запрет ввоза оружия, либо начальная стадия прекращения итальянского экспорта при постоянном и в прошлом дефиците итальянского торгового баланса меньше всего могут оправдать все нарастающую сумму лишений, которые возлагает фашистская диктатура на плечи трудового итальянского народа. Разжигание ненависти к иностранцам, демагогический сбор в пользу родины старой металлической утвари, разбитых серебряных подсвечников и обручальных колец введены в арсенал фашистской демагогии для отвлечения внимания от внутренних трудностей и для разжигания патриотических настроений населения. Вся поднятая вокруг сбора железного лома и золота шумиха по существу является сплошным блефом. В ре-

зультате ожесточенной месячной пропаганды, посещения фашистами частных квартир, убеждений и угроз и прямых реквизиций весь сбор золота по Италии едва достиг 36 миллионов лир, чего не может хватить на покрытие даже двухдневной стоимости итальянской экспедиции в Абиссинию.

Несмотря, однако, на неснижающийся темп агитации печати, подъем патриотических настроений, вне всякого сомнения, систематически идет на убыль. Всякий терпящий лишения итальянец начинает понимать, что, вопреки невообразимому шуму фашистской пропаганды, нет речи о непосредственной угрозе территориальной целостности его родины. Режим систематически требует от трудящихся все новых и новых жертв во имя далекой и непонятной колониальной войны. Убеждение в том, что весь противодействующий войне мир только стремится причинить несправедливости Италии, начинает все более и более рассеиваться и уступать место новому подъему волны недовольства и критики действий фашистской диктатуры.

Между тем внутреннее положение Италии с каждым днем становится все более напряженным. Ежедневно тают золотые и валютные резервы. Еще год тому назад эти запасы составляли 7 с лишним миллиардов. Сейчас они не превышают уже двух с половиною миллиардов. Каждая десятидневка войны обходится минимум в 200 миллионов лир золотом, ибо вследствие падения доверия к бумажной лире Италии приходится все свои покупки за границей оплачивать исключительно золотом. Италия, лишенная сырья, вынужденная и в нормальное время импортировать нефть, уголь, лес, чугун, сталь, медь и т. д. из-за границы, должна теперь, в условиях войны, утроить свой ввоз, в первую голову именно предметов сырья, предназначенного для военного производства.

Параллельно с нарастающим процессом истощения небольших золотых и валютных ресурсов развивается процесс систематического падения стоимости бумажной лиры. Война требует громадных расходов, а это заставляет усиленно работать печатный станок. Курс лиры упал больше, чем на 40%, а это неизбежно привело к весьма значительному повышению всех цен на внутреннем рынке, к новому значительному понижению реальной заработной платы и жизненного уровня трудящихся. Обнищание и разорение сидящего в нетопленных квартирах из-за отсутствия угля населения увеличивается ежедневно.

Африканская экспедиция была предпринята, главным образом, по соображениям внутреннего порядка. Рост безработицы, крах корпоративной демагогии и углубление экономического кризиса требовали отвлечения внимания от внутренних бед, вынуждали пытаться рассосать безработицу путем мобилизации и отправки войск в Африку и усиливать деятельность военной промышленности. В диалектике развития фашистского режима к лету этого года наступил момент, когда потерпели банкротство все обещания и «программные» установки Муссолини и когда внутреннее поло-

жение грозило достигнуть опасного для режима напряжения. С 1929 г., т. е. с начала мирового экономического кризиса, Муссолини вводил в свою внутреннюю политическую игру все новые и новые рецепты, непригодность которых в более или менее короткий срок полностью доказывалась итальянской действительностью. Блефом оказались обещания разрешить аграрную проблему и наделить миллионы безземельных крестьян площадями осушаемых болот. На осушенных площадях удалось поселить всего 7000 человек. Это предприятие обошлось государству в сотни миллионов лир. Пустой болтовней фашистских руководителей оказались и обещания уменьшить безработицу и улучшить положение трудящихся. Все эти годы число безработных беспрерывно росло, а вместо улучшения материального положения рабочих систематически снижались рабочая неделя и заработная плата, число оплачиваемых в неделю часов дошло до 40, а сейчас объявлена и новая мера, говорящая о дальнейшем понижении платных часов недели. Для успокоения растущего недовольства широких слоев безземельного и нищего крестьянства, для безработных, для разоряемых налоговым прессом и обесцениванием денег мелких буржуа создается легенда о богатых и плодородных краях Абиссинии. Все внутренние трудности и экономические невзгоды могут быть разрешены при завоевании Абиссинии. Итальянская фашистская печать в течение ряда месяцев доказывает наличие в Восточной Африке громадных необработанных плодородных плато, благоприятных климатических условий, естественных залежей золота, угля, железа и благородных металлов. Радужные перспективы экспансии итальянского империализма сочетаются с военно-политической доктриной, систематически проповедываемой Муссолини. Безвыходность положения толкает фашистскую Италию на опаснейшую внешнюю авантюру, и наступает момент превращения в жизнь многолетней пропаганды о величии войны, о справедливости и законности военным путем разрешать споры между народами, о героическом идеале рыцаря-завоевателя, расщипающего огнем и мечом свой путь к колониальной империи.

Последние представления никак не вяжутся с представлениями о глубоко мирном и трудолюбивом итальянском народе. Однако, систематическая военная муштровка, проводимая фашистским режимом, театральность и фразы о непобедимости итальянской нации и привычка вооруженных до зубов чернорубашечников победно маршировать перед безоружным и терроризированным народом укрепляли у фашистских активистов иллюзию их подобия древнеримским героям. Воспитываемая в военном духе молодежь, проводящая весь свой досуг в отрядах за военным учением и маршировкой, выросшая в условиях фашистского режима и не помнящая печального опыта участия итальянской армии в мировой войне, с энтузиазмом восприняла решение Муссолини начать абиссинскую экспедицию. Эта война, выросшая из неразрешимых внутренних трудностей режима, подготовленная систематической кампанией прессы и заявлениями Муссолини (Италия «пойдет

только вперед — и остановиться уже не может»), стала роковой необходимостью, предотвратить которую итальянский фашизм был не в силах из-за риска собственного падения.

Начиная абиссинскую экспедицию, фашизм отсрочивал решение внутренних проблем. Трехмесячный опыт военных действий показал, что расчеты итальянского фашизма были глубоко ошибочны. Как выше указывалось, финансовое напряжение стало непосильным, лишения, которым подвергается итальянский народ, беспрерывно нарастают. Между тем итальянская армия движется черепашьям шагом, никак не может одержать столь нужные режиму победы над врагом. Сообщения вернувшихся из Эритреи очевидцев пестрят подробностями о брожении в итальянских войсках, с которым приходится жестоко бороться, и о потере ими того воинственного духа, который искусственно впрыскивается им до отъезда из Италии. В целях нейтрализации и борьбы с настроениями старого кадрового офицерства Муссолини сменяет генерала от фашизма главнокомандующего в Африке де-Бона. Вместо де-Бона в Африку посылается начальник итальянского генерального штаба старый и заслуженный генерал Бадольо, пользующийся авторитетом среди офицерства и армии и тесно связанный с королевским двором. Удаляя Бадольо в Африку, перелагая на него значительную часть ответственности за военное развитие абиссинской экспедиции, фашистские политики стремятся теснее связать абиссинскую войну с основными кадрами армии и передать им приоритет над многочисленными, посланными в Африку, отрядами чернорубашечников.

Война в Африке стоит Италии чрезвычайного перенапряжения всех сил. Ощущение перенапряжения уже делает фашистских политиков все уступчивее и склоняет их к поискам компромисса. Однако, стремясь к компромиссу, фашистские политики попадают в порочный круг, ибо прекращение войны, возвращение обратно армии и переход страны на мирное положение чреваты не меньшими опасностями для режима.

ДЖ. КАПРАРОЛА

ОЧЕРКИ ПО АБИССИНИИ И ИТАЛЬЯНСКИМ КОЛОНИЯМ

АБИССИНИЯ, КАК ОНА ЕСТЬ

Война фашистской Италии против Абиссинии поставила эту последнюю в центр всеобщего внимания. От хода войны за Абиссинию многое зависит в дальнейшем развитии мировой политики. Ничего удивительного, что и в народных массах СССР колоссально вырос интерес к этой мало известной стране, о которой на русском языке нет ни одного труда, заслуживающего внимания. На иностранных языках хотя и имеется довольно богатая литература об Абиссинии, но нет ни одной сводной работы, которую можно было бы немедленно перевести для нашего читателя. Мы попытаемся дать краткий очерк об Абиссинии, в той мере, в какой это можно сделать на основе самой серьезной исторической и географической литературы. Этот очерк будет, несомненно, страдать многими недостатками не только потому, что мы ограничены местом, но и потому, что **социальные отношения Абиссинии менее всего освещены в буржуазной литературе**, а также и потому, что даже географические сведения об этой стране очень спорны.

Страна тропиков и снежных гор

Споры вызывает даже вопрос о размерах территории этой страны, расположенной в Северо-восточной Африке. 550 тыс. кв. км, говорят одни источники, 1120 тыс. кв. км, говорят другие. Разница большая, почти наполовину, причем спорная «половинка» размером больше Германии. Что касается количества населения, то называются самые различные цифры — от 5 млн. до 15 млн. Путешественники рассказывают о том, что город, существовавший несколько лет тому назад, город, который они видели собственными глазами, через несколько лет исчезает. Вновь назначенный чиновник, губернатор провинции, выбирает себе резиденцию, строит дом, к нему должны являться крестьяне платить подати, за ними тянутся ремесленники, купцы, возникает базар. Но местность оказывается малярийной или климат чересчур холодным, или чересчур жарким, и власть перекочевывает, а за нею и город. Итальянцы во время войны

1896 г. терпели много поражений из-за того, что карты даже местностей, отдаленных от них всего лишь на 100—150 км вдали, как календари. Горы оказывались в самом неожиданном месте, а проходы именно там, где их итальянцы вовсе не рассчитывали найти. Но перейдем к тому, что не подлежит сомнению.

Абиссиния в древние, геологические эпохи была соединена с теперешней Аравией. Она была мостом между Африкой и Азией. Грандиозные вулканические катастрофы разрушили этот мост, оставив только узкий Суэцкий перешеек, который соединял Азию и Африку во все времена, известные нам из древних хроник Египта и Иудеи. Благодаря извержениям вулканов, образовались **громадные цепи гор**. Но природные силы не довольствовались созданием этих горных цепей. Они шли снова и снова на штурм, и эти горы, изрезанные глубокими ущельями и пропастями, теперь представляют не сплошные цепи, а как бы изолированные друг от друга **горные гнезда**, круто поднимающиеся от 3—4 до 5 тыс. м над уровнем моря. Долины между этими горами лежат на высоте 2—3 тыс. м; они изрыты речными руслами, представляющими собою то каменистые дороги, то водные потоки, с ревом сметающие все на своем пути. Эта горная часть Абиссинии, составляющая **собственно Абиссинию**, окружена на северо- и юго-востоке **низменностями**, покрытыми кустарником и колючими растениями. Эти низменности на востоке глубоко врезаются в горные области, как бы широким рвом, в котором находится и ложе реки **Гаваш**. Это — пустыня **Данакиль**, одна из самых диких и неприступных, вследствие адской жары и отсутствия воды. Через нее удалось пройти только двум европейским исследователям. В низменности, лежащей около итальянского Сомали, после сезона тропических дождей свирепствует малярия; вся она кишит насекомыми, отравляющими существование человеку.

Речная система

На востоке Абиссинии в горах берут свое начало реки, в конечном счете доносящие свои воды до **Нила**. Это не только **Голубой Нил**, вытекающий из озера **Тана**, которое сыграет еще свою роль в мировой политике, но и воды реки **Такказе** на севере и воды реки **Собат** на юге. На востоке Абиссинии протекает река **Веби-Шебели**, впадающая в Индийский океан, истоки которой расположены близко от провинции Харар, лежащей между горной и низменной частями Абиссинии. Эта река сыграет в войне большую роль, ибо через ее долину будет идти главная линия связи итальянцев, продвигающихся с юга в центральный район Абиссинии.

Экономика страны

Соответственно этим очень разнообразным географическим условиям, разнообразны и **экономические условия страны**. В низменных районах человек продвигается на верблуде и лошади,

в горах в первую очередь — на **муле**. В горных долинах, в так называемой **полосе винограда**, произрастают **все известные нам злаки**, в жаркой полосе растут все **тропические растения**—**пальмы, оливы**, на южном плоскогорье — **кофейные плантации**, в его долинах — **хлопок**.

В земле, изрытой вулканическими силами, с древних времен находилось **золото**, представлявшее предмет торговли и привлекавшее к себе другие народы. Часть золота, которым располагал древний Египет, происходила из Абиссинии, и многие географы считали, что библейская страна Офир — это именно и есть древняя Абиссиния. Но так ли это было или нет, абиссинское золото привлекало врагов, и многократные **нападения египтян на Абиссинию, несомненно, были связаны с борьбой за золото**. Библейское предание о Савской царице, поехавшей к иудейскому царю Соломону, слава об уме которого дошла до Абиссинии, упоминает о золоте и драгоценных камнях, привезенных ею с собой, чтобы получить взамен от Соломона сына, ставшего, по преданиям, праотцем царствующей теперь династии. Эта легенда указывает на торговые отношения, существовавшие между древней **Иудеей и Абиссинией**, а может быть, и на отношения между завоевателем и покоренной страной. Некоторые толкователи тепершней завоевательной политики Рима объясняют его стремление к захвату Абиссинии уверенностью, что золотые прииски Абиссинии еще очень богаты, что старые методы эксплуатации не исчерпали золотых приисков страны. Книга директора Геологического института при Аахенском политехникуме профессора **Лео фон Цур-Мюлен** свидетельствует о том, что и Германия в последнее время проявляет большой интерес к этим золотым приискам. В Абиссинии существуют **платина, уголь, железная руда**, но масштабы этих ископаемых неизвестны.

Население Абиссинии не умеет пользоваться ее природными богатствами. Господствующий в Абиссинии **класс феодалов**, считающий 200 дней в году праздниками, грабит то, что находится на поверхности, а не развивает производительных сил. Германский агроном, граф **Людвиг Гуйн** дает следующие названия главам, посвященным сельскому хозяйству Абиссинии: «Страна вина без вина». «Скотоводство без племенного скота». Сельское хозяйство Абиссинии находится на очень низком уровне. Главным орудием крестьянина является отчасти примитивная **мотыка**, которой он роет землю, отчасти — **средневековый плуг**. Скот предоставлен сам себе, не пользуется никаким уходом, ищет сам себе пропитание в лесах и на склонах гор. **Кожа**, являющаяся одним из главных предметов вывоза, не подвергается соответственной выделке, на чем страна очень много теряет из года в год. **Кофе** произрастает в полудиком состоянии, оно преимущественно очень плохого качества, хотя в некоторых областях встречается кофе не хуже аравийского.

Живет население **в домах, построенных из хвороста, облепленного глиной**. Это скорее шалаши, чем дома. Только самые круп-

ные феодалы строят себе каменные и деревянные дома. **Городов в стране очень мало.** Кроме столицы **Аддис-Абебы**, имеющей больше 100 тыс. населения, больших городов только несколько. Это — **Харар** с 60 тыс. населения, **Дебра Табор** с 20 тыс. населения, **Джирен** с 20 тыс. населения, **Диредава** с 15 тыс. населения; **Адуа**, которую теперь бомбардируют итальянцы, имеет всего 5 тыс. населения. **Гондар**, являющийся одним из объектов итальянского наступления и расположенный у озера Тана, насчитывает только 3 тыс. населения. Но было бы неправильным представлять эти города какими-то центрами хозяйственной жизни. Они являются или административными центрами провинций, или же пунктами, расположенными на путях, через которые идет торговля.

Размеры **внутренней торговли** очень трудно поддаются учету. **Внешняя торговля**, идущая в основном через железную дорогу Аддис-Абеба — Джибути, т. е. контролируемая полностью или в значительной части французами, достигала в лучшие годы 25 млн. долларов. В вывозе главнейшую роль играют **кофе и кожа**, в ввозе — **текстильные изделия**. Торговля находится в руках **армян, греков и индусов**. Текстиль привозится за последние годы преимущественно из Японии, причем привозятся самые низшие сорта, ибо население лучших покупать не в состоянии. Но в провинциальных городах можно достать шампанское, ибо помещики научились уже ценить этот продукт культуры. **Ремесло**, поскольку речь идет о **предметах роскоши**, о выделке серебряных и золотых предметов, стоит на очень высоком уровне. Что же касается умения строить дома, мосты и дороги, то Абиссиния стоит на очень низком уровне, значительно уступая в этом отношении средневековым строителям европейских городов.

Во власти помещика и церкви

Такое состояние Абиссинии объясняется ее историей и уровнем, на котором задержалось ее историческое развитие. Господствующий в Абиссинии класс (**помещики, чиновники и т. д.**) **принадлежит к семитскому племени амхаров**, пришедшему, по видимому, еще в древние времена из Аравии и захватившему центральный горный район, истребив предварительно туземное хамитское население. Эти кочевники и наездники из Аравии создали те царства, которые воевали позже с Египтом и с Аравией. Перейдя к оседлой жизни, они разделились на **крестьян и помещиков — воинов**. Позже им пришлось отстаивать свое господство в борьбе с пришедшим с юга племенем **галла**. Они покорили его, и оно дает теперь главную массу крепостных крестьян.

В IV столетии нашей эры амхары под влиянием Египта **принимают христианство коптского обряда**. Галла остаются в большинстве своем или «язычниками» (южные галла) или принимают (позже) **магометанство**. Классовая и национальная рознь находит себе и религиозное выражение. Когда, с возникновением воинствующего ислама, в Абиссинию проникают **арабы и турки**, за-

воевавшие Египет, амхарским феодалам приходится очень круто. В XVI столетии возникает на абиссинской территории в **Хараре эмират Ахмеда Грана**, пытавшегося завоевать Абиссинию. Абиссинцы обращаются за помощью к **португальцам**, слава которых, как **завоевателей**, гремит тогда на всем Востоке. Младший брат знаменитого мореплавателя Васко де-Гама, **Христоф де-Гама**, во главе феодальных португальских рыцарей приходит тогда в Абиссинию и возглавляет ее борьбу против ислама. Он **привозит пушки и католических попов**. Коптские попы поднимают феодалов на борьбу с «освободителями», боясь конкуренции более ученых иезуитов, кажущихся им исчадием прогресса и... ада. «Спасителей от ига ислама» удастся выжить, и **Абиссиния застывает** в своем быту, **вдали от мощных волн капиталистического развития, захлестнувших Европу и проникших в прилегающие страны Ближнего Востока**. Непроступные горы, затрудняющие доступ в страну, охраняют ее сон, прерываемый только лязгом копий, ударяющих о щиты, — **феодалы войны** вообще никогда не кончаются, — да монотонным пением коптских попов, молящихся на древнеэфиопском языке **гзз**, которого не понимают даже они, не говоря уже о помещиках, «защитниках христианства», и о крестьянстве.

Народные же массы ведут **жизнь крепостных**, работают на помещиков, объявивших землю своей собственностью, собственностью провинциальных королей, носящих название негусов, и удельных князей — расов. В качестве домашних слуг работают негры — **рабы и рабыни**, которых привозят из военных племен Юга, — или порабощенные крестьяне. Церковь доказывает, что рабство угодно богу, ибо любил же он древних иудейских царей, которые, как рассказывает библия, имели рабов.

Когда гнет становится невыносимым, крестьяне поднимают восстания, выдвигают смелых вождей и пытаются создавать собственные государства. Тогда негусы и расы объединяются, избирают одного из вельмож королем королей — **негуса негусты**, — чтобы его прогнать, когда исчезнет внешняя или внутренняя опасность. Тогда в покоренные области идут **феодалы отряды**, захватывают крестьянскую землю и объявляют ее принадлежащей государю. Но так как государь сам не может досмотреть, чтобы крестьянин на него работал, то он передает земли воинам. Воины не сами пахут, а занимаются охотой, любовью, сбором подарков, а на земле работают крестьяне, платя дань воинам. Те из последних, которые сами занялись сельским хозяйством, строят усадьбы и заставляют крестьян кроме дани, взимаемой с переданной им земли, еще безвозмездно обрабатывать барские угодья. При постоянной феодальной междоусобице, при смене власти расов и негусов растут повинности, растут налоги, растет барщина. Все это **приводит к упадку сельское хозяйство**. **Ремесло** возникает только при дворах крупных феодалов и при **монастырях**, для которых ремесленник производит предметы роскоши. Крестьянин довольствуется своим собственным домаш-

ним трудом. **Монахам** принадлежит значительная часть земли. Где помещик не в состоянии силой заставить крестьянина **служить** себе, там надевают рясу, чтобы помочь мечу крестом.

Попытки объединения Абиссинии

В середине XIX столетия, когда европейский капитал начинает повсюду рыскать в Африке, в Абиссинию попадают его **разведчики** в лице **ученых путешественников и миссионеров**. Они обогатили европейскую литературу рядом капитальных трудов об Абиссинии. Абиссинские феодалы, со своей стороны, узнают от этих путешественников о тех изменениях, которые произошли в Европе. В соседнем **Египте** в конце XVIII столетия побывал **Наполеон**, в середине XIX столетия начались **реформы и строительство в Египте, вокруг Суэца поднялась возня**, из Аравии и Палестины поступали сведения о **поражениях турок**. Все это рождает в голове талантливого абиссинского феодального князя мысль, что и Абиссиния дальше так жить не может. Покорив ряд других феодальных вельмож, он принимает имя **Федора II**, который по старой легенде должен был объединить не только Абиссинию, но и все христианство.

Английские миссионеры, консулы вторгаются в страну, обещают Федору II помощь Англии. Он пишет письма королеве Виктории, но, не получив ответа, глубоко оскорбленный в своих чувствах, сажает в тюрьму английских попов и консулов, подозревая, что все рассказы о возможности создания мощной Абиссинии при помощи английской империи были приманкой, за которой скрывались какие-то опасные для Абиссинии намерения. Быть может, что на это его толкали другие миссионеры и друзья, появлявшиеся уже тогда в Абиссинии то из **Франции**, то из **Италии и Германии**. Великобритания, не добившись освобождения англичан, посылает в 1867 г. из Индии генерала **Нэпира** с 12 тыс. индийских войск. Нэпир, используя вражду провинциальных расов против «**короля королей**», который стремился сломить их самостоятельность, заменяя их зависимыми от себя губернаторами, систематически подготовил свой поход. Опираясь на 30 с лишним тыс. туземцев, с их знанием местности, с их вьючными животными, он пробирался через горы до крепости **Магдала**, разбивает своей артиллерией войска Федора, английскими пушками разносит вдребезги феодальную крепость. Сон «**объединителя христианства**» Федора II был окончен. Он убивает себя и своего сына, чтобы не попасть в руки капиталистических христиан.

Выстрелы у Магдалы разнесли по всей стране весть о силе Британской империи. Но скоро пришли более потрясающие известия. То, о чем мечтали цари Египта, но чего они не могли добиться своими силами, было достигнуто европейским капитализмом. **Суэцкий перешеек был перерезан**, и скоро купцы, попадавшие в гавани **Масауа, Обок**, приходили со сведениями, что в Красном море появились **огнедышащие корабли**. Вслед за ко-

раблями появились на побережье Красного моря **французы, итальянцы** и даже из далекой **России**, сведения о которой доходили в Абиссинию через попов, державших связь с иерусалимскими монастырями, появился пьяный «вольный казак» **Ашимов**. Все они приходили, чтоб захватить абиссинское побережье. По помещичьим усадьбам и феодальным дворам пошел говор, **что дальше так жить нельзя, что приближается буря**. Феодальный князь провинции Шоа, принявший имя **Менелика II**, принимается за объединение **Абиссинии**, чтобы дать отпор нашествию европейского капитализма.

Он сначала лавирует, ему приходится покорить ряд феодальных конкурентов, поэтому он заключает **сделку с итальянцами**, как наименее опасным противником. Он подписывает в Учалли в 1889 г. с ними договор, признающий захват Италией части северо-восточного побережья Красного моря, теперешней итальянской колонии Эритреи. Он получает от них оружие, при помощи которого покоряет феодалов, а также племена, живущие на юге и юго-востоке, ибо он знает, что в противном случае итальянцы, французы, англичане, **отрезавшие Абиссинию своими колониями от моря**, подчинят себе эти племена и с узкой береговой полосы у Красного моря и Индийского океана проберутся вглубь, подойдут к самому плоскогорью, к старым провинциям **Шоа, Амхара, Годжам, Тигре, Харар** и подготовят вторжение в Абиссинское плоскогорье, в старую область Хабеш. Когда итальянцы пытались «не точно» перевести амхарский текст договора в **Учалли** и истолковать этот договор, как установление над всей Абиссинией итальянского протектората, **Менелик берется за оружие, предоставленное ему самими итальянцами**, и в ряде сражений наносит им поражения, увенчавшиеся **разгромом итальянских войск генерала Баттьери в марте 1896 г. под Адуей**.

Вся Абиссиния торжествует. Европейские капиталисты, которые смотрели на абиссинцев сверху вниз, как на дикарей, негров, — а для амхарского дворянина нет ничего обиднее, как быть зачисленным в негры, — оказались не так сильны, как можно было думать. Хотя день победы над итальянцами становится национальным праздником, умный **Менелик знает слабость Абиссинии**, знает, что единство, продемонстрированное под Адуей, может не повториться, ибо феодалы покорились ему не добровольно. Поэтому он не пытается до конца использовать победу и сбросить разбитые итальянские войска в море. Он заключает мир с Италией, добившись только признания независимости Абиссинии. Он пытается **выиграть время, освоиться с обстановкой и найти средства для усиления независимости страны под руководством своим и феодального амхарского дворянства**. Менелик был человеком большой сообразительности, большого умения ориентироваться.

От иностранцев, приезжающих к нему в погоне за концессиями и с предложениями помощи, он узнает о распрях, существующих между великими державами. Он посылает **сыновей своей знати** на разведку **во все европейские страны**. Даже в России они учатся

в военных школах. Он нанимает себе советников — **швейцарцев**, он приближает к себе **немцев**, ибо внимание его привлекла молодая мощная империалистическая держава, которая, борясь «за место под солнцем», может стать союзником против тех великих держав, которые его окружают со всех сторон. **Больше всего он боится Великобритании**, владения которой — Египет, Судан, Кения и Уганда — окружили Абиссинию с юга и юго-востока. В переговорах с представителями этой великой державы он узнает о **значении озера Тана**; он сознает, что воды этого озера, орошающие земли Судана и Египта, могут стать причиной завоевания Абиссинии. Франция интригует и против Англии и против Италии. Поэтому он дает французам концессию на постройку **железной дороги** длиной в 763 км из гавани Джибути до столицы Абиссинии. Но он оттягивает постройку всякого километра пути на абиссинской территории, боясь, что на этой дороге когда-нибудь появятся войска европейского империализма, если сговорятся французские, английские и итальянские хищники. (Постройка дороги была окончена только в 1916 г.).

Когда Англия и Франция после урегулирования спора о Египте начали сближаться друг с другом, Менелик под сурдинку ведет переговоры с Россией и Германией, ища у них опоры. Но как бы энергичен и умен ни был Менелик, из шкуры своей он выскочить не мог. А если бы даже захотел, ему бы не позволил этого класс, к которому он принадлежал. Вопросы о **раскрепощении крестьянства Менелик не поставил**, хотя это был единственный путь к самостоятельному развитию производительных сил страны и к **увеличению ее силы отпора империализму**. Менелик умер в 1913 г., перед самой войной. С ним ушел основоположник **политики создания абсолютной монархии на основе феодализма, монархии, приспособляющейся к капитализму, но не перешедшей окончательно на капиталистические рельсы**.

Час испытания

Три года феодальная Абиссиния скрывала от всего мира смерть Менелика, чтобы не дать империалистским державам возможности использовать отсутствие великого императора и не допустить развязывания центробежных сил, представленных мощными феодальными вельможами. Но силы, которые покорил на время Менелик, группируясь то вокруг жены его, игравшей роль регентши, то вокруг дочери, севшей на престол, то за спиной легкомысленного его внука Ли Ятсу, хотевшего зажить жизнью древнего феодального рыцаря — забияки и трубадура, подрывали дело Менелика. Но уже рос его заместитель, пытавшийся продолжить его дело. Молодой сын харарского раса, сотрудника Менелика, **рас Таффари Маконен** олицетворял тенденции, нашедшие впервые выражение в деятельности Менелика.

Без шума, тихо он прибирал власть к рукам, противодействуя стремлению легкомысленного внука Менелика, императора Ли

Лтсу, впутаться в мировую войну и противодействуя центробежным феодальным силам.

Война кончилась. Абиссиния уцелела, но рас Таффари Маконен знал, что **приближается буря**.

Итальянцы не получили в Версале никаких колоний, — значит, они будут пытаться съесть Абиссинию. Англичане захватили **Судан, расширяют хлопковые плантации**, — значит, озеро Тана будет представлять для них все больший интерес. Рас Таффари Маконен изучил французский язык, читает европейскую политическую литературу, посылает уже **сотни абиссинцев в европейские школы**. Он сам отправляется в Европу, добивается принятия **Абиссинии в Лигу наций**, чтобы затруднить возможность захвата своей страны. Он обещает устранить рабство, провести реформы в стране, хотя великолепно понимает, что этому будут сопротивляться церковь и феодалы. Этот человек с меланхолическим лицом обладает недюжинным умом и знанием света. Он понимает, что если он серьезно возьмется за борьбу с феодализмом, то падет жертвой сделки империализма с феодальными вельможами, в роде годжамского раса **Хайлю**, который на спинах своих крепостных доставил разобранную на части яхту с Красного моря до озера Тана (расстояние свыше 500 км!). Рас Хайлю не откажется от крепостных и рабов, сколько бы он ни разыгрывал европейца на своих кутежах в Южной Франции. Рас Таффари Маконен пытается при **данном социальном строе** усилить мощь Абиссинии. Став императором под именем **Хайле Селасси**, он создает **центральное управление, министерства, привлекает на руководящие посты людей из крестьянства, из мелких помещиков**, обязанных ему всем. Он пытается привести в порядок **налоговую систему**, ограничить свободу провинциальных феодалов, заменяя их чиновниками. Чтобы создать **кадры своих прогрессивных чиновников**, он создает **школы**, в которых обучаются уже не только дворянские дети. Он организует **королевскую гвардию** в 15 тыс. человек, которую обучают иностранные инструктора, чтобы не пасть жертвой лихого налета недовольных феодалов. Он пытается создать **регулярную армию**, которую можно было бы послать в наиболее угрожаемые пункты. Но он знает, что может нехватить времени для создания ее в **крупном масштабе**. Поэтому Хайле Селасси пытается поднять и феодальное провинциальное ополчение, реформировать его. Он создает **провинциальные продовольственные магазины**, чтобы не зависеть от снабжения, находящегося в руках каждого отдельного помещичьего начальника провинциального отряда. Он строит телеграфную сеть в 3 тыс. км, радиостанции, покупает аэропланы. Он строит **патронный завод**, чтобы на худой конец иметь хотя бы возможность защищаться с помощью винтовок. И когда приезжают лигонационные комиссии, чтобы обследовать, сделал ли император Хайле Селасси **революцию** в своей стране, он меланхолически улыбается, указывает им на изданные законы, на школы, в которых несколько сот детей рабов поют заученную песню: «Мы уже больше не рабы».

Он указывает на здание «парламента», в котором он единственный произносит речи о прогрессе, он улыбаётся меланхолически и надеется, что ему все-таки, даже с горбом **феодалного наследства**, удастся защитить страну благодаря драке между империалистскими державами и той толике силы, которую удалось создать вопреки всем капиталистическим цивилизаторам.

Час испытания пробил. **Итальянский империализм схватил Абиссинию за горло. Крепостные крестьяне пошли в бой под руководством своих помещиков и той горсточки представителей «молодой Эфиопии», которая хочет вывести Абиссинию на новые пути.** Если абиссинские народные массы в этом бою не проявят чудес смелости, выдержанности, единства, то империалистские державы так или иначе могут эту войну окончить **сделкой с итальянским империализмом**, даже если он не победит Абиссинию. Только **собственная сила Абиссинии** в состоянии защитить ее независимость, если события не развяжут в Европе тех сил, которые единственно способны охранить колониальные народы от порабощения и помочь им освободиться от крепостного ига и остатков рабства. Во всяком случае, война фашистской Италии против Абиссинии не будет простым колониальным походом. Она развязывает для этого чересчур большие противоречия и в Европе и в Африке.

Следя из далекого СССР за этой войной, мы желаем абиссинским народным массам не только того, чтобы они не попали в колониальное рабство, но и того, чтобы в этом великом историческом испытании пали цепи крепостничества и внутреннего рабства, которые влачат на руках и ногах труженики Абиссинии.

КАРЛ РАДЕК

«Известия» от 6/X-35 г. № 234.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АБИССИНИИ¹

I. От Джибути до Аддис-Абебы

Яркозеленый паровоз с десятком дребезжащих и прыгающих на стыках рельсов вагонов идет на юго-запад.

В нескольких десятках километров от Джибути в вагон входят французские таможенники и объявляют:

— Оружие сдать. Драгоценности рекомендуем оставить на хранение. Не желаете ли вы, мсье, воспользоваться таможенным сейфом?

¹ Автор этого очерка т. В. Санчов в 1933 г. в качестве сотрудника Советфлота ездил по портам Красного моря. Вследствие болезни т. Санчов задержался в Джибути, где ждал следующего парохода. Воспользовавшись предоставившейся возможностью, он совершил путешествие по Абиссинии. Настоящие очерки являются его переработанными путевыми заметками.

Но желающих не оказывается. Таможенники выходят, и минут через двадцать паровоз, пыхтя, проезжает мимо пограничного столба с трехязычной надписью — по-английски, французски и амхарски: «ЭФИОПИЯ».

Эфиопия! Я перелистываю мысленно страницы старого школьного учебника географии.

...Последнее независимое туземное государство в Восточной Африке. Граничит с севера с итальянской колонией Эритреей, с запада — с англо-египетским Суданом, с юга — с британской колонией Кенией и итальянским Сомали, с востока — с британским и французским Сомали. Около миллиона квадратных километров площади, двенадцати миллионов населения. Кофе, хлопок, пшеница...

Мы в Абиссинии — «стране черных». Поезд замедляет ход, но не останавливается, и в вагоны на-ходу прыгают абиссинские пограничные чиновники. Они курчавоволосы, черны и стройны. На головах у них фуражки с кожаными козырьками и голубой лентой. Белые плащи их распахнуты: видны рубашки и туго стягивающие мускулистые ноги холщевые штаны.

Они заглядывают в купе. Глаза их с профессиональной быстротой шарят по сеткам для вещей и задерживаются на больших чемоданах. Знаками и гортанными выкриками они предлагают раскрыть чемоданы, но в багаже не роятся и с теми же выкриками бегут дальше. У них уже наметан глаз: они знают, что и у кого искать. Не доезжая Мордале, они на-ходу выпрыгивают из вагонов.

Мы едем по равнине. Африканское солнце выжгло ее и сделало бесплодной. Светлосерая потрескавшаяся земля, пыльная и унылая расстилается за окнами вагонов. Редкие камни желтеют крохотными пятнышками, как веснушки на лице, и не отбрасывают тени. Тени здесь совершенно нет, даже поезд не преследует надоевшая в Европе тень. Солнце высоко в зените и печет нещадно. Губы запекаются, и глоток воды кажется неоценимым благом.

Равнина внезапно обрывается. Будто из-под земли вырастает громаднейшая, совершенно отвесная гора, точно стена, воздвигнутая человеческими руками.

Мы в древней стране Хабеш, в стране царицы Савской, пришедшей с дарами к иудейскому царю Соломону в Иерусалим и вернувшейся от него, как повествует амхарская легенда, беременной. Это путешествие дало жизнь Менелику-Давиду — родоначальнику абиссинской династии, — говорит легенда. Таково родословное дерево негусов: от Соломона мудрого до нынешнего правителя страны Хабеш — Хайле Селасси, именующегося по этому в числе прочих титулов и «непобедимым львом Иудей»...

К вечеру стены гор начинают уступами снижаться, и, когдамотришь назад, видишь, что вся страна — это нечто в роде крепости на скале, которая с запада подымается постепенно в виде широких уступов-террас, а с востока обрывается внезапно и отвесно.

Г
И
-
Т
И
Й

ро
я,
из

на
де
и
и-
ак
ой

тя

де-
ин-
ше,

ис-

Он
кой

кре-
ле-

ших

Нет

на

тро-
они-
е от

Дача. Бібліотека
Т. А. М. У. Р. С. Р.

Сумерки наступают мгновенно, и поезд останавливается на ночевку. Ночью здесь поезда не ходят. Кондуктор поясняет:

— Ночью надо спать, а не ездить. Машинист пошел спать.

Пассажиры тоже расположились на ночлег. Жар спадает. Веет прохладой, которая постепенно переходит в холод, сырой и злобный, пронизывающий до костей. Пассажиры напяливают на себя все, что у них есть.

Толстый абиссинец в нашем купе развязывает свой узел и достает одеяло и несколько плащей-джамма, которые здесь носят на манер арабских бурнусов. Он тщательно кутается в белые и черные джамма и поверх всего этого в одеяло из верблюжьей шерсти.

Рассвет здесь такой же молниеносный, как и сумерки; утро появляется внезапно. В вагоне темно, и вдруг все проясняется, точно мы ехали в длинном сыром туннеле и сейчас выехали из него. Первые лучи солнца окрашивают все в красный цвет.

Поезд трогается.

Утром мы проезжаем единственную большую станцию на пути — Диредава и приближаемся к Центральной Абиссинии, где местность прорезают многочисленные, необыкновенно глубокие и своеобразно извивающиеся долины рек, а между ними неисчислимы плоские возвышенности кажутся островами, то голыми, как пустыня в первые часы пути, то густо поросшими тропической растительностью.

Солнце окончательно донимает. В вагоне нечем дышать, хотя окна раскрыты с обеих сторон.

Молодая женщина-европейка выходит на площадку, раздевается, и двое черных слуг поливают ее водой из ведра. Абиссинский душ! Освежившись, она одевается и возвращается в купе, чтобы через час повторить прогулку на площадку.

Это жена секретаря редакции французской газеты в Аддис-Абебе «Курье д'Этиопи».

Против меня сидит мелиоратор-фламандец Ван-Линквис. Он возвращается из отпуска на хлопковую плантацию бельгийской концессии в Годжаме.

— Мы стесняем ее, — говорит Ван-Линквис, когда жена секретаря редакции выходит принимать душ. — Не будь нас, она лежала бы тут голышом, а слуги поливали ее водой..

— А эти? — кивнул я на несколько абиссинцев, сидевших в нашем купе.

— Черных здесь не стесняются, — отозвался фламандец. — Нет такого обычая.

Целый день мы едем по нагорной стране, останавливаясь на мелких станциях. Ночь застает нас в пути.

За несколько минут до наступления темноты в мгновенных тропических сумерках мы успеваем увидеть крааль¹ и людей. Конические хижины из ветвей — туккулы, ничем не защищенные от

¹ Деревня.

ветров и дождей, толпятся у чахлого оазиса, десятки фигурок черных и белых суетятся вокруг хижины.

— Это Метяхара, — узнает жена секретаря редакции. — А вот, видите там, вдали, дом? — она указывает рукой на густую растительность, из-за которой бледнеет голубая крыша. — Там мы жили...

Из дальнейшего выясняется, что мадам Жарнейль — почти урожденная абиссинка. Ее отец в 1907 г., когда ей было всего несколько месяцев, приехал из Тулона в Абиссинию и стал главным оружейником негуса Менелика II.

— Мы жили в Метяхаре 17 лет, — рассказывает жена секретаря редакции, — до «большого эдикта» в 1924 г., когда пришлось распустить всех слуг. Тогда поневоле переехали в Аддис-Абебу.

«Большим эдиктом» в Абиссинии называют декрет о постепенной отмене рабства и пресечении работорговли. В этом декрете рас Таффари Маконен, нынешний негус Хайле Селасси, ввел смертную казнь за работорговлю и увод людей в рабство.

— У нас было 97 слуг, — призналась мадам Жарнейль, — и когда их пришлось отпустить, некому было обрабатывать наши сады с апельсинами и дынным деревом. Осталось одно: отдать землю в аренду, а самим, подобно большинству чиновников, переселиться в столицу.

На третий день унылый, пустынный пейзаж резко меняется. Мы выехали из пределов кволлы — «жаркой страны». Появляется зелень, пышная, иссиня-зеленая. Финиковые пальмы широко развесили свои кроны, и голые мальчишки карабкаются по ровным, как отесанный столб, стволам.

По обеим сторонам железнодорожного пути расстилаются возделанные поля. Пшеница. Но не наша пшеница. Фиолетовая, почти черная, будто окрашенная. По календарю — конец февраля, а пшеница шелестит налитыми колосьями. Здесь урожай снимают три раза в год. Крохотные обработанные участки и масса пустующей земли. Здесь каждый крестьянин возделывает земли ровно столько, сколько ему надо, чтобы прокормить семью.

Впрочем эта «сельская идиллия» встречается только в этом районе, где освобожденные от рабства крестьяне получили в аренду землю, оставленную владельцами.

На северо-западе, юго-западе и юге, где феодалы сосредоточили в своих руках громадные земельные площади и где французские, бельгийские и японские концессионеры возделывают кофе и хлопок, процветает крупное товарное хозяйство, применяющее значительное количество рабочей силы, и абиссинцы работают на плантациях в качестве батраков.

Узенькие, быстрые речушки, как каналы, прорезают поля. Но это не каналы, не среднеазиатские арыки. Это — реки. Сейчас они хотя и быстры, но маловодны. Через месяц, когда начнутся дожди, они морем разольются по полям, затопят поля и краали.

Подъезжаем к станции Дукхам. В вагоне появляется кондуктор, он прощелкивает билеты и объявляет:

— Мсье, сейчас конечная остановка. Приготовьтесь, — и поезд подъезжает к нынешней столице страны Хабеш — Аддис-Абебе.

Вокзал на холме, и с перрона видна вся столица. Круглый базар — центр города, и радиусом вокруг него несколько неправильных колец. Это улицы. Среди конических туккулов с черными перекрытиями из ветвей кое-где вкраплены белые плечи площадей, островерхие вышки церквей и куполообразные крыши десятка каменных зданий: императорского дворца, таможни, посольств, типографии, электростанции, тюрьмы, музея (в роскошном с колоннами здании бывшей императорской российской миссии) и арсенала. С южной и восточной сторон город окружают остатки крепостной стены, валы и рвы, а за чертой города, в зеленой роще баобабов и бумагоносных деревьев — развалины древнего храма коптов, громадный городской парк.

Носильщики с ослами назойливо предлагают свои услуги. Они усаживают пассажиров в седло, а сами с багажом на плечах бегут рядом. Носильщики — рослые нубийские негры со сверкающей черной, как полированное дерево, кожей.

Оседланные ослы предлагаются только европейцам. Абиссинец никогда на осла не сядет, так как на ослах возят лишь осужденных и больных проказой. Уважающий себя абиссинец ездит только на конях или, в крайнем случае, на мулах и только грузы возит на спинах выносливого осла.

Проезжаем мимо одного из базаров. Здесь каждая площадь — базар, а площадей много: они стихийно возникают, когда неосторожная искра воспламеняет и уничтожает несколько кварталов, и так же быстро исчезают, когда погорельцы на другой площади строят новые туккулы. Погорелец никогда не построит своей хижины на том месте, где он погорел. Он переходит туда, где погорел другой. Так происходит переселение.

Только фалаши (абиссинские евреи) закрыты в своем квартале. Они бесправны, как в старом Марокко и Тунисе, и не смеют селиться за пределами фалашского квартала. Среди фалашей есть крупные богачи-коммерсанты, сосредоточившие в своих руках значительную часть внешней торговли страны, и ювелиры. Но и они бесправны. Фалашка, вышедшая замуж за абиссинца, должна уходить ночевать в фалашский квартал.

Укутанные от солнечного жара в джамма, абиссинцы медленно снуют по базару. Здесь, как и вообще на востоке, торговля — не дело, а развлечение. Праздные люди ходят из одной лавки в другую, осматривают и щупают товары, прицениваются, торгуются, пьют горький кофе, предложенный торговцем, и с тихим: «Нек» (не надо) идут дальше.

Нищие, которых в Аддис-Абебе почти треть населения, безрукие, изъязвленные, слепые хватают прохожих за полы джамма и скулят разноголосым хором:

— Мехалик! Мехалик! Мехалик!¹

¹ Мехалик — мелкая разменная монета.

Но вот все разбегаются, жмутся к стенам домов и лавок. С гортанным криком мчится на муле вестовой и размахивает длинным бичом, щедро награждая неловких, не успевших очистить дорогу.

Вслед за верховым, четко отбивая шаг, идет воинский отряд. Впереди офицер в форме, напоминающей английскую колониальную, затянутый в ремни и с многочисленными орденами, медалями и значками. На ряду с последней парижской модой — эмалированной женской ножкой — вздрагивает на его груди бронзовая медаль, выбитая в честь физика и химика Бертело (к 100-летию со дня рождения в 1927 г.), и топорщится черный кайзеровский железный крест, приобретенный по случаю в лавке старьевщика.

За офицером — солдаты. Они идут рядами по три человека. На них синие германские мундиры (Германия экспортировала после войны несколько миллионов мундиров в Африку и Южную Америку) и белые холщевые штаны, завязанные шнурками у щиколоток. Обуви нет. На плече на ремнях торчат винтовки с примкнутыми штыками. Головы не покрыты. Они идут в строю, но это не мешает им разговаривать и перекидываться замечаниями с толпой.

Отряд прошел. Носильщик ведет моего осла к гостинице. Но по пути мы еще проходим квартал ремесленников. Прямо на улице перед домами кузнецы выковывают какие-то мудреные изделия, оружейники воронят ружья, бочары сбивают кленку. У каждого ремесленника двое-трое подручных. Этим некогда шататься по базарам. За 6—8 таллари¹ в месяц они работают 14 часов в сутки: от рассвета до сумерек, им некогда ни поест, ни приесть. Это родоначальники абиссинского пролетариата.

II. Озеро раздора

Путь от Аддис-Абебы к озеру Тана ведет сперва по густо населенной местности. По обеим сторонам дороги раскинулись пшеничные поля: они расстилаются пестрым ковром, точно сшитым из цветных лоскутьев. Каждый земледелец засекает другой сорт пшеницы, да и у одного и того же крестьянина семена разных сортов перемешиваются. В результате пшеничное поле — это черные, фиолетовые, темносиние и ярколиловые клочки, переплетающиеся между собою в неожиданных и неповторяющихся сочетаниях.

Иногда внезапно поля прорезает кровавая полоса, напоминающая пятна на полу скотобойни. Это знаменитый абиссинский ячмень, необычайно скороспелый, не подвергающийся болезням растительного мира, с крупным и тяжелым зерном и крепкой неполегающей соломой. Он — кумачевого цвета, и издали ячменное поле кажется распростертым на земле красным полотнищем.

¹ Таллари, или талер — серебряная монета весом в 28 граммов, ценность которой колеблется от 70 коп. до 90 коп., в зависимости от курса серебра.

Окраска абиссинских пшеницы и ячменя зависит от особого красящего вещества — пигмента антоциана; он окрашивает колос и проникает в глубь зерна. Молодые всходы — грязноватого цвета, а при созревании под влиянием прямых солнечных лучей пигмент проступает наружу и окрашивает зерно.

Среди полей внезапно вырастают краали — несколько десятков конических хижин из ветвей, обнесенных полуразвалившейся каменной стеной. Это остатки старинной крепости. Такими стенами окружал себя когда-то каждый крааль для защиты от набегов разбойничавших соседей. Теперь стены уже развалились, в бойницах птицы свили себе гнезда, а на валах, поросших сочной травой, пасутся горбатые коровы и козы.

Разбойничье ремесло стало сейчас малоодоходным. Отечественная и иностранная буржуазия опутала абиссинское крестьянство сетью кабальных сделок и беззастенчивой эксплуатацией довела его до разорения, ограбив крестьян без романтических набегов. Разбойничьим шайкам после буржуазно-феодальной системы эксплуатации крестьян вряд ли что-либо может достаться. Поэтому разваливаются старые крепостные стены, обрастают травой бойницы: от капиталистического организованного разбоя эти крепости не спасают.

Все время, пока караван проходит по нагорной части Абиссинии — война-дега, ландшафт не изменяется. Сотни краалей мелькают по сторонам, розоватые фламинго — кривоносые египетские цапли — стаями летают в облаках, а на закате солнца где-то вдали протяжно завывают шакалы.

Но несколько дней пути — и кончается благодатная война-дега. Проводник каравана, седобородый араб в белоснежном бурнусе Али-абд-Макуф предупреждает:

— Теперь — внимание! Дорога очень опасна.

Мы в последний раз располагаемся на ночлег у крепостной стены придорожного крааля, и местные женщины приносят молоко и ячменные лепешки. Здесь денег не берут. В этих отдаленных местах разменная монета — соль. Али-абд-Макуф достает из тюка ровные плиточки соли, потерявшей свой белый цвет от прикосновения сотен рук, и расплачивается. Мы берем в запас треугольные глыбы кислого сыра: до соседнего крааля нам не скоро добраться.

Утром пускаемся в путь.

Дорога в долине резко изменилась. Мы шли по извилистым тропинкам, верблюды и лошади то по колени утопали в болоте, то вдруг выходили на каменистую почву. Пшеница и ячмень исчезли. Всюду, насколько хватал вооруженный «цейсом» глаз, расстилалась пустыня, утыканная холмами, редкими кустарниками и одинокими деревьями. Изредка попадались водоемы. Но воду эту пить нельзя. Она покрылась густой плесенью и воняла. На горизонте вырисовывалась черная полоса.

— Это девственные леса, — объяснил мне мой спутник бельгийский мелиоратор Ван-Линквис. Он направлялся к озеру Тага, где на бельгийской хлопковой концессии работал над проведением

оросительной системы. — Там мы можем встретиться со стадом диких слонов, и тогда я на нашу жизнь не поставлю и франка. Мой сотрудник в прошлом году погиб при такой малопривлекательной встрече...

На следующий день мы вступили в тропическую зону. Девственные леса я представлял себе совсем иными. Я ожидал увидеть густые, переплетенные лианами дебри, сквозь которые надо прорубать себе дорогу. Я думал, что на деревьях прыгают сотни обезьян, а с ветвей вместе с лианами свешиваются громадные змеи с раздвоенным жалом. Так по крайней мере описывали девственные леса Майн-Рид и Густав Эмар.

Вместо этого мы вошли в низкорослый лес с протоптанной тропинкой. Никаких лиан, никаких обезьян, но ужасная духота и запахи, доводящие до головокружения. Где же здесь непроходимость? Где тут подстерегают опасности?

Вскоре я понял свою ошибку. Али-абд-Макуф часто сворачивал с тропинки и обходил ее стороной, продираясь сквозь кустарник, и когда я один раз попытался не свернуть за караваном вслед, а пойти по тропинке, лошадь моя через несколько десятков шагов оказалась по грудь в илистой трясине, затягивавшей ее вглубь. На мой крик прискакал Ван-Линквис с погонщиками, и с большим трудом, при помощи канатов, они вытащили коня из болота. Я уже успел по пояс погрузиться в засасывающую трясиину. Эти природные западни делали путешествие без опытного проводника чрезвычайно опасным. Больше я уже ни на шаг не сворачивал с пути каравана. Таковы знаменитые Чоменские болота.

Наконец, мы вышли из долины и стали взбираться на горы. Повеяло прохладой, и ослепительно яркий свет резал глаза, успешные привыкнуть к полумраку. Вдали снова расстилались пестрые поля и зеленели луга. Верблюды быстрее зашагали, а лошади беспрерывно жрали, чуя близко воду.

И действительно, уже к вечеру мы сделали привал у речки, которая, как уверял Али-абд-Макуф, вытекала из озера Тана. Но лишь на другой день мы достигли реки Абай, как в пределах Абиссинии называется Голубой Нил.

Снова по бокам дороги поля и многочисленные крааи. Но пшеницу и ячмень здесь вытесняют хлопок и тафф — злак, произрастающий только в этих местах. Мучнистые зерна его дают питательный и вкусный хлеб, чуть-чуть сладковатый и отдающий запахом аниса; длинная солома его и кинжаловидные листья превращаются в мягкое питательное сено.

Население этого района — преимущественно фалаши, занимающиеся земледелием.

Мы шли берегом Абая и пришли к озеру Тана. Путешественники считают окрестности озера самым живописным уголком земного шара, и если бы не трудности достижения его, оно стало бы излюбленным местом для туристов.

Озеро Тана, или Дембеа, как его называют в Африке, занимает 3630 кв. км и расположено в северо-западной части Абиссинии,

вблизи границ англо-египетского Судана. Отсюда берет начало река Голубой Нил, питающая хлопковые плантации Судана и Египта. Этот момент, казалось бы, на первый взгляд не играющий особой роли, превращает озеро запахов (Дембеа на вемстном наречии — запах) в озеро раздора.

Воды озера Тана представляют собою центральную хозяйственную проблему как для Абиссинии, так и для Судана и Египта. В Судане английские хлопководы стремятся создать новый мировой центр хлопководства, который избавил бы Англию от американской хлопковой гегемонии. Интересы Англии сводятся поэтому к использованию вод озера Тана. От различных вариантов регулирования вод озера Тана зависит будущее как Судана, так и Абиссинии. Воду можно отвести или в Судан или в северо-западную часть Абиссинии. Тот, кто контролирует плотины озера Тана, может по своему усмотрению лишить воды либо английских хлопководов, либо абиссинские хозяйства.

В 1902 г. Англия заключила с Абиссинией договор, по которому последняя обязалась не возводить без разрешения Англии никаких плотин на озере Тана.

Несколько попыток Абиссинии построить плотины поэтому лопнули.

Али-абд-Макуф на последнем привале рассказал один из эпизодов борьбы за плотину на озере Тана.

Группа французских инженеров по поручению негуса приступила к постройке плотины в 1930 г. Целый год рылись котлованы, каналы, воздвигалась насыпь. Несколько сот рабочих с рассвета до ночи работали над сооружением. Сотня солдат бессменно охраняла места работы от возможных покушений.

И вдруг совершенно внезапно в течение одной ночи пропала вся многомесячная работа.

Темной ночью часовые, стоявшие на посту у главного вала, вдруг увидели вынырнувшие из тьмы скелеты. Их было десять или пятнадцать. Это было жуткое зрелище: скелеты скалили зубы, потрясали костяшками, плясали, содрогая ребрами, и все ближе и ближе придвигались к часовым.

В слепом ужасе часовые бросили винтовки и побежали в поселок, будоража воплями спящих рабочих. Мигом ожил поселок. Рабочие кинулись к валу, и их глазам представилось леденящее кровь зрелище: на черном фоне ночи явственно выделялись белые позвонки и оскаленные черепа с проваленными глазницами. Скелеты плясали и угрожающе размахивали руками.

Паника охватила рабочих. Они кипуче кинулись в поселок, и вдогонку им раздался гул взрыва. Вал взлетел в воздух, и сотни тонн земли засыпали котлованы и каналы.

Рабочие бежали со строительства. Утром один из инженеров обнаружил у места взрыва труп засыпанного землей негра. На теле его были нарисованы фосфором ребра, лицо его было покрыто фосфорной маской, и в ночном мраке он легко мог сойти за скелет.

Маскарад был раскрыт. Узнали и «режиссеров» ночной постановки: они пришли из Судана. Но это делу не помогло. Рабочие покинули строительство, и дурная слава плотины пляшущих скелетов навсегда лишила возможности вербовать сюда рабочих.

Строительство прекратилось. Суданские хлопководы добились своего.

Водами озера Тана орошаются громадные французские, бельгийские и японские хлопковые концессии и плантации абиссинских феодалов. Немного южнее озера Тана земля целиком принадлежит феодалам и концессионерам, и абиссинцы (преимущественно фалаши и негры племен галла и массаи) обрабатывают землю и собирают хлопок. Вместо оплаты они получают в пользование клочок земли, на котором сеют пшеницу и тафф, чтобы себя прокормить. Это и есть натуральная оплата труда на плантациях северо-запада Абиссинии.

Эта «натуральная» система оплаты труда по существу ничем не отличается от настоящего крепостничества.

Впрочем, такая система порабощения батрачества существует не только в Абиссинии. И в бельгийском Конго и в итальянской Эритрее можно сплошь и рядом видеть такое же или даже худшее закабаление туземцев.

По абиссинским законам, каждый земледелец должен одну четверть своего урожая сдавать государству. В действительности сборщики налогов, являясь полновластными хозяевами положения, отбирают половину урожая и больше. Это обрекает крестьян на голод, и, чтобы спасти семью, абиссинцы отдают своих сыновей в рекруты в местные (провинциальные) войска. В семьях, в которых нет сыновей, крестьяне вынуждены посылать своих дочерей в соседние Судан или итальянскую Эритрею в публичные дома для колониальных войск.

Европейцы на плантациях насчитываются единицами: это преимущественно инженеры и техники, работающие по сооружению плотин и по мелиорации, большинство их — бельгийцы, чаще всего бывшие чиновники бельгийского Конго. По каким-либо причинам уехавшие из Конго раньше истечения срока контракта и числящиеся «в бегах», они не могут вернуться на родину и устраиваются в Абиссинии, очень охотно принимающей европейских специалистов.

Таким путем таможни, почта, телеграф, радио, дорожное строительство и немногочисленные промышленные предприятия находятся под руководством европейских советников — бельгийцев, французов, итальянцев, шведов и англичан. Встречаются здесь и русские. Это рассеявшиеся по всему миру остатки разгромленной армии Врангеля.

...На бельгийской хлопковой концессии Ван-Линквис устраивает меня в своем «особняке» — просторной палатке из двух отделений-комнат. Раны Ван-Линквиса начинают заживать, но лицо его обезображено навсегда. Шкуру дикой кошки он дал выделывать и собирается повесить над своей кроватью.

Мы осматривали плантации. Обнаженные мужчины и женщины рыли длинные водостоки, нечто в роде среднеазиатских арыков. Заступами они отбивали землю и в кожаных мешках относили ее за двести шагов. Надсмотрщик-араб с бичом из крокодиловой кожи в руке наблюдал за работающими, и бич его часто опускался на склоненные спины. При этом он цедил сквозь зубы:

— Ахтык! (дармод).

«Дармодеды» молча рыли канаву. Они работали с восхода и почти до заката солнца по 12—14 часов, а затем спешили на свои участки. Ведь вся их заработная плата зависела от клочка земли, который «в свободное время» они должны были возделывать и собрать с него урожай.

А за спинами их голубело прозрачное и безбрежное озеро запахов, озеро раздора. Но оно не манило их, не звало к бегству от тяжелой жизни. Они знали, что и за рубежами Абиссинии их ждет такая же, если не худшая, доля.

III. Город белых башен

От Гондара до Аксума по прямой линии 240 км — расстояние, которое поезд в Европе проходит в 5—6 часов. Но за двенадцать дней караванных путей в дебрях Западной Абиссинии можно забыть о существовании железной дороги. Здесь даже удобный экипаж является недостижимой мечтой.

Гондар мы покидаем на рассвете. Красивые кони уносят нас по широкой дороге среди причудливых холмов. Гондар остается позади — одна из бесчисленных бывших столиц, потерявшая свое значение. Деревня с двумя тысячами ветвистых хижин, обмазанных черной, свидетельствующей о наличии угля, глиной. Старый, утопающий в зелени коптский храм и деревянная католическая церковь, построенная еще португальцами, — вот все, что собой представляет Гондар.

Асмач¹ Губала-Каза, мой новый спутник и покровитель, великолепно владеет европейскими языками. Его отец был министром при дворе Менелика II, а он сам окончил военную школу во Франции и несколько лет стажировал во французском колониальном полку в Маракеше. Во рту у него золотые коронки, в походной сумке томик изощренных стихов французского поэта Бодлера — «Цветы зла», а через плечо перекинут ремень щита из леопардовой кожи, и у седла болтается связка аксагаев — сомалийских копий с широкими лезвиями. Он служит в пограничных войсках и направляется в инспекционную поездку в Адую. По просьбе мелиоратора бельгийской хлопковой концессии Ван-Линквиса он согласился взять меня с собой.

Мы входим в узкое ущелье и двигаемся по тропинке, на которой двоим не разминуться. С обеих сторон поднимаются почти совершенно отвесно лесистые горы. Это — отроги Сименского

¹ Офицерский чин, соответствующий примерно чину полковника.

хребта, который служит естественной границей между Центральной и Западной Абиссинией.

Тропинка вьется вверх. На крутом подъеме приходится спешиться и вести коня под уздцы. Кони нервничают и тихим ржанием выдают свое беспокойство.

Изредка попадаются пещеры. Сейчас трудно определить, являются ли они делом человеческих рук или какая-то древняя река, по высохшему ложу которой мы идем, выдолбила эти пещеры в горной породе. Во всяком случае в этих пещерах когда-то жили люди.

К заходу солнца мы вышли из ущелья и поднялись на нагорную равнину. Вдали виднелся крааль. Мы прищипорили коней и раньше, чем солнце исчезло за горизонтом, въехали в Дабат.

Это горное село окружено со всех сторон высокой оградой, доходящей порою до десяти метров. В ограде несколько ворот, через которые можно войти в крааль.

У ограды нас встречает мальрас¹ Дабата и низко кланяется асмачу. Он вводит нас в пределы крааля. Из всех туккулов выглядывают жители. Они не избалованы частыми визитами и с любопытством оглядывают гостей.

На площади посреди крааля, этой своеобразной гостиной, раскладывают костры. Детишки таскают сухие ветви и охапки кинжаловидной соломы тэффа. Костры ярко вспыхивают и освещают площадь. При свете костров лица дабатцев в ночном мраке кажутся красными.

Мы рассаживаемся у костров. Сидят только мужчины. Женщины приносят кислый сыр и сырое мясо, нарезанное ломтиками. Появляются бурдюки с каким-то напитком и груда чашек, выделанных из древесной коры.

Абиссинцы не знают вилок. Едят руками, но у каждого под рукой кусок материи, которой он всякий раз обтирает жирные пальцы.

Женщины разливают в чашки напиток из бурдюков, отпивают половину и остальное подносят пирующим.

Напиток сладкий, но опьяняющий, по вкусу напоминает мед. Я делюсь своим открытием с асмачом Каза.

— Совершенно верно. Это «федзе», медовое пиво, — подтверждает асмач и предостерегает: — Не пейте много: с непривычки у вас будет сильная головная боль, и вы завтра не встанете.

Пирующие быстро хмелеют. Женщины, не принимавшие участия в еде, но пившие «федзе», уже совсем пьяны и ходят, шатаясь.

Бородатый мальрас открывает пляску: он, пошатываясь, ходит по кругу между кострами и делает ритмические движения руками. Эти движения становятся все быстрее и быстрее, и весь он кажется живой мельницей. К нему присоединяются другие. Они окружают его и все вместе быстро-быстро двигают руками, а затем

¹ Староста.

трясутся всем телом, точно в жестоком приступе болотной лихорадки.

Измощенные, они выходят из круга и опускаются на землю у костров. Их сменяют другие.

Меня поразила одна особенность: они плясали молча, ни одним звуком не нарушая тишины; ни пения, ни выкриков. Уже после я узнал, что абиссинцы не поют; разве только в церкви. Они не знают песен, за исключением церковных.

Пляска прекращается. «Федзе» оказывает свое влияние: ноги перестают повиноваться. Многие жители уходят в свои хижины.

... Утром, провожаемые всем населением, мы пускаемся в путь. Дорога снова идет среди горного ущелья, но на этот раз тропинка шире и можно с коня не сходить.

Вторая ночь застает нас в ущелье. Мы располагаемся на ночлег на небольшой площадке у подножья скалы. Разводим костры. Асмач Каза производит осмотр коней и внезапно обнаруживает лишнего коня. Он дважды пересчитывает коней: одна лошадь лишняя.

Гортанный приказ. Телохранители выстроились.

— Кто украл в Дабате коня?

Несколько мгновений царит молчание. Затем раздаются робкие голоса.

— Дагаджиб... Дагаджиб...

Асмач Каза спрашивает:

— Отчего Дагаджиб увел коня?

Снова молчание, затем один из телохранителей тихо бросает несколько слов, и асмач Каза переводит их мне:

— Хороший конь. Жалко было оставить.

Асмач Каза испытующе глядит на своих солдат и, медленно чеканя слова, спрашивает:

— Что полагается солдату, который без надобности в мирное время уводит чужого коня?

Снова пауза, и, наконец, несколько голосов дают ответ:

— Голову с плеч!

— Верно! — подтверждает асмач. — Таков закон. Я приказываю.

Телохранители расступились, оставляя в середине Дагаджиба. Затем двое солдат взяли его за руки и отвели в сторону.

Я услышал короткий крик.

Утром мы тронулись в путь. Мы торопились. Асмач Каза хотел еще до захода солнца достигнуть берегов реки Такказе.

Перед тем, как тронуться, асмач Каза отдал какое-то распоряжение, и один из солдат верхом, ведя на поводу украденную лошадь, двинулся в обратный путь. В руках у него болтался какой-то круглый предмет.

Проехав некоторое расстояние, асмач Каза задумчиво произнес:

— Нам нельзя обострять отношений с населением. Известно, что нас ждет. В случае войны все население должно быть на нашей стороне.

— Вы отправили лошадь в Дабат?

— Да, — кивнул головой асмач. — И голову конокрада. Таков закон. Дисциплина!

После полудня, на самом солнцепеке, мы спускаемся в долину, напоминающую роскошный ботанический сад. В глазах рябит от обилия ярких красок. Стройные пальмы высоко и гордо возносят свои пышные кроны, коричнево-ржавыми пятнами темнеют финики. А это что? Я в изумлении протираю глаза. Целая роща бананов, желтых, чуть-чуть искривленных бананов, прижавшихся друг к другу и оцетинившихся, как иголки ежа.

...Река Такказе, берега которой мы достигли к вечеру, протекает через широкую долину. В период дождей Такказе разливается и затопляет окрестности. Отсюда эта сочная трава на безбрежных лугах. Селений здесь нет. Овцеводы-кочевники переходят с места на место.

Река Такказе берет свое начало в горах, где-то возле старинной крепости Джебакко. Немного северо-западнее Такказе называется Сетит и служит границей между Абиссинией и Эритреей. Затем она течет по Судану к Эль-Гирба. Кстати, почти все реки в Абиссинии имеют несколько наименований: Голубой Нил называется еще и Абаем, река Джуба называется Уэбби, река Марерб называется Гаш.

Один из телохранителей асмача находит удобное место, и мы переправляемся в брод на другой берег и попадаем в шатры кочевников. Они угощают нас свежей рыбой и сырой бараниной. Появляются и традиционный «федзе» и «галла» из одуряющего растения гэш. «Галла», очевидно, сильнее действует, нежели «федзе», ибо на этот раз дело до пляски даже и не дошло. Люди не могли двигаться.

До Аксума осталось шестьдесят километров, но это расстояние нужно было преодолеть по болотистой почве, где передвижение без опытного проводника было очень опасно. Асмач долго уговаривал кочевников дать проводника, но те отказывались. И только после того, как асмач предложил проводнику в уплату сотню патронов, нашелся охотник. Это был совсем еще мальчик, на вид лет пятнадцати, но когда мы утром двинулись в путь, он посадил на лошадь женщину с двумя детьми. Это были его жена и дети.

Шестьдесят километров мы прошли в двое суток, и, наконец, вышли на твердую каменистую почву. Такой переход считается в местных условиях очень быстрым и удачным, ибо редкий караван проходит эти места без потерь.

Аксум расположен в долине между двумя горами Джадак и Дар-Таклит¹ и весь утопает в зелени, над которой возвышаются верхушки белых башен. Это остатки древних мечетей, которые воздвиг Осман-Али, мусульманский покоритель Аксумского царства. Отсюда и название Аксум — белая башня.

¹ Эти горы господствуют над Аксумом. По этой причине абиссинские войска не стали защищать Аксум от итальянцев и, как только итальянцы заняли Дар-Таклит, очистили город без боя.

— Здесь было одиннадцать башен, — рассказал мне асмач Каза. — Некоторые из них от времени рухнули, две снес Менелик II, и остались четыре башни. Мечетей здесь уже нет, так как мусульман почти не осталось. Башни служат теперь наблюдательными пунктами и голубятнями. У нас ведь великолепная голубиная почта, — похвастал он. — Можете отправить письмо в Аддис-Абебу. Ручаюсь вам, оно придет на третий день.

Но я увидел на одной из башен другой вид связи — радиомачту и антенны.

В центре города — на базаре — главный колодец, и при нем смотритель. За бочку воды он взимает мехалик. Впрочем, можно абонироваться на воду. За 10 мехаликов можно получать в течение месяца ежедневно по бочке воды. Колодец тоже древнего происхождения: ему полторы тысячи лет.

Рядом с колодцем — коптский храм, где помещены усыпальницы нескольких династий абиссинских негусов. Они считаются народной святыней.

В пристройке, прилепившейся к церкви, — европейский ресторан с египетской танцовщицей, исполняющей «танец живота». Между выступлениями она выполняет обязанности официантки. Европейцы, — их в Аксуме насчитывается несколько десятков, — заглядывают сюда редко. Завсегдатаями ресторана являются офицеры местного гарнизона и чиновники негуса.

В Аксуме мы расстаемся с асмачом Каза. Впрочем, он оказывает мне еще одну услугу: знакомит со случайно оказавшимся в Аксуме начальником дорог Абиссинии Мардар-Оиси, который обещает доставить меня на автомобиле в Аддис-Абебу.

На прощание в ресторане асмач Каза сказал мне:

— Жаль, что я не могу вас проводить до границы. Я бы вам показал много интересного. Но вы и в Аксуме кое-что найдете. Постарайтесь осмотреть наши катакомбы.

В тот же день мне удалось осмотреть катакомбы. Половина Аксума расположена на пещерах, вырытых лет двести назад. Длиннейшие подземные ходы, целые улицы под землей переплетаются в причудливые лабиринты.

Катакомбы строились десятки лет. Они должны были служить защитой населению от бедуинов, часто делавших в этих местах набеги. Во время нападения женщины, старики и дети прятались в подземелья, а мужчины защищали проходы в горах.

Во время одного из таких набегов в 1811 г. бедуины проникли в Аксум и нашли катакомбы. В темноте произошел бой между разбойниками и женщинами. История передает, что почти все бедуины погибли, заблудившись в лабиринте.

Осматривая катакомбы, я подумал: во время войны многие города позавидуют Аксуму, такого газубежища нет и во многих европейских столицах.

В. САНЧОВ

В 1885 г. супруга негуса Менелика II Таиту заболела. Лейб-медик негуса, египетский врач Мурсала-хаким, посоветовал императрице поехать в горы. Со свитой, приличествующей супруге «царя царей, отмеченного богом непобедимого льва Иудей», она направилась из Гондара на юг и попала в гористую местность, поразившую ее благоуханием. Вблизи развалин древнего коптского храма свита императрицы спешно соорудила туккулы — конические хижины из ветвей, обмазанные глиной. Императрица Таиту поселилась здесь и назвала этот пункт «Новым цветком».

Здоровая местность с благотворным климатом принесла императрице исцеление, она отказалась вернуться в Гондар, и негус Менелик II перенес сюда в 1893 г. свою резиденцию и сделал Аддис-Абебу, город Нового цветка, столицей Эфиопской империи.

Так написано в учебнике, по которому абиссинская детвора проходит историю своей родины. Такова официальная версия рождения нынешней столицы Абиссинии.

В 1896 г. после победы над итальянской армией Баратьери негус Менелик построил в Аддис-Абебе дворец, а императрица Таиту, которая в бою под Адуей командовала тремя тысячами всадников племени галла, решивших исход битвы, в благодарность за одержанную победу реставрировала коптский храм.

С этого момента начинается расцвет Аддис-Абебы.

Появление иностранных посольств, построивших в Аддис-Абебе большие европейские здания, а главное, проведение железной дороги от французского порта Джибути на Красном море до Аддис-Абебы способствовали дальнейшему развитию столицы Абиссинии.

Еще до прибытия посольств здесь появились первые лазутчики империализма — попы и миссионеры всех исповеданий. С благословения папы римского иезуиты открыли в Аддис-Абебе две школы, шведская духовная миссия построила колледж, а отцы францисканцы — духовную семинарию.

Затем появились крупные экспортеры. Египетский национальный банк открыл филиал и захватил в свои руки финансовое хозяйство страны, и, наконец, предприимчивый француз, не без поощрения из Парижа, основал гостиницу, публичный дом для европейцев и газету на французском языке «Курье д'Этиопии».

Но появление европейских зданий, порохового завода, гранитной фабрики, типографии и первого гаража таксомоторов не изменило облика абиссинского города с полуторастатысячным населением.

Из всех городов Абиссинии в Аддис-Абебе резче всего бросается в глаза контраст между бедностью и богатством. На фоне роскоши европейских дворцов с колоннадами десятки тысяч жителей в жалком рубище, едва прикрывающем наготу, особенно ярко запечатлеваются.

Громадная круглая площадь имени Менелика с круглой Водяной башней образует центр города. Это Главный базар с сотнями крытых ветвями магазинов. Как и всякий восточный базар, он поражает необычайным богатством ассортимента товаров, представленных в каждой лавке. Рядом с висящими тушами баранов торговец предлагает боевые патроны и белоснежную джамму из тонкого сукна, местный национальный убор, напоминающий бедуйский бурнус. У торгующего зернами гэма, из которого готовится хмельной напиток гамма, можно наверняка найти львиную шкуру, разбитый морской компас и распечатанную робку американских папирос «Абдала» из лучшего египетского табака.

Главный базар кольцами опоясывают улицы. Их десятки, и многие из них не имеют названий.

Среди однообразных конических хижин внезапно выглядят из-за густой растительности европейские каменные здания. Они иногда окружены палисадниками, но чаще всего рвом, охраняющим и от пожара, и от бродячих собак, которых в Аддис-Абебе, как в старом Константинополе, несметное количество.

На Конно Табор, сравнительно широкой улице Аддис-Абебы, где расположен дворец негуса, стоят рядом три однотипных каменных здания — электростанция, таможня и типография. В здании типографии помещаются и редакции всех абиссинских газет: французской, двух амхарских и армянской. Типографию построили французские монахи-миссионеры, чтобы печатать библию и молитвенники на местных наречиях. Но дело оказалось не столь выгодным, как рассчитывали монахи, и, запутавшись в долгах, они продали типографию негусу. Газета на амхарском языке под названием «Свет» выходила под редакцией Менелика II. Впрочем, он был и ее единственным литературным сотрудником. Тираж газеты в формате носового платка не превышал 200 экземпляров, а подписывалась на газету только абиссинская знать.

При негусе Хайле Селасси газета европеизировалась, стала выходить через день в формате больших парижских газет, и к участию в ней были привлечены широкие слои абиссинской интеллигенции. В ней, между прочим, и сейчас печатают свои стихи находящийся в заточении экс-негус Лидж-Яссу, внук Менелика II. Редактором газеты «Свет» состоял деджасмач (генерал) Теклә Хавариат, один из побочных сыновей Менелика II, воспитанник петербургских Пажеского корпуса и Академии генерального штаба.

Французская газета является частным предприятием мосье Фидело, но близко связана с французским посольством. Она рассчитана на иностранных коммерсантов, аккуратно печатает экономическую (преимущественно торговую) информацию, пикантные романы и рекламирует увеселительные заведения мосье Фидело.

Армянская газета выходит два раза в месяц, издается на средства американских армян и печатает очерки по истории армянского народа и хронику преследования армян во всех странах

света. Тираж ее около 1000 экземпляров, из которых добрые три четверти рассылаются американским жертвователям. Редактором и издателем ее является служащий арсенала — армянин.

На Конно Табор свободно разъезжаются два автомобиля. Но на других улицах Аддис-Абебы это совершенно невозможно. Они узки, как улочки в старых кварталах восточных городов, и, кроме того, многочисленные ремесленники выставляют на улицы все свое немудреное оборудование и здесь работают со своими учениками и подручными. Пройти по этим улицам можно, удастся и проехать верхом. Но проезд в экипаже или автомашине представляет серьезные трудности и сопряжен с опасностью застрять где-нибудь между верстаком краснодеревца и крохотным горном ювелира.

Вся жизнь абиссинцев протекает на улице. Порог лавки заменяет здесь клуб; каждый торговец варит в пузатых кофейниках кофе и с низким поклоном, предлагает чашечку густого черного напитка всякому приближающемуся к его лавке. Это абиссинское приветствие. Чашечка кофе ни к чему не обязывает, за нее не платят и не благодарят. У порогов лавок на базарах, на перекрестке кварталов, под огромным деревом собираются абиссинцы и обмениваются новостями, слухами. Иногда они окружают сидящего на муле герольда, чтеца газеты, который останавливается на каждом людном перекрестке и вслух читает последний номер газеты. В Абиссинии не менее 85% населения неграмотно и при помощи герольдов — чтецов газеты — сообщения газеты становятся общим достоянием.

— Жители Аддис-Абебы! — зычным голосом выкрикивает герольд. — В дружеском королевстве Имен тяжелый мор приводит множество людей к смерти. В Санаа умерло 200 человек. Жители Аддис-Абебы! В магазине фаренджи¹ Джерси на Конно Табор имеются хорошие ружья, с которыми можно удачно охотиться. Жители Аддис-Абебы! Негус Хайле Селасси, преклоним свои головы, выехал в Харар. Жители...

Европейцы редко встречаются на улицах. На базары приходят только туристы. Они покупают львиные шкуры, чтобы показывать в Европе трофеи своей охоты, и парочку «древне-абиссинских» сувениров, на которых нередко при внимательном осмотре можно обнаружить марку «Мейнд ин Джермани»². Ввоз в Абиссинию «древне-абиссинских» сувениров — экспортная статья. Таможня включила их в свой «тариф облагаемых предметов ввоза». Большинство этих «памятников древности» — крохотные статуэтки, наконечники для копий и рукоятки кинжалов, — все из имитации слоновой кости.

«Настоящие» покупатели, европейские экспортеры не ходят на базар. Они сидят в тенистом кафе гостиницы мосье Фидело, и базар приходит к ним. За мраморными столиками совершаются крупные сделки. Здесь подписываются и скрепляются контракты

¹ Общее наименование всех европейцев.

² «Сделано в Германии».

на вывоз кофе, кож, фиников, цитрусовых, слоновой кости, живых львов для зоологических садов, обезьян и змей. Сотрудник таможни тут же дает консультацию о вывозных пошлинах и рекомендует все породы обезьян называть павианами: павианы — главные вредители сельского хозяйства Абиссинии, и правительство отменило пошлину на вывоз павианов.

Несмотря на обилие тени, в городе жарко. Как-никак до экватора рукой подать, и европейцы предпочитают отсиживаться в кафе.

Их в Аддис-Абебе несколько, и у каждого своя приманка. В «Руайом д'Этиопии» — египетская танцовщица исполняет «танец живота». В «Скале» имеется к услугам посетителей холодный душ. В «Антилопе» мосье Фидело прислуживают европейские официантки, не гнушающиеся и ночными услугами. В «Императоре Сахары» имеется прямой телефонный провод с Джибути, и на черной доске мерт-д'отель мелом пишет каждый час биржевые цены. Здесь совершаются запрещенные законом сделки с золотом. Декретом негуса еще в 1931 г. запрещен вывоз золота из страны с тем, чтобы побудить находящихся золото сдавать его в казну. Но в кафе «Император Сахары» золото почти открыто продается и покупается.

В кафе приходят и фалаши — абиссинские евреи, считающие себя потомками свиты, с которой вернулась из Иерусалима после визита к царю иудейскому Соломону царица Савская Балкис.

Подавляющее большинство фалашей живет на северо-западе Абиссинии, в районе озера Тана, в провинциях Гондар и Годжам и занимается земледелием. Но тысячи четыре фалашей поселилось в Аддис-Абебе. Здесь они занимаются тонким ювелирным делом и торговлей и, хотя принадлежит к буржуазии, лишены, как и евреи в старом Марокко и Тунисе, гражданских прав. Они заперты в своем квартале Фалаши-джинир, вне которого не имеют права селиться и находиться после наступления темноты.

После амхаров, основного и привилегированного абиссинского племени, фалаши составляют наиболее культурную национальность Абиссинии. У них есть своя литература, богатая поэзия и, что совсем в Абиссинии в диковинку, свои музыкальные инструменты, «гарра» и «глоуби» — своеобразные скрипки со струнами из волос человека и животных.

В центре Аддис-Абебы, возле Водяной башни, стоит огромный четырехугольный камень. Это памятник Объединения Абиссинии. Его поставил Менелик II в память подчинения всех провинциальных негусов. Он считается символом единой Эфиопии. В 1930 г. рас Гондара Олье, один из победителей в битве при Адусе, муж императрицы Вайперу Заудиту (дочери Менелика II), поднял восстание против нынешнего негуса Хайле Селасси, тогда еще раса Таффари Маконена, и пытался отделить свою провинцию с озером Тана от Эфиопии. Он был разбит своим племянником 31 марта 1930 г. в бою под Дебра Табор, а затем доставлен в Аддис-Абебу и

казнен у памятника Объединения. В память этого события на камне прибита металлическая дощечка.

У подножия камня рас Таффари (теперешний император Эфиопии) во время своего коронавания 2 ноября 1930 г. принес перед народом императорскую присягу хранить целостность страны. Здесь же присягают негусу и вновь назначаемые расы провинций и военачальники.

В нескольких километрах от Аддис-Абебы раскинулся великодушный парк, в густых зарослях которого с трудом можно отыскать коптский храм. Он построен в VII в. и был разрушен в XVI столетии мусульманами, когда эти места захватил арабский шейх эмир Ахмед Гран. В храме было, по преданию, 999 комнат. В 1897 г. императрица Тайту реставрировала около 200 комнат, но лишь в трех десятках комнат помещаются собственно храм, его реликвии и хранители. Остальные помещения пустуют, и сюда на ночь, укрываясь от ночной прохлады, собираются маленькие обезьяны, населяющие парк. В парке водятся и рыси, и не один житель Аддис-Абебы дорого поплатился за ночную прогулку по парку.

С южной стороны город ограждают полуразрушившиеся стены крепости, построенной в 1889 г. Они служат сейчас убежищем для нищих и бездомных, которых в Аддис-Абебе невероятное множество. Изъявленные, слепые, безрукие, безногие, они заполняют улицы и базары, хватают прохожих за полы джамма и, демонстрируя свои гнойные язвы, скулят:

— Мехалик! Мехалик! Мехалик!¹.

Безрукие — в большинстве случаев уличенные в воровстве, которым за вторую кражу по обычаю, господствующему на всем востоке, палач публично отрубил руку. Но не только уличенные в воровстве платятся рукой. Люди, агитирующие против собственности, требующие разделения богатств, считаются теми же ворами, покушающимися на частную собственность, и в смысле наказания они приравнены к ворах. Поэтому среди безруких на базарах Аддис-Абебы попадаются и бунтари, покушавшиеся на собственность не рукой, а речью.

Привилегированное население Абиссинии — племя амхаров. Они хозяева Абиссинии и черный труд считают позорным. Даже обедневшие амхары предпочитают нищенство «позору» труда. И на улицах Аддис-Абебы можно увидеть гордо восседающего в седле амхара, впереди которого идет его слуга-негр из племени галла или массаи и выкрикивает:

— Подайте мехалик моему бедному господину! Подайте ему мехалик! — и благодарит жертвователя, бросившего монету в кувшин, который с независимым видом держит нищий амхар.

В. САНЧОВ

«Известия» от 24/XI-35 г. № 273.

¹ Малая разменная монета.

Там, где ныне разворачивается театр военных действий, не так давно проходила мирная советская экспедиция.

В поисках видов и сортов растений, необходимых для улучшения хлебных злаков, советские селекционеры давно уже устремили свое внимание на горную Восточную Африку. На всем земном шаре Абиссиния отличается оригинальными культурами, не известными за ее пределами, как тэфф, нуг, фиолетовозерная пшеница.

С разрешения Совнаркома СССР Всесоюзный институт растениеводства направил в 1927 г. в Абиссинию и Эритрею первую научную экспедицию, результаты которой опубликованы в ряде специальных трудов о культурных растениях Абиссинии.

Огромный семенной материал, собранный в этой стране, поступил на советские селекционные станции. Сейчас заканчивается составление общего труда, подытоживающего наши исследования сельского хозяйства Абиссинии и данные по использованию абиссинских растений в СССР.

Настоящий очерк посвящается общим впечатлениям, полученным нами во время путешествия по Абиссинии, а также важнейшим научным результатам первой советской экспедиции в эту страну.

Условия путешествия в Абиссинию

Мои попытки получить визу на въезд в Абиссинию во Франции и других средиземноморских странах, где мне пришлось проводить экспедиции в 1926 г., не увенчались успехом. В то время Абиссиния не имела своего представительства в европейских странах, и за получением визы надо было обращаться непосредственно в Аддис-Абебу.

Отметим, кстати, что название «Абиссиния» не принято в официальном обращении. Абиссинцы считают это название оскорбительным. В переводе оно означает «страна черных». В официальной дипломатической корреспонденции Абиссинию принято называть старым именем — Эфиопией. Некоторые авторы переводят это название, как «страна солнца»¹.

Повторные телеграммы и письма, посланные правительству Абиссинии из Парижа и Рима, остались без ответа. Потеряв веру в получение визы на въезд в Абиссинию в Европе, я решил направиться в итальянскую колонию Эритрею, являющуюся географически продолжением Абиссинии и агрономически с ней сходную. В прошлом Эритрея принадлежала Абиссинии.

¹ От редакции. Мы оставляли в обращении наименование «Абиссиния», так как на русском языке, наоборот, слово «эфиоп» имело оскорбительный оттенок.

Рассчитывая попасть так или иначе в Абиссинию, я одновременно возбудил ходатайство о выдаче транзитной визы для проезда через французскую колонию Сомали. Обычный маршрут путешествия из Европы в Абиссинию идет через Суэцкий канал к французскому порту Джибути, откуда проведена железная дорога до столицы Абиссинии — Аддис-Абебы.

Неожиданно это скромное ходатайство встретило в Париже препятствия. Министерство иностранных дел указывало, что такая виза может быть выдана только после получения разрешения на въезд в Абиссинию. И только французский консул в Риме после моего путешествия в Алжир, Тунис, Марокко и Сирию согласился выдать мне транзитную визу через Сомали.

Таким образом, заручившись визами для Эритреи и Сомали, я рискнул направиться в Восточную Африку в январе 1927 г., рассчитывая, что в случае затруднений с проникновением в Абиссинию можно будет хотя частично собрать абиссинские культурные растения в прилегающей к ней горной Эритрее.

С немалым волнением сходил я в конце января 1927 г. с французского парохода в Джибути на берег Аденского залива. К моему удивлению, все оказалось необыкновенно просто.

Комиссар французской полиции порта Джибути оказался очень любезным, хотя и был изумлен появлением первого советского профессора в Сомали. Через три часа мой паспорт был визирован французским губернатором, и после этого, как мне сообщили, можно было отправляться прямо в Абиссинию.

На прощание комиссар добродушно сказал: «Россия сделала настоящую революцию. Дело пойдет!..»

На моем паспорте был поставлен штемпель «Джибути». Никаких виз в Эфиопию не понадобилось.

Не веря в такую легкую возможность въезда в заветную страну и имея достаточно горький опыт по проникновению в другие страны, я все же направился за справкой к абиссинскому консулу в Джибути, который мне подтвердил, что печати французского губернатора вполне достаточно для проезда в Аддис-Абебу, и посоветовал мне завтра же выехать поездом в Абиссинию.

Статут виз, добывание которых до недавнего времени было самым трудным делом для советского ученого, оказался, к счастью, неустановленным в Абиссинии.

Начало экспедиции

На другой день поезд мчал нас из Джибути по направлению Диредава. До Аддис-Абебы поезд идет три дня, два раза в неделю. Как правило, следует он только в дневное время. Ночью путешественники останавливаются в гостиницах на промежуточных станциях.

Доехав до Диредавы и не зная, как сложится поездка внутри Абиссинии, я решил предварительно, до появления в столице, провести экспедицию в один из мало исследованных районов

земледелия Юго-восточной Абиссинии, расположенный вокруг города Харара.

Быстро, без всяких формальностей, удалось снарядить небольшой караван и провести десятидневное обследование земледельческого массива около Харара, собрав большой материал по культурным растениям.

Было самое удобное время для сборов. Хлеба созрели. Находки превзошли все ожидания. Культурная флора Абиссинии оказалась совершенно оригинальной, что особенно ясно было для нас при сопоставлении ее с другими странами, до этого исследованными советскими экспедициями. Впервые здесь пришлось собрать фиолетовую пшеницу, оригинальный черный ячмень, хлебный злак тэфф, напоминающий мелкое просо. Пшеница оказалась представленной изумительным разнообразием форм. Все здесь было поразительно своеобразно, начиная с оригинального плуга в виде гвоздя и невиданных мною в других странах с.-х. орудий. Помол хлеба в Абиссинии производят в ступах или на камнетерках. Значительная часть почвы обрабатывается вручную мотыками. Скот — зебу, с характерной холкой и кружевным подгрудником, повидимому, заимствованный из Индии. Совершенно оригинальны местные овцы и козы.

Собрав большое количество образцов семян и отправив первые тридцать ящиков из Диредавы в Ленинград, я направился в Аддис-Абебу.

Медленно движется поезд, подъезжая к Аддис-Абебе, пересекая однообразную саванну-степь с высокой травянистой растительностью, с редкими одиночными низкими акациями, имеющими характерную горизонтальную крону. Нередко из поезда видны стада диких коз, несущихся по саванне.

Фауна Абиссинии исключительно оригинальна и богата. На опушках лесов около Харара в огромном количестве встречаются маленькие обезьяны — «монашки». В лесах обитают стада крупных павианов — главных вредителей посевов сорго и пшеницы.

Европейские зоологические сады направляют сюда своих агентов, вывозящих целые пароходы диких животных. Около Харара мы были свидетелями поимки в ловушку леопардов. Работавшая в то время зоологическая экспедиция Чикагского музея открыла в Абиссинии сотни новых видов птиц.

Население Восточной Абиссинии, главным образом, — сомалийцы и галласы: небольшая группа амхаров занимает административные должности. Деревенское население полуголое, босое.

Около Харара расположены плантации кофе, апельсинов и дынного дерева.

В Адисс-Абебе

Вот и Аддис-Абеба, в переводе «Новый цветок», новая столица Эфиопии, построенная Менеликом II в 1892 г. До этого времени столицы Эфиопии кочевали каждое столетие. Жители городов вы-

рубали леса на топливо и постройки и после истребления их вынуждены были перебираться на новые места.

Кто-то из европейских миссионеров завез случайно в Абиссинию австралийские эвкалипты, растущие во много раз быстрее местных абиссинских деревьев. Умный Менелик быстро понял значение этой австралийской интродукции. За короткое время новая столица была засажена эвкалиптами.

Вырос могучий лес. Эвкалипты разошлись по всей стране. Ими обсажены главные дороги и города, и путешественник в Эфиопии видит ныне столицу ее среди густой чащи австралийских эвкалиптов.

Аддис-Абеба расположена на высоте 2400 м над уровнем моря и отличается здоровым климатом, мягкой зимой. Большая часть столицы представляет собой хижины из прутьев, обмазанные глиной, крытые соломой; они живописно расположены в эвкалиптовом лесу. Только европейские кварталы и дом правительства напоминают обычные городские строения.

Остановившись во французском отеле, я стал обдумывать план путешествия по Абиссинии.

Моя цель была охватить маршрутом все главные земледельческие районы Абиссинии, собрать исчерпывающе весь оригинальный культурный ассортимент растений. Рекомендательные письма к французскому послу, направленные моими научными друзьями из Франции, позволили мне обратиться за содействием во французское посольство.

Посол — сам археолог, интересующийся историей Абиссинии, оказался очень любезным. Внимательно выслушав рассказ о цели моего путешествия, он взялся представить меня регенту Эфиопии, нынешнему императору Хайле Селасси, в то время называвшемуся расом Таффари. На другой день из французского посольства мы направились верхом к правителю Абиссинии.

Впервые в книге посетителей правителя Эфиопии появились слова «Ленинград, СССР...»

Я презентовал нынешнему негусу только-что опубликованную нами карту земледелия СССР и мою книгу «Центры происхождения культурных растений» на английском языке, в которой уже были даны указания на то, что Абиссиния, по всей вероятности, представляет собой один из оригинальных самостоятельных очагов древнего земледелия.

Рас Таффари был внимателен, охотно слушал мой рассказ о мировом земледелии, о задачах путешествия и обещал в ближайшее время дать разрешение на путешествие по стране.

Набравшись смелости после визита к правителю страны, я начал, в ожидании разрешения, небольшие экскурсии в окрестности Аддис-Абебы. Посещение базаров столицы и полей в окрестностях ее давало замечательный новый материал. Жители окрестностей издавна приносили сюда в корзинках разные культуры. Зерновой базар Аддис-Абебы — словно выставка образцов всего того, о чем только мог мечтать растениевед-путешественник.

Посещение скромного советского путешественника французским послом и любезный прием правителем страны послужили поводом к приглашению нас всеми европейскими посольствами и консульствами, находившимися в то время в Аддис-Абебе.

Генеральный консул Японии, в прошлом консул во Владивостоке, и представитель Греции пригласили меня на обед. Во время нашего разговора они высказывали недоумение, что Советская страна может посылать ученых для каких-то агрономических целей. Еще более недоумевали итальянское и английское посольства. Мое обращение к английскому послу с просьбой разрешить мне выезд из Абиссинии через Судан и Египет, с приложением ряда авторитетных рекомендаций от крупнейших ученых Англии, не возымело успеха. Пришлось помышлять об организации маршрута с выездом из Абиссинии через итальянскую Эритрею.

Новый визит правителю Абиссинии

Неожиданно через несколько дней ко мне явился посланец от раса Таффари с приглашением посетить его вечером для личной аудиенции. Посланец передал пожелание правителя составить ему список членов правительства Советского Союза и краткую схему конституции СССР на французском языке.

На этот раз беседа, действительно, носила интимный характер. Переводчика не было, и мы говорили с нынешним негусом с глазу на глаз. Он понимал довольно хорошо французский язык и мог задавать вопросы. Специальной темой, которая интересовала его на этот раз, оказалась Октябрьская революция. Таффари самым подробным образом расспрашивал советского путешественника о том, как произошла революция. Его мало интересовали социальные сдвиги, борьба классов, больше всего его занимали подробности ареста царя, потеря им власти. Он расспрашивал в трехчасовой беседе все подробности, как покинула армия русского царя, как отнеслись к революции многочисленные родственники царя, как армия не могла защитить своего царя.

Припоминая все перипетии, я рассказывал ему историю империалистической войны, говорил о германофильской группе императрицы, о Распутине.

Опершись тонкими черными руками на стол, рас Таффари слушал, как сказку, эту повесть, интересуясь практически, на всякий случай, всеми подробностями. Бегло он расспросил меня о сущности советской конституции, попросил меня прислать ему на французском языке описание дворцов и изложение советской системы управления, что и было сделано мною.

Через две недели в моих руках был официальный документ, разрешавший мне путешествие по всей стране. В этом документе с изображением герба — льва — объявлялось всем воеводам отдельных провинций о том, что профессор Вавилов является «гостем Эфиопии», которого надлежит снабжать патронами, продовольствием, фуражом и солью по пути следования его каравана.

Снаряжение каравана

Началась эпопея снаряжения каравана. Итальянский посол дал мне в качестве сопровождающего одного из своих людей — Горо Тенсай, говорившего по-итальянски и могущего служить до некоторой степени в качестве переводчика.

Многочисленные европейские посетители, появление армянской делегации, просившей передать советскому правительству просьбу о скорейшем создании консульства и о своем желании быть гражданами Советской страны, сложные интриги небольшой, но активной группы белой эмиграции, взбудораженной появлением советского гражданина и подозревавшей в скромном профессоре непрямого «агента большевиков», появление различных авантюристов, предлагавших продать свои земли будущей советской миссии, — все это заставляло скорее выехать в глубь страны, быть возможно меньше в столице.

До некоторой степени я смог использовать опыт американской зоологической экспедиции во главе с д-ром Осгудом, находившейся в то время в Аддис-Абебе, с которой мы снова встретились позже в глубине Абиссинии. Снаряжение каравана не заняло много времени. Первым делом надо было наwerbозать людей, нанять солдат-аскаров, без которых нельзя путешествовать по стране, купить винтовки, которые больше нужны для зверей, особенно для стрельбы в крокодилов при переходе через Голубой Нил.

С людьми оказалось необходимым заключить у губернатора Адисс-Абебы коллективный договор. По этому договору путешественник обязан хорошо кормить своих спутников, в случае болезни оставлять их где-либо в селении, обеспечивая их материально, а в случае смерти похоронить по всем эфиопским правилам.

На мой вопрос, какие же обязательства будут с другой стороны, губернатор посоветовал взять с собой кандалы, от которых мне вежливо пришлось отказаться. «Напрасно, профессор, это делают все путешественники, и англичане, и французы...», — сказал на это губернатор.

Обычно путешествие по Абиссинии идет на мулах, лошади менее выносливы в трудных условиях Абиссинии. Спутники, в том числе и воины, направляются обычно пешком, невзирая на дальность расстояния. Чтобы облегчить моим спутникам путешествие, я решил приобрести 10 ослов. Мой поступок оказался грубейшей ошибкой и величайшим оскорблением для взрослых людей, ибо на ослах здесь возят только детей и прокаженных.

Купленные мною спутникам сандалии тотчас же исчезли. Они были перепроданы ими на базаре. Пришлось взять несколько пар запасных.

Наш караван состоял из 12 человек, включая меня, переводчика, проводников и аскаров, и 10 мулов.

Маршрут экспедиции охватывал важнейшие сельскохозяйственные районы страны: Анкобера, Фичи, Годжама, озера Тана, Гондара, Аксума, Адуа с выходом в Эритрею. Стоял сухой период. Только в пути мы попали в период малых дождей. Это было в конце февраля и в начале марта. Максимум дождей выпадает в Абиссинии в июле — сентябре, когда начинается посев хлебов, и дороги становятся непроезжими. В среднем в Абиссинии выпадает около 1000 мм дождя в год.

Медленно продвигался наш караван по горным склонам, в среднем по 30 км в день. Медленность продвижения в значительной мере определяется коротким экваториальным днем. По дороге нам постоянно приходилось отходить в разные стороны, собирая образцы культурных растений. Это было лучшее время для сборов. Вывревшие хлеба стояли на корню или были собраны в стога.

Ночлег в палатках около воды или около деревень. Особенно неприятен был ночлег на берегу рек на песчаных почвах, буквально кишевших ночью черными скорпионами и фалангами. Приходилось разводить костры, чтобы отгонять шакалов и гиен. Нередко можно было слышать рев леопардов.

Колесных дорог Абиссиния не знает, за исключением района Аддис-Абебы. Путь идет обычно по горным тропам, каменистым, покрытым крупной осыпью, часто пересекаемым потоками горных рек. Особенно труден переход через Голубой Нил, протекающий в глубокой пропасти на глубине 2 тыс. м, с крутым спуском зигзагами.

Когда спросили раса Хайле, почему абиссинцы не строят дорог, он ответил: «Построим дороги, придут европейцы. Пусть лучше не приходят».

Самое трудное в путешествии было поддерживать дисциплину каравана. Абиссиния не только родина пшеницы и ячменя, но также крепких напитков. Из пчелиного меда приготавливают крепкий напиток «течь», из ячменя — пиво «талу». К вечеру, как правило, в деревне и в городе трудно найти трезвого человека, — поголовно от мала до велика все навеселе и в первую очередь караван.

Ночью надо дежурить, отгоняя зверей, время от времени стреляя в воздух и поддерживая огонь костра. Незамечную услугу оказывал дикий абиссинский крепкий кофе, отгонявший сон. Абиссиния — родина кофе.

Население Абиссинии добродушно, приветливо, гостеприимно, и мы не имели особенных затруднений в остановках с ночлегом около деревень и в приобретении продовольствия в основных сельскохозяйственных районах. Надоедала постоянная проверка документов заградительными правительственными отрядами. Но внушительный открытый лист «гостя Эфиопии» с двумя большими печатями раса Таффари и императрицы Заудиту действовал внушительно.

Труден путь в Северной Абиссинии около Гондара, Адуи и Аксума с каменистыми почвами; с редкими посевами. Добыча фуража здесь сопряжена с большими трудностями. Мы потеряли половину наших мулов, павших от тимпанита; часть пути всем нам пришлось идти пешком, переложив груз на оставшихся животных.

В Северной Абиссинии деньги не имели хождения. Обменной единицей здесь служили кристаллическая соль и красный тертый перец. У губернатора приходилось обменивать талеры на соль, необходимую для крупных покупок. За образцы семян приходилось платить пригоршнями едкого перца, обжигавшего слизистые оболочки.

Население деревень — нищее. Вся детвора ходит голышом, нередко и взрослые ходят полуголые или в лохмотьях, или в козлиных шкурах. Только в городах можно видеть людей в тонких обтянутых белых штанах и рубахах с неременной шалью — «шамой». Этой же шалью абиссинцы покрываются во время сна, ночуя нередко на голой земле. Обычное питание — блины из тэффа, пшеницы или сорго.

Люди каравана предпочитали, как и все население, есть сырое мясо; поэтому ежемесячно приходилось по договору разрешать им несколько дней принимать сильно действующее глистогонное — косо — сушеные соцветия местного дерева хагени.

Прикомандированный итальянским посольством переводчик-наблюдатель, прозванный хакимом (доктором) за его познания во врачевании, оказался полезным и покладистым спутником, но, к сожалению, встречавшим по дороге слишком много братьев и в особенности сестер. Дорогу приходилось все же разыскивать больше самому по сравнительно хорошим английским и итальянским картам.

III

Культурные зоны Абиссинии

Земледельческие районы Абиссинии, как и в Эритрее, сосредоточены, главным образом, на высотах между 1300 и 2800 м над уровнем моря.

Различают три термические высотные зоны: «кволлу» — нижнюю тропическую зону, «дегу» — верхнюю холодную зону и среднюю между ними «войну-дегу».

Первая зона, кволла, доходит приблизительно до 1800 м над уровнем моря и характеризуется тропическим климатом. Здесь сосредоточены посевы хлопчатника. Главное хлебное растение кволлы — зерновое сорго. Кволла мало обитаема; здесь занимаются, главным образом, скотоводством. Климат кволлы жаркий, мало благоприятный для здоровья.

Война-дега представляет собой субтропическую зону, по температуре соответствующую Неаполю. В нижних и средних частях войны-деги сосредоточена культура кофейного дерева. Война-дега доходит до 2400 м над уровнем моря.

Характерным ландшафтом этой зоны является дикий молочай с гранеными стволами, достигающими 6—8 м, с крупными красными цветами на вершине ствола. Во время цветения заросли канделябροобразных молочаев представляют собой как бы мрачное кладбище с горящими свечами.

Зона деги и верхние районы войны-деги являются основной древней сельскохозяйственной областью Абиссинии, где сосредоточена культура хлебных злаков. Дегу можно подразделить на степь, саванну, лес и пашню. Война-дега и дега являются основными областями развития сельскохозяйственной культуры Абиссинии. Здесь же сосредоточились в течение тысячелетий основные массивы оседлого населения.

Аддис-Абеба, Гондар, Анкобер, Дебра-Маркос, Аксум — главные города Абиссинии — находятся в деге. Собственно Абиссиния расположена, главным образом, на высоких горных плато, представляющих собой как бы естественную крепость или замок, приподнятый на огромную высоту.

Сельское хозяйство

Абиссиния является преимущественно сельскохозяйственной и скотоводческой страной с ничтожно развитой промышленностью. Государственной статистики Абиссиния до сих пор не имеет. Самая численность сельскохозяйственного и городского населения до сих пор точно не установлена и различными исследователями определяется от 4 млн. до 12 млн. Последняя цифра, по нашим наблюдениям, преувеличена. Новейшие английские источники определяют численность населения в 5,5 млн.

Весьма приблизительно, глазомерно, на основании личных данных и расспросов, мы определяем посевную площадь Абиссинии в полтора-два миллиона гектаров, что соответствует приблизительно 2% всей территории Абиссинии, определенной в 1 120 400 кв. км. Главные массивы земледелия расположены около Харара, Анкобера, Фичи, Аддис-Абебы, Годжама и Гондара.

По анализам почвенных образцов, доставленных нашей экспедицией и исследованных акад. Л. И. Прасоловым, абиссинские земли являются плодородными.

Земледелие носит примитивный характер и во многом еще сохранило черты каменного века. Помол хлеба производится на камнетерках или в ступах, обмолот хлеба — прогоном скота по разложенным на току снопам. Земля обрабатывается вручную мотыками (район Харара) или оригинальными плугами, по существу бороздильниками с широким гвоздем вместо лемеха. Все земледелие неполивное.

В лесной зоне люди обыкновенно живут в хижинах, сплетен-

ных из прутьев и обмазанных глиной, в горных районах — в хижинах, сложенных грубо из камней.

Абиссиния — преимущественно страна полевой культуры, практически в деге совершенно не знающая плодоводства. Овощеводство развито очень слабо.

Состав полевых культур совершенно своеобразный, не встречающийся в других странах.

Первое место в культуре принадлежит оригинальному хлебному злаку — тэффу, дающему муку хорошего качества. По величине площади за тэффом идут пшеница, зерновое сорго, ячмень и хлебный злак дагусса, культивируемый также в Индии.

В Центральной Абиссинии в большом количестве возделываются зерновые бобовые, горох, чина, бобы и в особенности нут. Из масличных — нуг. Лен здесь возделывается как хлебное растение — ради муки.

В западной и юго-западной частях Абиссинии в большом количестве произрастает дикий кофе. Около Харара развиваются в последние годы значительные плантации культурного кофе. Хлопчатник в Абиссинии подвержен болезням и идет плохо.

Скотоводство имеет в Абиссинии большое значение. Ежегодно на несколько миллионов золотых рублей Абиссиния вывозит кожи и шерсти. В вывозе значительную роль до сих пор играют шкуры обезьян и леопардов.

Высокая злаковая растительность огромных степных пространств во всех зонах Абиссинии дает широкий простор для животноводства. Посевных трав Абиссиния не знает. Огромное количество естественных угодий до сих пор не использовано. Для возобновления естественных пастбищ огромные пространства ежегодно сжигаются.

Скот Абиссинии своеобразный, несомненно представленный особыми видами и подвидами овец и коз в большом разнообразии.

Рогатый скот — исключительно крупные породы зебу, устойчивого к пироплазмозу.

Первобытный характер земледелия Абиссинии связан с общей отсталостью и изолированностью страны, с угнетением одной группы населения другими. Хотя рабство официально и ликвидировано, фактически крестьянство закрепощено. Земля принадлежит господствующей группе амхаров, на которых за часть урожая работают хлеборобы. Амхары являются господствующей группой помещиков, чиновников и воинов, главным образом заселяющей города.

Земледелие рассматривается ими как низкий промысел, недостойный для господствующей группы воинов.

Рудные богатства Абиссинии до сих пор не исследованы. Добыча угля, золота находится в самом примитивном состоянии. Учитывая горный характер страны, здесь можно ждать огромных богатств. Фактически Абиссиния до сих пор не знает сама того, чем она владеет.

Итоги работы экспедиции

Караван советской экспедиции в течение 4 месяцев прошел по Абиссинии около 2 тыс. км, охватив главнейшие земледельческие районы страны. Собрано свыше 6 тыс. образцов культурных растений, сделано около 2 тыс. фотографий, собраны образцы почв и подробно исследована техника земледелия.

Огромный сортовой материал был высеян в течение последних лет на различных опытных станциях СССР, начиная с Полярного круга и кончая Средней Азией, Северным Кавказом и Украиной.

Сравнительное исследование, сопоставление с культурными растениями и сортами других стран и СССР выявили прежде всего поразительную оригинальность абиссинской культурной флоры, наличие в ней самостоятельных видов и родов культурных растений, неизвестных в других странах, хотя за последний 2-тысячелетний исторический период Абиссиния подверглась сильному влиянию извне. Нет никаких сомнений в том, что ряд растений был введен самостоятельно в культуру в этой стране, как тэфф, нуг и др.

Пшеницы и ячмени Абиссинии представляют собой исключительный по значению потенциал разнообразия, не имеющий равного в других странах.

По числу ботанических разновидностей пшеницы маленькая горная Абиссиния должна быть поставлена на первое место на всем земном шаре. Из 650 ботанических разновидностей в мире, известных ботаникам, 250 оригинальных разновидностей приходится на долю горной Абиссинии.

То же приходится сказать и относительно ячменя. Несмотря на отсутствие археологических документов, мы должны рассматривать Абиссинию как самостоятельный очаг мирового земледелия, создавший на базе своей богатой дикой растительности свою культурную флору.

Этот факт свидетельствует о том, что данная культура является более древней, чем об этом свидетельствуют известные нам исторические и археологические документы.

Геологически в прошлом Абиссиния была связана с Аравией и флористически и фаунистически, до сих пор отображает связь в прошлом с Индией, Гималаями, восточным Средиземноморьем и Капской землей. Но в то же время в составе новейшей четвертичной растительности и фауны она имеет уже обособленные виды, о чем свидетельствуют и культурные растения и домашние животные. Отсюда огромный научный интерес дикой и культурной флоры и фауны Абиссинии.

Практически культурные растения Абиссинии оказались исключительно интересными. Ячмени Абиссинии превосходно идут в Ленинградской области и даже за Полярным кругом, в Хибинах, конкурируя с нашими лучшими местными сортами.

Некоторые из абиссинских сортов ячменя и гороха взяты уже в широкое производственное размножение. Для целей скрещива-

ния, для выведения новых сортов они представляют собой ценнейший материал. Даже некоторые из абиссинских высокогорных пшениц вызревают у нас в Хибинах.

В Северной Абиссинии удалось найти **безостые твердые пшеницы**, о существовании которых в природе можно было делать только теоретические догадки.

Уже давно и упорно европейские и американские селекционеры работают над получением безостых твердых пшениц, скрещивая мягкие пшеницы с нашими обычными «кубанками» и «белотурками». В большом количестве в готовом виде безостые твердые пшеницы, как и близкие к ним другие виды, были впервые обнаружены советской экспедицией в Северной Абиссинии.

Исследования последних лет показывают, что многие абиссинские растения высокогорных районов, произрастающие на родине в условиях короткого дня и длинной ночи, тем не менее прекрасно идут в условиях длинного светового дня нашего крайнего Севера. Абиссинский тэфф, повидимому, будет ценным кормовым растением у нас на поливных землях Средней Азии.

Нет никаких сомнений в том, что **для советской селекции культурные растения Абиссинии представляют большой практический интерес**. Из ценных свойств их отметим неполегаяемость ячменей, крупнозерность, стойкость к низкой температуре, безостость твердых пшениц.

Домашний скот Абиссинии, представленный оригинальными породами, заслуживает большого внимания европейских зоотехников. Абиссиния, включая древнюю Нубию, является родиной ослов. Здесь же неподалеку, в Южном Судане, зоологи устанавливают родину одnogорбого верблюда.

Природные ресурсы Абиссинии давно уже сделали ее предметом вожделений империалистических стран.

Плодородные земли Абиссинии, большие возможности животноводства этой страны являются уже давно целью итальянской агрессии, ищущей новых земель и обойденной в разделе колоний Версальским договором. Озеро Тана в Северо-западной Абиссинии с вытекающим из него Голубым Нилом, несущим плодородный ил и воды в Судан и Египет, давно приковало внимание британского империализма. Постройка французами железной дороги от Красного моря в Аддис-Абебу открывает путь в «сердце Африки». Бельгийцы заложили здесь свои кофейные плантации и, правда, не совсем удачно занимаются культурой хлопчатника. Германские скупщики кож давно уже заинтересованы животноводческими ресурсами Абиссинии, и только после мировой войны престиж их несколько снизился. Даже японцы находят в этой нищей стране объекты для купли-продажи.

Народы Абиссинии давно уже снискали в мире общее уважение за стойкое сопротивление порабощению. Эфиопия представляет единственный остров среди огромного черного континента, еще борющийся за свое существование. Против него — вся совре-

менная техника вооружений, на стороне абиссинцев — горы, моральная сила и симпатии тех, кто против поработителей.

Величайшее преступление происходит на наших глазах, когда вместо того, чтобы всемерно помочь этой отсталой стране, научить ее лучше использовать свои природные богатства, идет борьба за империалистический раздел, за уничтожение этого единственного сохранившего в Африке независимость государства.

Автор вспоминает дни, когда у озера Тана в тифозной лихорадке он лежал в палатке и испытывал исключительное, трогательное человеческое отношение черного каравана из сомалийцев, галласов и негров к чуждому для них пришельцу из неведомой далекой страны.

Вместе со всей Советской страной мы говорим:

Пусть живет свободная и независимая Эфиопия, пусть сама всемерно использует свои природные богатства!

Результаты первой научной советской экспедиции есть первый скромный вклад советской науки в познание богатых природных ресурсов этой страны.

Акад. Н. ВАВИЛОВ

«Известия» от 17, 18 и 20/X-35 г. № 243 и 245.

МЕСЯЦ В ЭРИТРЕЕ

Оперируя одного из придворных короля Ибн-Сауда, я вонзила себе в палец операционную иглу. Игла расщепилась. Палец опух. На помощь мне приехали коллеги из Мекки. Но нужен был рентген; а рентгена не было ни в королевстве Ибн-Сауда, ни в ближайших арабийских странах. Оставалось наискосок пересечь Красное море и искать помощи в итальянском военном госпитале в горах Эритреи.

Парохода пришлось ждать три недели. Был 1932 год, и кризис сильнее смерчей и штормов очистил Красное море. Компании сняли с линий множество судов.

Пришел нарядный итальянский пароход. Трюм его был набит абиссинцами, возвращавшимися из разных стран после тщетных поисков заработка. Трюмная команда тоже состояла из абиссинцев. Матросы работали за право проезда. Чтобы оправдать переезд через маленькое море, каждый из них должен был бесплатно отработать три рейса.

На верхних палубах было пусто и мертво. Единственным пассажиром, кроме меня, был жизнерадостный и словоохотливый абиссинский купец. Культурный и начитанный, он с явным удовольствием рассказывал мне о своей стране. Наиболее интересным был рассказ об истории Абиссинии. Купец изложил несколько версий наиболее популярных в Абиссинии легенд о царице Савской, прославленной Балкис, ездившей с дарами к Соломону и

положившей после свидания с мудрым царем начало роду абиссинских «негусов негуст».

Мы пришли в Масау — эритрейский порт на Красном море. Нас встретила 70-градусная жара. Город был окутан испарениями. Таможенники, с которыми пришлось поделиться советским табаком и икрой, не задержали нас. Но у пристани сразу же взяла нас «в переплет» тысячная толпа оборванных, полуголых мальчишек. Наперебой они навязывались в провожатые, лишь бы заработать жалкие гроши. Из этой тысячной оравы пришлось выбирать наиболее достойного. С трудом выбрали, но провожать нас все же пошла вся неисчислимая орава детворы. Довели до гостиницы, где нас встретили сквозники — единственное средство спасения от жары.

Был август. Каждый день лили отчаянные дожди. Железная дорога в Асмару была размыта. Пришлось поехать автомобилем. Я не прогадала. Железная дорога никогда бы не дала таких впечатлений, какие дала поездка в автомобиле.

Всю дорогу встречались изнуренные, полуголые люди — абиссинцы. Впрягшись вместо животных в оглобли телег и тачек, они тащили самые разнообразные грузы. Человек оказывался самой дешевой рабочей силой, о его питании не надо было заботиться. Человек, его жизнь, его силы оказывались дешевле осла, не говоря уже о верблюде. Но шли и верблюды, мерно покачивая на своих горбах бочки с бензином. Мы видели караваны с маркой «Олень» — фирмы Шелл, а порой и волновавшие, заражавшие лютой тоскою по родине, марки красной звезды, наши марки. Мой спутник, агент Нефтеторга, встречал каждый такой боченок с неистовым восторгом, ибо каждый боченок стоил ему немало крови в борьбе с пройсками капиталистических фирм.

По пути было мало поселков. Чаще всего попадались кладбища с католическими памятниками — следы итальянской войны за Эритрею. Они попадались так часто, что само собой напрашивалось впечатление о том, как дорого Италия заплатила человеческими жизнями за эти глухие, пустые земли.

Чем дальше, тем выше в горы шла дорога. Наконец, мы попали в леса. Деревья меняли свою одежду, и после пустыни был прекрасен скромный убор абиссинских лесов. В лесах нас окружали обезьяны. Свисая с деревьев, они с любопытством разглядывали нас.

Шофер упорно отказывался снять с машины тент. Он ни за что не хотел останавливаться:

— Могут быть неприятности. Не надо связываться с обезьянами.

Он оказался прав. Мы увидели обезьянью сходку. У самой дороги сидела большая группа обезьян, собравшихся в кружок, в середине которого отчаянно жестикулировала какая-то ярко-рыжая обезьяна. Но едва мы обернулись к этому необычному собранию, как на нас полетел град камней.

После мы увидели чинно шествовавшую на задних лапах обезьянью семью. Обезьяна-папа шел посредине, держа за руки с одной стороны обезьяну-маму, а с другой стороны — детеныша. Мы попытались остановиться, но обезьяна-папа немедленно нагнулся, подобрал камень и запустил им в машину. Мы рванулись вперед, а вслед нам летели камни.

Отдыхали мы по пути в аккуратно выстроенных домах — итальянских дорожных станциях. В них жили так называемые «дорожные сторожа», производившие впечатление переодетых жандармов или, по крайней мере, унтер-офицеров запаса. У станции, как правило, тянулись небольшим клочком культурно возделанные огороды.

Стали попадаться кактусовые заросли. И здесь, наконец, мы увидели абиссинское поселение. Был период созревания кактусовых плодов, называемых по-арабски «боршум». Сотни абиссинцев собирали полужелтые кактусовые плоды — основной продукт их питания, которого хватает месяца на три, продукт, за который не нужно никому платить, ибо покупать эти крестьяне не могут ничего.

Мы были в их поселках, состоящих из нескольких шалашей из хвороста, обмазанного глиной. Ужасом нищеты и грязи веяло от этих убогих сооружений, которые никак нельзя назвать человеческим жильем.

В хижинах, как правило, — камелек, на котором варят пищу, циновки, вылежанные, вытертые, грязные шкуры, преимущественно леопардовые, глиняная посуда, тусклые иконы. Никаких подушек, никакого белья. Женщины в отрепьях, мужчины в набедренных поясах. Обвешиваясь хворостом, чтобы не исколотся о колючки кактуса, абиссинцы всей семьей шли в леса собирать спасительный «боршум». Шли прекрасно сложенные, стройные, статные женщины, шли, как на подбор, рослые, но очень тощие, стройные мужчины.

Наконец — Асмара, колониальный городок, полный итальянских офицеров. Невдалеке от города — итальянская крепость, доступ в которую запрещен.

В городке — губернатор. У него — две дочери на выданье. Вокруг дочек — все местное офицерство. Девушки каждодневно амазонками гарцуют по окрестностям, сопровождаемые кавалькадой офицеров. Другое развлечение города — фашистский клуб при гостинице, руководимый хозяином гостиницы. Здесь ежевечерне собирается местная интеллигенция, обсуждая политические новости, усердно выпивая.

На весь город существовало только одно кино, приспособленное и для любительских спектаклей. В поисках развлечений приходилось не раз бывать там. На экране шли старинные сентиментальные итальянские фильмы, видовые картины и хроника.

В зале присутствовали только европейцы. Абиссинцы в своей поработанной стране не имели права входа в зал. Им дважды в неделю предоставлялись места на верхотуре, под потолком, где

нельзя было встать даже в полный человеческий рост. И все же этот балкон всегда был набит людьми. А зал пустовал. Обычно в нем бывало несколько шумливых офицеров. Быту этих колониальных итальянских офицеров тоже нельзя было позавидовать, — почти поголовно они были маляриками и от малярии спасались алкоголем.

Госпиталь был пуст. Единственная больница на весь огромный округ, она не принимала абиссинцев, а итальянцы, — если это были не солдаты, изнемогавшие от малярии, — предпочитали ездить лечиться в Геную. Персонал госпиталя — молодые врачи-практиканты, погнавшиеся за длинным рублем в колонию, или отбывающие положенные военно-медицинским обучением сроки, да сестры — монашки местного католического монастыря. В монастыре был детский приют для абиссинцев, но принятый туда ребенок насильственно превращался в католика. Католичество в представлении местного населения естественно сочеталось с вполне понятным представлением об итальянцах, и даже в самой горькой нищете люди не решались отдавать своих детей на воспитание итальянским монахиням.

Врачи и офицеры жили в удобных коттеджах. Каждый из них имел пять-шесть слуг из абиссинцев, работавших только за пищу, фактически за обеды с хозяйского стола. Даже на такие условия работы нашлись бы тысячи людей. Почти у каждого европейца обязательно была наложница — абиссинка. Кроме того, в городке был публичный дом и невероятное количество прституток. Нищета толкала женщину на путь проституции, ибо иных заработков семья не могла иметь. И я не раз наблюдала абиссинцев, сидевших без дела у своих хижин, у шеста, увешанного цветными тряпочками. Мне объяснили, что это мужья переживают, пока от жены уйдет гость (шест — сигнал о том, что жена занята). Здесь сказывались не нравы абиссинцев, а только отчаянная их нужда. Посреди этого унижения поработленного народа приятно было отмечать равенство женщины с мужчиной в семье, но зато она и не работает и, следовательно, несамостоятельна.

Женщины здесь очень падали на украшения. По 3—4 серьги в ухе, запястья, браслеты на руках и на ногах, бусы на шее, на спине, шелковые кисти, — все это обязательно в туалете полуголой абиссинки. И наряду со стремлением к яркому и красивому — кожные и венерические болезни, запущенные, грязные дети... И еще болезни на почве недоедания и тяжелой пищи: сушеного мяса, если оно есть, и лепешек, вареных из муки.

По утрам я бродила по окрестностям города. Эти прогулки позволяли отдохнуть от постных лиц католических монахинь, похожих на хорошо выдрессированных животных, от разглагольствований владельца гостиницы синьора Менгетти, главного лидера местных фашистов, от лицемерия веселой кавалькады губернаторских амазонок с офицерами.

Однажды, бродя по полям, я заметила несколько абиссинцев, упорно бредущих за мной по пятам на почтительном расстоянии.

Оглянувшись другой раз, я увидела, что число преследователей увеличилось. Наконец, я заметила среди них даже хромящего старика и поняла, что это не преследователи. Решила вернуться, пойти им навстречу. Они остановились.

Когда я дошла до них, вся эта небольшая толпа любезно и почтительно поклонилась. Из толпы вышел немолодой абиссинец, спросивший меня на арабском языке:

— Вы — женщина из Московий?

Я ответила утвердительно. Тогда все окружившие меня снова почтительно поклонились, и собеседник сказал:

— Извините меня, но я и все эти люди желаем задать вам несколько вопросов. Не откажитесь побеседовать с бедными людьми. Люди говорят, что в Московии бедных не отвергают.

Так начался разговор.

Первый вопрос был: правда ли, что в Московии вся земля принадлежит тем, кто на ней работает?

И сразу сгрудилась толпа, я почувствовала за своей спиной жаркое и напряженное дыхание людей, я увидела, как хромой старик раковиной приложил ладонь к своему уху и, опершись на костыль, вышел в первый ряд слушающих.

Я ответила:

— Да, это правда.

Вопросы сыпались один за другим: Правда ли, что в Московии нет расов, суйюмов (дворян, помещиков)? Правда ли, что Ленин умер, или это только враги его распустили коварный слух на горе людям труда?

Так прошло часа три.

Пришлось расстаться. Я пошла по направлению к городу, и до самых городских ворот за мною брели на небольшом расстоянии три главных моих собеседника. У ворот я оглянулась. Они приветливо махнули мне руками, как будто передавая привет Московии.

М. КУДЛАЕВА

СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

АБИССИНИЯ

1. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Абиссиния занимает площадь в 1150 тыс. кв. км. Около одной трети всей территории на северо-востоке и юго-востоке занимают безводные пустыни и степи. Вся западная часть страны состоит из громадного плоскогорья. Реки, которые берут начало в этой части страны, питают своими водами англо-египетский Судан и Египет. Западная часть Абиссинского плоскогорья обладает чрезвычайно плодородной почвой.

В результате наступления мирового империализма Абиссиния оказалась совершенно отрезанной от моря и зажатай между колониальными владениями трех крупнейших империалистических держав Европы — Великобритании, Франции и Италии. На севере и северо-востоке она отеснена от моря итальянской колонией Эритреей, которая тянется узкой полосой в 60 км вдоль Красного моря на протяжении 1000 км; на востоке она граничит с французским и британским Сомали; на юге — с итальянским Сомали и британской колонией Кенией, на западе — с англо-египетским Суданом.

Население Абиссинии составляет около 12 млн. человек. Основное ядро его образуют собственно абиссинцы, насчитывающие около 5 млн. Следующую по численности группу составляют племена Оромо (так называемые галласы); окраины населяют данакильцы, сомалийцы, шанкала (негры) и другие.

Государственным языком является амхарский язык, на котором говорят все абиссинцы и значительная часть прочего населения. Число иностранцев в Абиссинии составляет около 5—6 тыс.

Наиболее населенными городами Абиссинии являются: столица — Аддис-Абеба («Новый цветок»), имеющая свыше 100 тыс. жителей, Харар — 40 тыс. жителей; Диредава, лежащий на железной дороге Жибути — Аддис-Абеба, на окраине Данакильской пустыни, имеет 40 тыс. жителей; Гондар — 6 тыс., Адуа — 6 тыс., Веледия — 13 тыс. и т. д.

2. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Государственный строй Абиссинии представляет централизованную монархию, возглавляемую императором, власть которого формально считается абсолютной, но фактически ограничена могущественными феодалами, владеющими крупнейшими наследственными поместьями. Императорам Федору II и Менелику II удалось объединить разрозненные удельные княжества Абиссинии в единую империю. Но они не были в состоянии сломить становой хребет феодальной аристократии, покончить с ее феодальными привилегиями. Император сам является крупнейшим землевладельцем страны, сильнейшим среди феодалов, он «царь царей» (негус-негусту).

Одним из устоев феодальной системы является коптская церковь, владеющая крупнейшими поместьями и крепостными крестьянами. В руках церкви сосредоточена почти одна треть всей земли государства.

Провинции управляются назначенными императором наместниками, или губернаторами, каковыми часто являются наследственные феодальные владельцы этих провинций. Губернаторы одновременно являются командующими войсками своих провинций. Присвоенные им чины следующие: рас (главнокомандующий армией), деджасмач (генерал) и фиатурари (командующий авангардом).

16 июля 1931 г. была объявлена абиссинская конституция, утверждающая абсолютную наследственную монархию. Вместе с тем конституция устанавливает «народное представительство» из двух палат — палаты депутатов и сената, по 56 членов в каждой; члены сената назначаются императором, а члены палаты депутатов избираются крупными сановниками и местными начальниками. Первый абиссинский парламент был создан 3 ноября 1931 г. Фактически он не играет никакой роли.

Вся земля в Абиссинии считается собственностью императора, который формально вправе распоряжаться ею по своему усмотрению. На деле же в Абиссинии существует, как это имело место во всех других феодальных государствах, целая феодальная иерархия, базирующаяся на наследственном землевладении. Негусы раздают целые провинции и округа своим вассальным князьям, выдающим военачальникам и наместникам (расам). Эти последние, со своей стороны, отдают землю следующим за ними по феодальной лестнице помещикам. На самом низу феодального общества в Абиссинии находится живущее на земле крепостное крестьянство, обремененное множеством повинностей, денежных и натуральных, в пользу государства, помещика и высших феодалов.

Особой формой крепостничества является система «гебар», практикуемая исключительно в провинциях с неабиссинским населением, преимущественно на окраинах государства. По этой системе крестьянские семейства прикрепляются к местным абиссинским чиновникам, начиная с губернатора до самого низшего, и расквартированным в данной местности войскам. Гебары продолжают жить на своей земле, но они обязаны содержать и обслуживать полностью своего хозяина и доставлять ему безвозмездно все необходимое: жилье, съестные продукты, одежду, деньги и пр. Число гебаров, прикрепленных к отдельному хозяину, колеблется в зависимости от его чина: высшие чиновники, например, помощник губернатора, владеют 200—300 гебарами; обыкновенный солдат — двумя-тремя. Эта форма феодальной эксплуатации является одной из наиболее тяжелых. До сих пор в Абиссинии окончательно не уничтожено рабство, хотя абиссинским правительством было в последние годы издано несколько постановлений, которыми запрещается торговля рабами и ограничивается самое рабство (объявлены свободными дети рабов, раб становится свободным со смертью своего хозяина и т. п.).

3. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД

Сельское хозяйство в Абиссинии находится в весьма примитивном состоянии. Благодаря плодородию почвы во многих районах, однако, снимается по два и даже по три урожая в году. Основными культурами в Абиссинии являются: зерновые, кофе, хлопок и в малой степени сахарный тростник. Из зерновых разводятся главным образом тэфф (сорт проса), дурра, кукуруза, пшеница, ячмень. Тэфф и дурра — основная пища населения. Кофе является важнейшим экспортным продуктом Абиссинии. Лучший сорт абиссинского кофе (харрари) возделывается на плантациях в провинции Харар.

Скотоводство достигло в Абиссинии большого развития. Разводятся главным образом крупный рогатый скот, козы и овцы (короткошерстные); лошадей в Абиссинии мало, вьючными животными здесь являются ослы и мулы, в пустыне — верблюды. Несмотря на обилие скота, вывоз его из страны крайне незначителен.

В Абиссинии господствует еще натуральное хозяйство, и каждая отдельная крестьянская семья в основном самостоятельно удовлетворяет все свои потребности. Существующая промышленность — ремесленная и кустарная — в последнее время, в виду усиленного ввоза дешевых европейских, американ-

ских и японских товаров, также значительно сократилась. В особенности же пострадали от конкуренции капиталистических стран такие отрасли кустарной и ремесленной промышленности, как ткачество, кузнечное, гончарное дело. Обладая необъятными естественными богатствами и сырьевыми ресурсами. Абиссиния в то же самое время остается одной из отсталых стран мира по своему промышленному развитию.

Добывающая промышленность Абиссинии, в частности горная промышленность, является особенно лакомой приманкой для иностранного капитала. Импералистические страны стараются наперебой получить концессии в Абиссинии, возможность эксплуатировать ее разнообразные богатства.

Значительный иностранный капитал уже вложен в концессии по добыче золота, платины, слюды и калия.

В последние годы в Абиссинии была найдена нефть, за которой сейчас охотятся крупнейшие нефтяные фирмы Америки и Великобритании. Они добываются от абиссинского правительства монополии на нефтяные ресурсы страны.

Развитие горных разработок создало в Абиссинии туземные кадры горно-промышленного пролетариата. На концессиях работает несколько тысяч туземцев, подвергающихся жесточайшей эксплуатации со стороны концессионных компаний.

Главной артерией абиссинской торговли является железная дорога Джибути — Аддис-Абеба, по которой провозится свыше 75% всей внешней торговли Абиссинии.

4. БОРЬБА ЗА АБИССИНИЮ

Абиссиния является одним из наиболее древних государств мира. На протяжении тысячелетий Абиссиния, находясь на стыке между Азией и Африкой, на великих исторических путях из Средиземного и Красного морей в Аравийский залив и Индийский океан, неоднократно подвергалась завоеванию.

Во второй половине XIX в. Абиссиния была раздроблена на множество царств и удельных княжеств, правители которых вели бесконечные войны друг с другом. Эта раздробленность Абиссинии оказалась в высшей степени на-руку крупным империалистическим державам, которые уже в первой половине XIX в. стали обосновываться на побережье Восточной Африки.

С открытием в 1869 г. Суэцкого канала и укреплением англичан в Судане и Египте для Британской империи приобретает огромное значение восточно-африканское побережье, господствующее на коммуникационных и стратегических путях британского империализма. Наступление англичан на Абиссинию ведется в 80-х годах прошлого столетия с трех сторон: на востоке — со стороны моря, на западе — со стороны англо-египетского Судана. Британское наступление завершается захватом абиссинских портов Зейла и Бербера в Аденском заливе, а затем и всей территории нынешнего британского Сомали.

Не теряли времени также французские и итальянские империалисты. В 1884 г. французы закупают порт Обок у Баб-Эль-Мандебского пролива и в течение ближайших нескольких месяцев захватывают порт Джибути и остальную территорию нынешнего французского Сомали. В 1894 г. одна французская компания получает от негуса Менелика концессию на постройку железной дороги от Джибути через всю Абиссинию в Судан.

В марте 1882 г. Италия аннексирует порт Асаб на Красном море, который до сих пор считался «арендованным» итальянской мореходной компанией Рубатино у местного князька-султана.

В 1883 г. Италия заключает договор «о дружбе» с Менеликом, бывшим тогда еще только правителем царства Шоа. В начале 1885 г. она, по предварительному соглашению с Англией, захватывает порты Масауа и Бейлуга, а также ряд других пунктов. В 1889 г. Менелик, сумевший подчинить своей власти абиссинских феодалов, коронуется императором, и итальянцы спешат навязать ему уцаллийский договор, статья 17-я которого фактически устанавливала итальянский протекторат над Абиссинией. Одновременно Италия закрепляется на юге и юго-востоке границ Абиссинии, где основывается вторая итальянская колония — итальянское Сомали.

Для народных масс Абиссинии становится ясным и очевидным, какую судьбу готовит им итальянский империализм. Бурная волна антиитальянского движения прокатывается по всей стране. Менелик бесповоротно порывает с итальянцами. Объявляет об аннулировании учаллийского договора, и начинается война.

Поражение Италии под Адуа и последовавшая в 1899 г. неудача французского империализма в его борьбе с Англией за Судан (так называемый фашодский инцидент) значительно меняют расстановку империалистических сил, воюющих за Абиссинию. Выражением этого изменившегося соотношения сил явилось тройственное соглашение 1906 г., заключенное между Англией, Францией и Италией насчет и за счет Абиссинии.

Соглашение 1906 г., формально сохраняющее свою силу по настоящий день, прежде всего устанавливало «политический и территориальный статус-кво в Абиссинии», т. е. санкционировало все произведенные захваты абиссинской территории. Франция должна была отказаться от продолжения своей железной дороги на запад от Аддис-Абебы по направлению к Судану и ограничиться участком Джибути — Аддис-Абеба. В общем и целом соглашение это поделило Абиссинию на сферы влияния между договорившимися державами.

По окончании мировой войны итальянский империализм оказался обделенным в отношении колоний. Союзники, как известно, отвергли все колониальные притязания Италии в Африке.

Основным лозунгом фашистской диктатуры в Италии становится, таким образом, лозунг «ревизионизма» в Африке, т. е. нового передела Африки. В одном из новейших фашистских изданий, так и озаглавленном «Африка, фашистская экспансия и ревизионизм», мы читаем:

«Африка является той страной, где должна быть испробована сила нашей экспансии и испытана наша мощь. Вопрос об африканских колониях является наиболее жгучим и животрепещущим вопросом нашей эпохи, а для нас он является самым жизненным».

Б. АЛЕКСАНДРОВ

«Правда» от 8/X-35 г. № 278.

ОРГАНИЗАЦИЯ АБИССИНСКОЙ АРМИИ

Вооруженные силы Абиссинии состоят из четырех частей: 1) гвардии негуса, 2) регулярных правительственных войск в провинциях, 3) местных провинциальных войск и 4) ополчения племен.

В этом разнообразии состава армии и в пестроте ее организационной структуры отражается господствующий в стране феодальный и отчасти патриархальный строй. Существование гвардии негуса и правительственных войск в провинциях свидетельствует о начавшейся уже централизации государственной власти и о желании негуса подчинить себе начальников провинций (расов) и обеспечить свою власть над ними. Вместе с тем на организацию армии влияет также и состояние финансов. Ни негус, ни начальники провинций не настолько богаты, чтобы содержать крупные регулярные силы; поэтому наряду с небольшими, постоянно содержащимися в мирное время, регулярными частями существуют разные формы поселенных войск; и, наконец, некоторые племена берутся в случае надобности за оружие в полном составе, под командой своих старейшин.

По отдельным категориям войск состояние вооруженных сил Абиссинии рисуется в следующем виде.

1. Гвардия негуса обучается шведскими, а в последнее время и бельгийскими офицерами. В ней числилось 3500 человек, недавно же состав ее был удвоен (до августа 1935 г.). В организационном отношении гвардия имела 4 батальона пехоты, 2 пулеметных роты, 1 роту пехотных мортир, 2 или 4 эскадрона кавалерии, 1 артиллерийский дивизион, взвод автопулеметов, роту мегаристов (на верблюдах), зенитную часть с пушками Эрликона и группу танков.

С момента, когда неизбежность войны стала очевидной, гвардия стала расти. Известно, что за последний месяц уже не менее пяти батальонов из ее состава было отправлено на границы вместе с начальниками. Последним пору-

чено командование с помощью иностранных офицеров войсками некоторых провинций. Все же в Аддис-Абебе остается сейчас не менее 7000 гвардейцев.

Таким образом, негус использовал гвардию, как кадр для развертывания по-современному обученных частей, которые могут явиться ядром провинциальных армий. Определить в точности численность гвардии в настоящее время невозможно.

2. Правительственные регулярные войска в провинциях до итало-абиссинской войны выполняли двоякую роль: с одной стороны, они являлись опорой начальников провинций (расов) на случай, если их не признают местные мелкие феодалы, а с другой — командиры этих войск, получая содержание лично от негуса, могли бы при надобности арестовать непокорного или неудобного негусу раса или деджасмача (воеводу).

До мобилизации состав правительственных войск был следующий:

в Бали — 1 пех. батальон, 1 эскадрон, взвод мегаристов;

в Сайо (провинция Уаллега) — 1 пех. батальон;

в Асба-Тафари — 1 пех. батальон;

в Дессе — 1 пех. батальон, 1 эскадрон;

в Хараре только в нынешнем году стали формироваться конные и мегаристские (верблюжьи) части.

Кроме этих частей, комплектуемых преимущественно добровольцами, имеется до 100 тыс. так называемых «текленья», то есть солдат, получивших в полную собственность земельные наделы и за это обязанных являться на сборные пункты в случае призыва. До половины «текленья» поселено в провинции Шоа, вблизи Аддис-Абебы. В этих войсках числятся до 30 тыс. «триполоков», ранее служивших по найму в английских или итальянских войсках в Судане, Триполи и Сомали. Эти «триполоки», несомненно, являются лучшей частью абиссинской армии — они обучили остальных обращению с автоматическим оружием и артиллерийскими орудиями. Гвардия негуса, сильно занятая парадами и другой почетной службой, повидимому, обучена хуже «триполоков», даже стрельбище для нее построено очень недавно.

В настоящее время эти войска также являются ядром новых формирований. Например, известно, что в начале сентября бельгийские офицеры обучали:

в Хараре (1 капитан и 3 лейтенанта) — 2500 человек;

в Гоба (1 капитан и 3 лейтенанта) — 2500 человек;

в Ирга-Алем (1 лейтенант) — 1000 человек;

в Дессе (1 лейтенант) — 1500 человек.

Наличием этих войск и можно объяснить ту легкость, с какой в Абиссинии вырастают регулярные формирования. Так, в самом начале сентября из Харара направлено в Огаден 25 тыс. регулярных войск.

Точно учесть, сколько может быть развернуто регулярных частей, конечно, нельзя. Это зависит прежде всего от запасов оружия у негуса. Запасы же эти хотя довольно велики, но и крайне разнообразны, и использование их полностью вряд ли возможно, так как это породило бы непреодолимые трудности в деле снабжения боевыми припасами. Что касается численности регулярных войск, то отдельные обозреватели называют цифры от 200 тыс. до 500 тыс. Первая цифра, пожалуй, ближе к истине, если принять во внимание, что, кроме ружей, для армии нужны патроны, а их можно закупить за границей не ко всем имеющимся образцам винтовок, а только к современным.

3. Войска 25 провинций содержатся на средства начальников провинций. Численность их зависит от денежных средств расов и деджасмачей. Здесь налицо также несколько форм организации армии. Во-первых, чисто феодальная, когда местные помещики и младшие расы являются на войну с некоторым числом солдат, часто также из своих вассалов, а иногда из наемников. Во-вторых, кастовая, когда войска составляются из наследственных солдат, находящихся на прокормлении у «гебара», т. е. крестьян, не несущих личной военной повинности. Таких солдат держат также и помещики и церковь. Третья форма местных войск — племенная, и четвертая — регулярные войска из на вербованных солдат, но последние имеются в совершенно незначительных размерах.

Численность провинциальных войск становится известной только тогда, когда они призваны. Приблизительно она определяется в 400—600 тыс. О значении и силе местных войск можно отчасти судить уже по начавшимся операциям. В провинции Гондар, управляемой расом Касса, двоюродным братом негуса, еще к середине августа было собрано от 50 тыс. до 70 тыс. человек. Это определенно указывало на намерение Касса действовать во фланг итальянцам,двигающимся на Адю. В то же время в Адзе, Аксуме и Макале было собрано только 30—50 тыс., что указывало на то, что рас Сейюм с самого начала должен был обороняться как можно упорнее. В общем провинциальные войска составляют одну из самых важных частей вооруженных сил Абиссинии.

4. Войска главарей племен — преимущественно кочующих (данакиль, аусса). Имеются войска и оседлых племен. Так, известно, что часть племени данакиль бросила свою пустыню, чтобы притти на помощь расу Сейюму, как это было сделано и в 1896 г. для помощи Менеллику. В Адис-Абебу еще до объявления мобилизации прибыло 5700 человек из племен кулло и джалемо, а в начале сентября туда же явились начальники племени кураге с 25 тыс. человек. Но есть племена, помощь которых отклонена негусом. Это — родственники суданцев, с которыми у абиссинцев имеются давние счеты. Негус даже не принял у них буйволов, которых те предлагали для атак на итальянцев вместо танков.

Что касается общей численности мобилизованной абиссинской армии, то она в целом зависит только от числа свободных людей, могущих носить оружие, и от запасов этого оружия. Последнее имеется как у негуса, так и у начальников провинций и у свободного и полусвободного населения. Численность же населения Абиссинии разными источниками определяется различно — от 10 млн. до 15 млн. человек.

Нельзя думать, что Абиссиния может мобилизовать в армию более 7—10% населения. Это невозможно без риска остаться через год без скота, которому нужны пастухи и охрана от диких зверей, без хлеба, которого в Абиссинии в обрез.

Переходя теперь к организации и управлению действующей армией Абиссинии, необходимо подчеркнуть, что управлять такой пестрой армией не очень легко. По всем данным, в Абиссинии до сих пор не создано крупных войсковых соединений выше батальона. Есть известия, что отдельным лицам поручено формирование «корпусов», но во что выльются эти формирования еще неизвестно. Во всяком случае батальон пока остается высшим войсковым организмом в абиссинской армии. Из отдельных батальонов, взятых в самом различном количестве, создаются армии и отряды расов, деджасмачей и других военачальников. Кстати заметим, что в армии, состоящей преимущественно из пехоты, можно обойтись и батальонами или соединениями в этом роде.

Когда-то абиссинская армия в походе делилась на авангард, правое и левое крылья, арьергард, которыми командовали деджасмачи. Теперь такое разделение почти потеряло смысл даже для абиссинской армии, а деджасмачи в мирное время превратились в губернаторов или придворных должностных лиц (так, деджасмач Апт Микаэль был начальником гвардии негуса, другой деджасмач был воспитателем наследника и теперь находится при нем в Дессе), т. е. звание воевод стало только титулом.

Роль иностранных офицеров, видимо, только инструкторская. Но имеются и исключения: турецкий генерал Махомед Учиг-паша отправился командовать войсками в Огаден, а шведский генерал Витлин назначен начальником обороны Диредавы; ядром их войск являются батальоны гвардии. Сами абиссинцы привыкли не столько к командованию, сколько к предводительству, т. е. к тому, что начальник ведет лично в бой свое подразделение.

Своих офицеров абиссинская армия может получать из недавно открытого кадетского корпуса в Аддис-Абебе, но о результатах его работы пока ничего неизвестно. Наконец, имеется несколько десятков человек, получивших образование за границей, в том числе и в царских российских кадетских корпусах, но это образование скорее общее, чем чисто военное.

М. СИМОНОВ

РУКОВОДИТЕЛИ ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИИ

Вооруженные силы фашистской Италии состоят из сухопутной армии, морского и воздушного флотов, руководимых самостоятельными министерствами и генеральными штабами, из частей добровольной фашистской милиции национальной безопасности, имеющей также свой генеральный штаб. Фашистская милиция находится в непосредственном подчинении у главы правительства Муссолини, который является ее главнокомандующим. В руках Муссолини сосредоточено общее руководство всеми вооруженными силами страны. Номинально главой всех вооруженных сил является король Италии.

Муссолини Бенито — глава фашистской партии и фактический диктатор Италии. Родился в 1883 г. в провинции Романья. Бывший социалист. Во время мировой войны служил в берсальерских (самокатных) частях рядовым, затем — старшим капралом. Затем преподавал в военно-химической школе. В 1919 г. основал фашистские боевые группы, карательные отряды против революционных рабочих организаций и организовал фашистскую партию. В 1922 г. в результате фашистского «похода на Рим» захватил власть.

Муссолини создал верховное командование, мобилизационные инспекторы, подчиненные соединения, выделил танки в отдельный род войск, реорганизовал систему противовоздушной обороны, порядок прохождения службы комсоставом, порядок комплектования армии. Особое внимание было уделено развитию авиации и морского флота. Для обеспечения своей линии в строительстве вооруженных сил Муссолини стремится поставить во главе основных участков наиболее фашизированных генералов. Характерно, например, что во главе отправляемых в Восточную Африку войск поставлены генералы, наиболее приверженные фашизму. Муссолини усиленно проводит сращивание армии с фашистскими организациями, в частности с фашистской милицией. Он сосредоточил в своих руках руководство всеми военными министерствами (армия, флот, авиация), являясь одновременно министром корпораций (народного хозяйства), иностранных дел, внутренних дел и главнокомандующим фашистской милицией.

Бадольо Пьетро. Сенатор. Маршал Италии. Начальник генерального штаба всех вооруженных сил страны. Родился в 1871 г. Бадольо окончил военную академию в Турине в 1890 г. и участвовал в качестве артиллерийского подпоручика в колониальной войне против Абиссинии в 1896—1897 гг. В 1902 г. окончил военную академию. В 1912 г. он участвовал в итало-турецкой войне в Ливии. Во время мировой войны занимал ряд руководящих должностей в армии.

После окончания войны Бадольо был назначен начальником штаба сухопутных сил и оставался на этом посту до 1921 г. После прихода к власти фашизма, в 1922 г., был отстранен от работы в армии и занимал ряд дипломатических постов. В 1925 г. вновь возвращается в армию в качестве начальника генерального штаба всех вооруженных сил страны. Одновременно с этим Бадольо получает почетный чин маршала Италии. В 1934 г. маршал Бадольо получил звание летчика.

В конце ноября 1935 г. Бадольо назначается верховным комиссаром итальянских колониальных владений в Восточной Африке и тем самым главнокомандующим итальянскими войсками против Абиссинии. Бадольо сменил на этом посту генерала де-Бона.

Бадольо пользуется особым доверием монархических кругов и теснейшим образом связан с королевским двором.

Бондзани Альберто. Начальник штаба армии. Родился в 1872 г. В 1895—1896 гг. в чине лейтенанта участвовал в африканской кампании. В 1914 г. был помощником начальника штаба оккупационного корпуса Триполитании. Во время мировой войны занимал ряд руководящих должностей в армии (нач. штаба корпуса и пр.). В 1924 г. был назначен помощником министра по авиации. В 1926 г. был назначен сенатором. В 1928 г. — генералом армейского корпуса, предназначенным к командованию армией в военное время.

Байстрокки Федерико. Родился в 1874 г. Генерал армейского корпуса, помощник военного министра. Выдвинулся в качестве руководителя итальянской армии из состава фашистского «парламента», где был докладчиком по воен-

ным вопросам. В 1932—1934 гг. выдвинул целый ряд крупных мероприятий по поднятию боеспособности итальянской армии. Байстроки можно назвать своего рода итальянским «фашистским генералом-политиком». Став практическим руководителем армии, Байстроки за 1933—1934 гг. провел широкую «чистку» среди генералитета и старших офицеров.

Бальбо Итало. Родился в 1896 г. Маршал авиации. Губернатор Ливии. Бальбо, не имеющий специального военного образования, является организатором итальянской авиации. Бальбо — сторонник военной доктрины генерала Дуэ, существо которой заключается в том, что она отводит авиации проведение самостоятельных операций, могущих иметь решающее влияние на исход войны. В авиации Бальбо занимал посты товарища министра и заместителя министра авиации. После осуществления в 1933 г. второго трансатлантического перелета эскадрильи в составе 25 гидросамолетов, в котором Бальбо принимал личное участие, он был произведен в маршалы авиации.

Бальбо является одним из наиболее видных фашистских деятелей. В качестве члена четверки (квадрумвирата) он руководил пресловутым фашистским «походом на Рим». Он входит в «Великий фашистский совет».

Де-Бона Эмилио. Родился в 1866 г. Армейский генерал. Верховный комиссар итальянской Восточной Африки (Эритрея и Сомали). Принимал участие в мировой войне. Де-Бона примкнул к фашизму в первые же годы возникновения фашистского движения и в 1922 г. был членом четверки (квадрумвирата), руководившей «походом на Рим». С 1923 г. по 1928 г. де-Бона был губернатором Триполитании и сенатором. В 1928 г. был назначен товарищем министра колоний, а в 1929 г. — министром колоний.

До конца ноября 1935 г. де-Бона был верховным комиссаром итальянских колониальных владений в Восточной Африке, т. е. главнокомандующим всеми вооруженными силами Италии в Восточной Африке. На этом посту он был заменен в конце ноября 1935 г. маршалом Бадольо. Генералу де-Бона в момент отозвания его из Восточной Африки было присвоено звание маршала.

Валле Джузеппе. Родился в 1886 г. Армейский генерал. Товарищ министра авиации. По окончании военной школы Валле принял участие в италотурецкой войне 1912 г. в качестве командира дирижабля. Во время мировой войны в чине майора ведал воздухоплавательной службой. С 1926 г. по 1929 г. был начальником авиационной академии. В 1930 г. Валле был назначен начальником штаба итальянских воздушных сил, а затем, после отстранения Бальбо с поста министра авиации, назначен товарищем министра авиации. Валле — талантливый инженер и летчик.

Валле имеет ряд теоретических трудов по вопросам авиации и воздухоплавания и является одним из крупнейших итальянских специалистов в этой области.

Гадзера Пьетро. Родился в 1879 г. Армейский генерал. Член военного совета. В 1900 г. окончил военную артиллерийскую и инженерную академии. В 1912 г. принял участие в войне против Турции. В конце 1928 г. был назначен товарищем военного министра, а в 1929 г. — военным министром. Одновременно с этим был произведен в армейские генералы. После того как Муссолини объединил в своих руках все военные министерства, Гадзера был назначен членом военного совета при военном министерстве.

Теруцци Аттилио. Родился в 1883 г. Генерал-лейтенант. Командир 5-й дивизии чернорубашечников, направленной в Восточную Африку. Теруцци окончил военную школу в Модена в 1902 г. и был направлен в Эритрею. Позднее, а именно в 1912 г., он участвовал в войне против Турции, а затем в мировой империалистической войне. По окончании войны Теруцци был направлен в Ливию в чине полковника.

В 1920 г., вернувшись в Италию, Теруцци примкнул к фашистскому движению, возглавляя вооруженные отряды Ломбардии. Во время «похода на Рим» он командовал фашистскими отрядами провинции Эмилия и Романья. В 1921 г. был назначен вице-секретарем фашистской партии.

С мая 1925 г. по ноябрь 1926 г. Теруцци был губернатором Киренаики. В декабре 1928 г. он был назначен начальником главного штаба фашистской милиции и оставался на этом посту до своего назначения в Восточную Африку командиром 5-й дивизии чернорубашечников «1 февраля». Последнее на-

значение носит характер политической демонстрации: правительство стремится показать, что жертвы, неизбежно связанные с такой серьезной колониальной войной, как предстоящая война Италии и Абиссинии, будет нести не только регулярная армия, но и милиция, которая обычно использовалась фашизмом лишь внутри страны.

Грациоли Франческо Северино. Родился в 1869 г. в Риме. Сенатор. Генерал армейского корпуса. Главный инспектор вневойсковой подготовки (начальник допризывной подготовки). В 1896 г. окончил военную академию. Во время мировой империалистической войны занимал ряд руководящих должностей в армии.

После окончания войны командовал оккупационным корпусом союзников в Фиуме, затем, в 1920 г., стоял во главе всех военных школ. В 1921 г. был членом совета армии, в 1923 г. — командующим армейским корпусом Вероны. В 1925 г. — помощником начальника генштаба, затем командующим армией. с осени 1934 г. — начальником допризывной подготовки. Имеет ряд военных трудов. В 1934 г. возглавлял итальянскую военную делегацию в СССР.

Каваньяри Доменико. Родился в 1876 г. Адмирал дивизии. Помощник морского министра. Принимал участие в войнах: в Ливии, на Дальнем Востоке (1903 г.), итало-турецкой (1911—1912 гг.), итало-австрийской (1915—1918 гг.) и албанской (1919 г.).

Грациани Родольфо. Родился в 1882 г. Генерал, командующий всеми сухопутными вооруженными силами Сомали, ныне также южным фронтом. Подпоручик гренадеров в 1906 г., служил в Эритрее, участвовал в войне против Австрии и в 1915 г. за боевые заслуги получил чин майора. В 1918 г. командовал 241-м пехотным полком, был произведен в полковники.

После войны служил в Ливии и, отличившись в кампании по завоеванию Триполитании, получил чин бригадного генерала. В 1928 г. был произведен в дивизионные генералы и назначен командующим колониальными войсками в Триполитании. В 1930 г. получил пост вице-губернатора Киренаики. В чине генерала армейского корпуса — с 1932 г.

Бистико Этторе. Родился в 1896 г. Дивизионный генерал, командующий первой фашистской дивизией «23 марта» в Восточной Африке. Видный военный теоретик фашистской Италии. Окончил военную академию. В войне в Ливии принимал участие в качестве авианаблюдателя, в мировой империалистической войне был помощником начальника штаба ряда дивизий. В 1932 г. получил чин дивизионного генерала и командовал подвижной дивизией. Написал ряд военных трудов («Эволюция военного искусства»: I т. — «Прошлое»; II т. — «XX век», III т. — «Будущее») и подвизался в области поэзии и художественной литературы.

Цоппи Оттавио. Родился в 1870 г. Генерал армейского корпуса. Фашист и доверенный Муссолини. Недавно назначен командующим одной из дивизий в Восточной Африке. До этого был инспектором пехоты, командующим корпусным военным округом, инспектором подвижных войск. Генерал Цоппи является видным военным теоретиком и одним из ближайших помощников Муссолини в перестройке и основании сухопутной армии и особенно в фашизации ее.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ДЕЯТЕЛИ ИТАЛИИ

В настоящее время в Италии существует только одна легальная партия — «Национальная фашистская партия», сосредоточивающая в своих руках всю государственную власть. Первые фашистские организации — «Фаши ди комбатименто» («Боевые союзы») — были основаны в 1919 г., после окончания мировой войны, нынешним главой итальянского правительства Бенито Муссолини. Эти организации были использованы реакционной итальянской буржуазией для борьбы с революционным движением итальянского пролетариата и трудящегося крестьянства. Фашистская партия стала правящей партией в октябре 1922 г., когда выявилась неспособность либерального буржуазного правительства, возглавлявшегося Факта, обеспечить разгром революционного движения и сохранение в Италии капиталистического строя. Организованная фа-

шизмом государственная власть представляет собой открытую диктатуру наиболее реакционных групп итальянского финансового капитала.

Фашистская партия полностью монополизировала палату депутатов (парламент). Согласно действующему избирательному закону, список кандидатов в члены палаты депутатов утверждается «великим фашистским советом», являющимся одновременно партийным и государственным органом. Таким образом, устранена возможность проникновения в палату депутатов оппозиционно настроенных по отношению к фашистскому режиму элементов.

«Национальная фашистская партия» Италии состоит из следующих организаций:

1. **«Боевые фаши»** — организации, в состав которых входят мужчины, достигшие 21 года (фашистская партия построена по возрастному и половому признакам), представляют собой ядро фашистской партии. На 1 января 1935 г. «боевые фаши» насчитывали 1 851 777 членов.

2. **«Фашистские университетские группы»** охватывают фашистов, занимающихся или преподающих в высших учебных заведениях. На 1 января 1935 г. они насчитывали 66 934 члена.

3. **«Юношеские боевые фаши»** — организации, куда входят юноши от 18 лет до 21 года. На 1 января 1935 г. в «юношеских боевых фаши» было 657 613 членов.

4. **«Женские фаши»** — организации, куда входят женщины старше 21 года. На 1 января 1935 г. насчитывали 304 313 членов.

5. **«Группы молодых фашисток»** — организации, куда входят девушки в возрасте от 18 лет до 21 года. На 1 января 1935 г. насчитывали 83 053 члена.

В систему итальянской фашистской партии входит также **«Национальная милиция общественной безопасности»**. Согласно постановлению фашистского совета от 26 июля 1929 г., «**милиция является организацией политической полиции в крупном масштабе**».

Итальянский фашизм создал также ряд массовых организаций:

1. **«Ассоциации синдикали»** (фашистские профсоюзы). Согласно декрету от 3 апреля 1926 г., право представлять интересы лиц наемного труда предоставлено только профсоюзам, получившим признание государства. Таковыми являются, конечно, только фашистские профсоюзы. Для получения признания достаточно объединять 10% рабочих и служащих соответствующей отрасли производства. В основе деятельности фашистских профсоюзов лежит отказ от классовой борьбы и демагогия относительно пресловутого «сотрудничества» классов, в действительности сводящегося к полному подчинению интересов трудящихся интересам крупного капитала (в Италии забастовка является уголовным преступлением).

2. **«Опера национале допалаворо»** (национальная организация рабочего досуга). Официально эта организация преследует культурные, общеобразовательные и спортивные цели. В действительности же ее основной задачей является отвлечение рабочих масс от классовой борьбы.

3. **«Опера национале Балилла»** (национальная организация Балилла). Эта организация объединяет детей и имеет основной задачей воспитание подрастающего поколения в духе религиозности, слепого послушания, крайнего шовинизма и милитаризма.

Муссолини Бенито (1883). Председатель совета министров, министр иностранных дел, министр внутренних дел, министр корпораций, военный министр, морской министр, министр авиации, основатель и «вождь» фашистской партии. Был исключен в 1914 г. из социалистической партии за шовинизм и пропаганду за вступление Италии в войну.

Федерцони Луиджи (1878). Председатель сената. По профессии журналист. Был неоднократно министром. Бывший лидер итальянской националистической партии, объединившейся с фашистской партией.

Чиано Костанцо (1876). Председатель палаты депутатов. Адмирал. Заинтересован в ряде предприятий военной промышленности. Находится в особо близких отношениях с Муссолини.

Пирелли Альберто (1882). Председатель фашистской конфедерации промышленности. Председатель ассоциации акционерных обществ. Почетный председатель Международной торговой палаты. Владелец заводов «Пирелли и Ко»

(кабели, автошины и др.). Участник многочисленных промышленных предприятий и банков. До прихода фашизма к власти финансировал фашистское движение.

Бенни Стефано (1880). Министр железных дорог, почты и телеграфа и морского торгового флота. Председатель правления одного из крупнейших итальянских банков — «Банко ди Рома» и владелец заводов «Энрико Марелли и К°».

Таон ди Ревель Паоло (1888). Министр финансов. Сенатор. Председатель федерации землевладельцев. Бывший подеста (городской голова) города Турина.

Россони Эдмондо (1884). Министр земледелия и лесов. Организатор фашистских профсоюзов. Бывший заместитель председателя совета министров. Основатель газеты «Лаворо фашиста».

Аньелли Джованни (1866). Сенатор. Крупнейший промышленник (владелец заводов «Фиат» и шарикоподшипниковых заводов «Рив»). Пользуется большим влиянием в правительственных кругах.

Сувич Фульвио (1887). Товарищ министра иностранных дел. Адвокат. Член финансового комитета Лиги наций. Владелец многих промышленных предприятий.

Бианкини Джузеппе (1876). Товарищ министра финансов. Председатель конфедерации кредитных и страховых учреждений. Представитель Италии в финансовом комитете Лиги наций. Член совета Международной торговой палаты.

Лантини Ферруччио (1886). Товарищ министра корпораций. Бывший председатель фашистской конфедерации торговцев и национального экспортного института.

Сирианни Джузеппе (1874). Сенатор. Адмирал. Председатель правления контролируемого правительством акционерного общества «Ансальдо-Конье», представляющего собой крупнейшее объединение заводов тяжелой промышленности (в том числе оружейных заводов). Бывший морской министр.

ГАЗЕТЫ

В Италии легально существует только фашистская печать, казенно и однообразно освещающая все вопросы как внутренней, так и внешней политики. Деятельность печати строго опекается министерством печати и пропаганды, во главе которого находится доверенное лицо Муссолини — Галлеаццо Чиано. Важнейшие итальянские газеты:

«**Полопо д'Италия**» («Итальянский народ»). Официоз фашистской партии. Редактор — Вито Муссолини (племянник Бенито Муссолини). Главные сотрудники — Ксандро Джулиани и Гаэтано Польверелл. Особого внимания заслуживают статьи (набранные курсивом), которые пишет лично Муссолини или по его указанию министерство печати и пропаганды. Эти статьи в обязательном порядке воспроизводятся всей итальянской печатью.

«**Джорнале д'Италия**» («Итальянская газета»). Официоз министерства иностранных дел. Редактор — Вирджинио Гайда. Статьи Гайда обычно отражают официальную позицию итальянского правительства в основных вопросах взаимоотношений Италии с иностранными государствами.

«**Трибуна**». Редактор — Форджес Даванцати. В свое время эта газета, которая ранее называлась «Идея национале» («Национальная идея»), была органом итальянской националистической партии. Главные сотрудники — Гвидо Милелли и Гвидо Пуччио.

«**Лаворо фашиста**». («Фашистский труд»). Редактор — Герардо Казини. Орган фашистских профсоюзов, основной задачей которого является демагогическое освещение внутренней политики итальянского фашизма. Главные сотрудники — Джованни Энджели и Пьетро Сесса.

«**Корьере дела сера**» («Вечерний курьер»). Редактор — Альдо Борелли. В прошлом одна из наиболее распространенных газет Северной Италии. После фашизации газета утратила свое влияние. Главные сотрудники — Кончетто Петтинато и Альдо Вальори.

«**Стампа** («Печать»). Редактор — Альфредо Синьоретти. Главный сотрудник — Итало Дзингарелли. Газета уделяет особое внимание проблемам Юго-восточной Европы.

«Правда» от 25/VIII-35 г.

МАГНАТЫ ИТАЛЬЯНСКОГО КАПИТАЛА

Итальянский фашизм тщательно маскирует свое настоящее классовое лицо. Этому служит социальная демагогия о якобы надклассовом характере фашистского «корпоративного» государства, направленная к тому, чтобы оделать мелкобуржуазные массы слепым орудием в руках финансового капитала. Достаточно, однако, присмотреться, в чьих руках находятся командные высоты итальянского хозяйства, чтобы убедиться в том, чьими классовыми интересами определяется политика фашистов.

Крупнейшими из организаций финансового капитала в Италии являются: «Банка коммерциале итальяна», «Кредито итальяно» и «Банко ди Рома».

* * *

В период, предшествовавший мировой империалистической войне, «Банка коммерциале итальяна» почти целиком находился в руках иностранного, в частности германского, капитала («Дейче банк»). При создании банка из 20 тыс. акций итальянскому капиталу (графу Сансеверино Вимеркати) принадлежало только 100 акций. Во время мировой войны на находившиеся в Италии германские капиталы был наложен секвестр. Но и после этого иностранное влияние в «Банка коммерциале итальяна» осталось преобладающим. Место Германии заняли США, и во главе банка стал Джузеппе Теллич, тесно связанный с американским капиталом.

«Банка коммерциале итальяна» контролирует ряд крупнейших кредитных учреждений и промышленных предприятий. В металлургической и механической индустрии названный банк контролирует акционерные общества сталелитейных заводов «Ильва», «Терни», машиностроительные заводы «Эрнесто Бреда», судостроительные верфи «Сан Джорджио» и ряд других предприятий. В электротехнической и электродобывающей промышленности «Банка коммерциале итальяна» связан с наиболее крупными организациями — обществом «Эдиссон» и «Адриатическим обществом электричества».

«Банка коммерциале итальяна» контролирует крупнейший химический концерн «Монтекатини». Заслуживают внимания также связи банка с текстильной промышленностью и мореходными компаниями.

В 1925 г., когда перед итальянским финансовым капиталом с особой остротой встала задача привлечения капиталов из-за границы, министром финансов был назначен граф Вольпи ди Мазурата, прямо связанный с «Банка коммерциале итальяна». В результате его переговоров с организациями американского монополистического капитала американские капиталовложения в Италии за оравнительно короткий срок достигли около 7 млрд. лир. Большая часть этих капиталовложений была произведена через посредство «Банка коммерциале итальяна» и «Кредито итальяно».

Положение «Банка коммерциале итальяна» сильно пошатнулось в 1932 г. под влиянием мирового экономического кризиса. Банк был спасен от банкротства фашистским правительством, выкупившим через посредство специально созданной организации — «Института мобилиаре итальяно» портфель неликвидных ценностей на сумму в 3 млрд. лир. В результате «Банка коммерциале итальяна» в настоящее время делит свое влияние в промышленности с названной организацией, созданной Итальянским государственным банком. Санирование (оздоровление) «Банка коммерциале итальяна» было произведено из средств государственного казначейства, т. е. за счет налогоплательщиков. В этом лишний раз сказался подлинный характер фашизма, как агентуры финансового капитала.

* * *

В результате известного ослабления «Банка коммерциале итальяна» самой мощной организацией монополистического капитала в Италии оказался банк «Кредито итальяно».

Заслуживает внимания то обстоятельство, что круги, близкие к этому банку, принимали участие в финансировании фашистского движения в период, предшествовавший приходу фашизма к власти в Италии. Руководящая роль в этом отношении принадлежала Альберто Пирелли, владельцу ряда финан-

совых учреждений и промышленных предприятий. Пирелли в частности возглавляет акционерное общество «Пирелли и К°», объединяющее заводы кабелей и автомобильных шин. В настоящее время Альберто Пирелли является председателем национальной фашистской конференции промышленности и председателем ассоциации итальянских акционерных обществ. Он возглавляет также международную торговую палату.

Председателем «Кредито итальяно» является крупнейший импортер леса и владелец многочисленных лесоразработок в Италии и за границей (в Австрии) Фелетринелли.

«Кредито итальяно», так же, как и «Банка коммерциале итальяна», тесно связан почти со всеми отраслями хозяйственной жизни страны и контролирует множество кредитных и страховых учреждений, а также промышленных и торговых предприятий. «Кредито итальяно» контролирует триестинские судостроительные верфи, имеющие серьезное военное значение, акционерное общество «Сния Вискоза», являющееся крупнейшим производителем искусственного шелка в Европе, сталелитейные и железододелательные заводы в Дальмине и целый ряд других предприятий, в том числе мореходных компаний и железных дорог. «Кредито итальяно» связан с концерном «Фиат». Владелцем автомобильного завода «Фиат», а также завода авиационных моторов «Гранди мотори» и шарикоподшипникового завода «Рив» является Джованни Аньелли, один из крупнейших итальянских капиталистов. Аньелли не занимает официального положения в правительстве, но он пользуется в правительственных кругах и лично у главы итальянского правительства огромным влиянием.

«Кредито итальяно» тесно связан с итальянской полуправительственной монопольной нефтяной организацией «Ациенда дженерале итальяна деи петроли» (эта организация сокращенно называется «Аджип»).

Италия, как известно, не имеет ни в метрополии, ни в своих колониях собственных источников нефти и находится в этом отношении в прямой зависимости от иностранного капитала. «Аджип» был создан со специальной целью добиться ослабления этой зависимости путем изыскания нефтяных источников в самой стране и обеспечения итальянскому финансовому капиталу нефтяных концессий за границей, а также путем заключения с нефтяными организациями, не связанными с мировыми нефтяными трестами, долгосрочных договоров на снабжение Италии нефтепродуктами. «Аджип» удалось получить крупные концессии в Албании и Румынии. Эта организация заинтересована также в монопольной нефти (правда, к эксплуатационной концессии на левом берегу Тигра, доля в которой принадлежит «Аджип», до сих пор еще не приступлено, так как англичане предпочитают консервировать эту концессию). Нефтяные интересы «Кредито итальяно» сыграли, повидимому, не последнюю роль в активизации колониальных захватнических планов Италии в Восточной Африке.

* * *

«Банко ди Рома» контролирует несколько меньшее количество кредитных учреждений и промышленных предприятий, нежели упомянутые выше банки, однако, удельный вес «Банко ди Рома» в итальянской экономике достаточно велик. Председателем банка является Стефано Бенни, владелец электромеханических заводов «Энрико Марелли и К°», бывший председатель фашистской конфедерации промышленности. В настоящее время он — министр железных дорог, почт и телеграфа и морского торгового флота. Последнее приобретает особое значение если учесть серьезную заинтересованность «Банко ди Рома», как и других итальянских банков, в деятельности ряда судостроительных верфей и мореходных компаний. Вместе с тем следует отметить, что «Банко ди Рома» особо специализировался на финансировании торговых предприятий, земельном кредитовании и на колониальных предприятиях.

* * *

История капиталистического развития Италии изобилует эпизодами самой ожесточенной конкурентной борьбы отдельных групп финансового капитала. Во время империалистической войны в Италии существовал «Банко ди Скопто», во главе которого стояли братья Марио и Пию Перроне.

Особая роль этого банка определялась тем, что он контролировал большую часть предприятий тяжелой промышленности, в частности сталелитейные и оружейные заводы концерна «Ансальдо». Считается общепризнанным фактом, что Италия сумела оправиться от серьезного поражения итальянской армии при Капоретто в 1918 г. в значительной степени благодаря хорошо налаженной деятельности оружейных заводов «Ансальдо».

По окончании войны эти заводы лишились правительственных заказов, в результате чего у «Банко ди Сконто» оказался дефицит в 800 млн. лир. Попытки спасти «Банко ди Сконто» закончились неудачей в виду категорического отказа «Банка коммерциале итальяна» и «Кредито итальяно» участвовать в его санировании. В результате банкротства «Банко ди Сконто» контролируемые им предприятия были за бесценок скуплены другими монополистическими организациями.

Этот эпизод имеет не только историческое значение. В Италии сейчас при непосредственном воздействии правительства происходит собрание в один концерн всех предприятий тяжелой промышленности, ранее контролировавшихся «Банко ди Сконто». В сентябре 1934 г. был создан концерн «Ансальдо-Конье», возникший в результате объединения ряда железноделательных, сталелитейных, оружейных, электромеханических и паровозостроительных заводов, угольных копей, автомобильных предприятий, а также судостроительных верфей. Во главе концерна стоит адмирал Сирианни, бывший до недавнего времени морским министром. Образование концерна «Ансальдо-Конье» свидетельствует о намерении итальянского монополистического капитала привести тяжелую промышленность страны в состояние полной мобилизационной готовности.

* * *

Экономическое положение Италии крайне неблагоприятно. Кризис отразился на положении всех решительно отраслей народного хозяйства. Индекс общей активности итальянской промышленности понизился со 109,2 в 1929 г. (за 100 принят 1928 г.) до 88,3 в 1934 г. Обострение конкурентной борьбы на внешних рынках с особой силой отразилось на состоянии внешней торговли: внешнеторговый оборот в 1934 г. составил только 35% оборота 1929 г. Наконец, за последние четыре года общий акционерный капитал Италии уменьшился на 8 млрд. лир.

Финансовый капитал стремится найти выход из кризиса путем войны за превращение Абиссинии в колонию Италии. Война в Восточной Африке и связанное с нею обострение общих империалистических противоречий могут лишь ухудшить и без того достаточно напряженное хозяйственное и политическое положение Италии.

Т. КОРРАДОВ

«Правда» от 13/IX-35 г. № 253.

ИЗ СТАТУТА ЛИГИ НАЦИЙ

О ПРИМЕНЕНИИ САНКЦИЙ ПРОТИВ ЧЛЕНА ЛИГИ НАЦИЙ, НАРУШИВШЕГО СТАТУТ, УТВЕРЖДЕННЫЙ 28 АПРЕЛЯ 1919 ГОДА

Статья 12. Все Члены Лиги соглашаются, что если между ними возникнет спор, могущий повлечь за собой разрыв, то они подвергнут его либо третейскому разбирательству, либо рассмотрению Совета.

Они соглашаются еще, что они ни в каком случае не должны прибегать к войне до истечения трехмесячного срока после решения третейских судей или доклада Совета.

Во всех случаях, предусмотренных этой статьей, решение третейских судей должно быть вынесено в течение разумного срока, а доклад Совета должен быть составлен в течение шести месяцев, считая со дня представления спора на его рассмотрение.

Статья 13. Члены Лиги соглашаются, что если между ними возникнет спор, могущий, по их мнению, быть разрешенным третейским судом, и если этот

спор не может быть удовлетворительно урегулирован дипломатическим путем, то вопрос будет полностью подвергнут третейскому разбирательству.

Объявляются принадлежащими к числу вопросов, вообще подлежащих третейскому разрешению, споры, которые относятся к толкованию какого-либо договора, ко всякому вопросу международного права, к наличию всякого факта, который, будучи установлен, составил бы нарушение международного обязательства, или к объему и способу возмещения, следующего за такое нарушение.

Третейским судом, которому передается дело, является суд, указанный сторонами или предусмотренный в их предшествовавших соглашениях.

Члены Лиги обязуются выполнять добросовестно вынесенные решения и не прибегать к войне против Члена Лиги, который будет с ними сообразоваться. В случае невыполнения решения, Совет предлагает меры, которые должны обеспечить действие решения.

Статья 15. Если между Членами Лиги возникнет спор, могущий повлечь за собой разрыв, и если этот спор не будет подвергнут третейскому разбирательству, предусмотренному в ст. 13, то Члены Лиги соглашаются представить его Совету. Для этого достаточно, чтобы один из них указал на этот спор Генеральному Секретарю, который принимает все меры для полного расследования и рассмотрения.

В кратчайший срок стороны должны сообщить ему изложение их дела со всеми относящимися сюда фактами и оправдательными документами. Совет может распорядиться об их немедленном опубликовании.

Совет прилагает усилия к тому, чтобы обеспечить урегулирование спора. Если ему это удастся, то он публикует в той мере, в какой сочтет нужным, изложение, передающее факты, соответствующие разъяснения и условия этого урегулирования.

Если спор не мог быть урегулирован, то Совет составляет и публикует доклад, принятый либо единогласно, либо по большинству голосов, для осведомления об обстоятельствах спора, а также решения, предлагаемые им, как наиболее справедливые и наиболее подходящие к случаю.

Всякий Член Лиги, представленный в Совете, может равным образом публиковать изложение фактов, относящихся к спору, и свои собственные выводы.

Если доклад Совета принят единогласно, причем голоса представителей сторон не учитываются при установлении этого единогласия, то Члены Лиги обязуются не прибегать к войне против всякой стороны, которая сообразуется с выводами доклада.

В том случае, когда Совету не удастся достигнуть принятия его доклада всеми его Членами, кроме представителей всякой стороны в споре, Члены Лиги оставляют за собой право поступать, как они считают подходящим для сохранения права и правосудия.

Если одна из сторон утверждает и если Совет признает, что спор касается вопроса, предоставляемого международным правом исключительно ведению этой стороны, то Совет констатирует это в докладе, не предлагая, однако, какого-либо решения. Совет может, во всех случаях, предусмотренных в настоящей статье, внести спор в Собрание. Собрание должно будет заниматься рассмотрением спора также и по ходатайству одной из сторон; его ходатайство должно быть представлено в течение четырнадцати дней, считая с момента, когда спор внесен в Совет.

Во всяком деле, переданном Собранию, постановления настоящей статьи и статьи 12, относящиеся к действиям и полномочиям Совета, равным образом применяются к действиям и полномочиям Собрания. Условлено, что доклад, составленный Собранием с одобрения представителей Членов Лиги, представленных в Совете, и большинства других Членов Лиги, за исключением в каждом случае представителей сторон, имеет ту же силу, как и доклад Совета, единогласно принятый его Членами, кроме представителей сторон.

Статья 16. Если Член Лиги прибегает к войне, в противность обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15, то он *ipso facto* рассматривается, как совершивший акт войны против всех других Членов Лиги. Последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государ-

ства, нарушившего Статут, и прекратить всякие финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно Членом Лиги или нет.

В этом случае Совет обязан предложить различным заинтересованным правительствам тот численный состав военной, морской или воздушной силы, посредством которого Члены Лиги будут, по принадлежности, участвовать в вооруженных силах, предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги.

Члены Лиги соглашаются, кроме того, оказывать друг другу взаимную поддержку при применении экономических и финансовых мер, которые должны быть приняты в силу настоящей статьи, чтобы сократить до минимума могущие произойти из них потери и неудобства. Они равным образом оказывают взаимную поддержку для противодействия всякой специальной мере, направленной против одного из них государством, нарушившим Статут. Они принимают необходимые постановления для облегчения прохода через их территорию сил всякого Члена Лиги, участвующего в общем действии для поддержания уважения к обязательствам Лиги.

Может быть исключен из Лиги всякий Член, оказавшийся виновным в нарушении одного из обязательств, вытекающих из Статута. Исключение выносится голосами всех остальных Членов Лиги, представленных в Совете.

САНКЦИИ ПРОТИВ ИТАЛИИ

Предложение № 1

Комитет по координации санкций утвердил 11 октября следующий список оружия, военного снаряжения и военных материалов, экспорт, реэкспорт и транзит которых в Италию воспрещен. (Предложение № 1)

Категория первая

§ 1. Ружья и карабины калибром больше 6,625 миллиметра, а также стволы к ним.

§ 2. Пулеметы, автоматические ружья и автоматические пистолеты всех калибров, а также стволы к ним.

§ 3. Орудия, гаубицы и мортиры всех калибров, а также станки и стволы к ним.

§ 4. Огнеприпасы для оружия, выше перечисленного в параграфах 1-м и 2-м, т. е. огнеприпасы со стальной оболочкой и большой мощности калибра выше 6,625 миллиметра, а также начиненные или неначиненные снаряды для оружия, выше перечисленного в § 3-м, и лишь выбрасывательные заряды в случаях, когда толщина их стенок равна или превышает 37 миллиметров.

§ 5. Начиненные и неначиненные гранаты, бомбы, торпеды и мины, а также аппараты для метания или взрыва их.

§ 6. Танки, блиндированные военные повозки, блиндированные поезда.

Категория вторая

Военные корабли всех видов, включая сюда авианосцы и подводные лодки.

Категория третья

§ 1. Собранные и разобранные летательные аппараты тяжелее или легче воздуха, задуманные, приспособленные и предназначенные либо для воздушных боев с помощью пулеметов или артиллерий, либо же для перевозки или метания бомб, а также аппараты, которые по своему замыслу или конструкции приспособлены к установке на них аппаратов, перечисленных в следующем параграфе 2-м.

§ 2. Авиационные орудийные и пулеметные башни и станки, приспособленные для перевозки торпед и приспособления для бросания бомб и торпед.

Категория четвертая

Автоматические револьверы и пистолеты весом более 630 граммов и калибром более 6,625 миллиметра, а также огнестрельные к ним.

Категория пятая

§ 1. Собранные или разобранные летательные аппараты тяжелее или легче воздуха, кроме тех, которые перечислены в категории третьей.

§ 2. Торпеды, фюзеляжи, остовы, рули управления или высоты и приспособления для приземления.

§ 3. Авиамоторы.

Категория шестая

§ 1. Огнеметы и газовыбрасыватели.

§ 2. Горючий газ, люизит, этил-дихлорарсин и метил-дихлорарсин.

§ 3. Порох и взрывчатые вещества.

Предложение № 2

Комитет по координации санкций 14 октября принял программу финансовых санкций против Италии. (Предложение № 2)

Санкции эти сводятся к следующему:

1. Отказ от предоставления всяких кредитов итальянскому правительству, а также от подписки на выпускаемые итальянским правительством займы.

2. Те же меры должны быть проведены в отношении учреждений, компаний и частных лиц, находящихся на итальянской территории.

3. Прекращение предоставления банковских кредитов итальянскому правительству.

4. Такой же запрет в отношении учреждений, компаний и частных лиц, находящихся на итальянской территории.

5. Отказ от выпуска и подписки на акции и от других биржевых операций, имеющих целью финансирование итальянского правительства или учреждений, компаний и частных лиц, находящихся на итальянской территории.

6. Прекращение начатых, но еще не завершенных кредитных операций, перечисленных выше.

7. Отказ от тех же операций в отношении третьих государств, объединений или частных лиц, которые играют или могли бы играть роль посредников Италии.

Все эти меры должны быть проведены немедленно.

Предложения №№ 3, 4, 5

Комитет по координации санкций 18 октября принял «предложение № 3» (запрещение ввоза итальянских продуктов и товаров в страны, состоящие членами Лиги наций), «предложение № 4» (запрещение ввоза в Италию некоторых продуктов) и «предложение № 5» (организация взаимной поддержки).

Предложение № 3

ЗАПРЕЩЕНИЕ ВВОЗА ИТАЛЬЯНСКИХ ТОВАРОВ

В целях облегчения правительствам государств членов Лиги наций выполнения их обязательств по статье 16-й устава надлежит принять следующие меры:

«1. Правительства государств членов Лиги наций запретят ввоз на их территории всяких товаров (за исключением золота и серебра в слитках или монете), происходящих из Италии или итальянских владений, или же выращенных, добытых или изготовленных в Италии или ее владениях независимо от места их отправки.

2. Продукты почвы и товары, добытые в Италии или итальянских владениях, подвергшиеся затем переработке в другой стране, а также товары, изготовленные частично в Италии, а частично в другой стране, будут рассматриваться, как подпадающие под запрещение. (Далее говорится о некоторых, главным образом, временных изъятиях.)

Каждое правительство приглашается возможно скорее и не позднее 28 октября сообщить через генерального секретаря Лиги наций комитету координации дату, в которую они смогут быть готовы к проведению этих мер. Комитет по координации соберется 31 октября для того, чтобы фиксировать, в зависимости от полученных ответов, дату вступления этих мер в силу».

Предложение № 4

ЭМБАРГО НА ВЫВОЗ В ИТАЛИЮ

В целях облегчения правительствам государств членов Лиги наций выполнения их обязательств по статье 16 устава надлежит принять следующие меры:

1. Правительства государств членов Лиги наций распространяют применение параграфа 2 предложения № 1 комитета координации на следующие продукты в том, что касается экспорта и реэкспорта в Италию и итальянские владения, экспорта и реэкспорта, которые будут, таким образом, запрещены:

А) Лошади, мулы, ослы, верблюды и всякие другие вьючные животные.

Б) Каучук.

В) Боксит, алюминий, глинозем, железная руда и железный лом; хром, марганец, никель, титан, вольфрам, ванадий, их руды и ферро-сплавы (как ферро-молибден, ферро-силико-марганце-алюминий, ферро-силиций, ферро-силико-марганец); олово и оловянные руды.

Список включает в себя все необработанные виды названных в нем минералов и металлов, их руды, отходы и сплавы.

2. Правительства государств членов Лиги наций примут необходимые меры к тому, чтобы продукты, перечисленные в пункте 1-м и вывезенные в другие страны помимо Италии и итальянских владений, не реэкспортировались прямо или косвенно в Италию и итальянские владения.

(О сроках введения в действие говорится то же, что и в отношении предложения № 3).

Внимание комитета координации было обращено на возможность расширения вышеперечисленных предложений на ряд других продуктов. Он поручает комитету 18-ти представить на рассмотрение правительств все полезные предложения на этот счет».

Предложение № 5

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Комитет координации обращает совершенно особое внимание всех правительств на их обязательства по параграфу 3 статьи 16 устава, в силу которого члены Лиги соглашаются оказывать друг другу взаимную поддержку в применении экономических и финансовых мер, принимаемых в порядке этой статьи.

Дабы осуществить на практике это обязательство, правительства государств членов Лиги наций:

А) Издадут немедленно распоряжения, необходимые для того, чтобы ни одна мера, принятая во исполнение статьи 16-й, не лишала какую-нибудь страну, применяющую санкции, выгод, которые обеспечивали ей, в силу клаузулы наиболее благоприятствуемой нации, торговые договоры, заключенные между Италией и странами — участницами санкций.

Б) Примут в пределах потребностей их стран соответствующие меры к тому, чтобы заместить импорт итальянского происхождения импортом аналогичных продуктов, происходящих из стран — участниц санкций.

В) Согласятся с момента вхождения в действие экономических санкций вступить в переговоры со всяким, участвующим в санкциях и несущим от этого ущерб государством, с целью увеличить продажу товаров и возместить таким образом потерю итальянских рынков, вызванную применением санкций.

(Вторая часть предложения предусматривает некоторые мероприятия, предлагаемые в развитие мер, изложенных выше, в частности, участие в организации международной системы сбыта товаров, дабы возместить всякую потерю итальянских рынков, вытекающую из применения санкций).

Далее говорится, что правительства «изучат кроме того на тех же условиях возможность финансовых или иных мер в дополнение к мерам коммерческого порядка, поскольку эти последние не обеспечили бы достаточной международной взаимопомощи».

* * *

Санкции эти вводятся в действие с 18 ноября.

ИТАЛО-АБИССИНСКАЯ ВОЙНА 1895-1896 гг.

Италия начала борьбу за проникновение в Абиссинию еще в 80-х годах прошлого столетия. Это привело к итало-абиссинской войне, которая началась в 1895 г.

Итальянские войска в Африке в значительной степени состояли из местных туземцев, руководимых итальянскими офицерами и унтер-офицерами.

Пехота вооружена была отчасти ружьем образца 1887 г., отчасти скорострельным ружьем калибра 6,5 мм. Артиллерия состояла из 42-мм, горных пушек.

Численность постоянной наемной армии Абиссинии как императорской, так и вассальной была незначительна. Насчитывая населения до 4 млн., абиссинское правительство имело возможность, в случае надобности, собрать 200-тысячную армию.

Артиллерия абиссинцев состояла только из 26 горных орудий, преимущественно мелких калибров. На ряду с крупновскими орудиями, абиссинская артиллерия насчитывала в своем составе также орудия, заряжающиеся с дула. Число орудий впоследствии было увеличено. Имелось также несколько минометов. Вообще абиссинская артиллерия серьезной роли не играла вследствие отсутствия хорошо обученных артиллеристов.

Бойцы абиссинской армии частично имели на вооружении скорострельные ружья Ремингтона, Веттерли и Гра без штыков, частично устарелые французские ружья Шаспо, русские берданки и ряд ружей других систем. Помимо того каждый воин имел при себе саблю или копье и кожаный щит. Вооружение кавалерии составляло копье с наконечником в виде кинжала. Часть конницы была вооружена ружьями.

В общей сложности Абиссиния выставила против итальянцев около 80 000 человек пехоты, 9000 конницы и 72 орудия, кроме войск, оставшихся для несения внутренней охраны в стране.

Никаких уставов абиссинская армия не имела, и никакой боевой подготовки в мирное время не существовало.

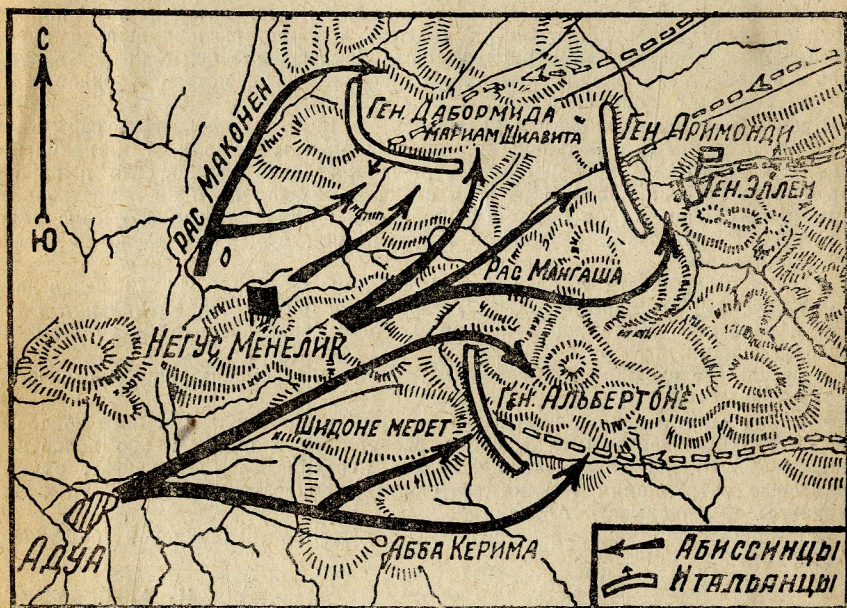
Ряд мелких сражений в течение первых месяцев 1895 г., закончившихся успехом итальянцев, обнаружил большое упорство абиссинцев в борьбе за независимость. Итальянское правительство приступило к более интенсивной переброске своих войск в Африку, и к концу 1895 г. командующий итальянскими войсками Баратьери располагал в Абиссинии 20 000 человек, главные силы которых сосредоточены были в районе Адиграта. Отряд Тезелли, включавший в себя 2500 человек и 4 орудия, был выдвинут к ущелью Амба-Аладжи. Отряд Галлиано — около 1200 человек при 2 орудиях — располагался в Макале.

Слухи о приближении с юга абиссинских войск не беспокоили Баратьери, рассчитывавшего на крайнюю медленность движения противника в гористой местности. Но абиссинцы появились у Амба-Аладжи раньше, чем их ожидали.

На рассвете 7 декабря абиссинцы, численностью около 25 000 человек, под командованием раса Маконена, перешли в наступление тремя колоннами

с охватом обоих флангов растянутого фронта итальянцев. Путь отступления итальянцев тянулся вдоль горного дефиле, затруднявшего движение. В ожидании обещанного подкрепления Тезелли держался, неся огромные потери, но после семичасового боя, закончившегося рукопашной схваткой, Амба-Аладжи оказалась в руках абиссинцев. Только 200 итальянцев сумели прорваться к северу. Остальные погибли.

Выдвинувшись к северу, рас Маконен окружил укрепленный город Макале, где оборонялся отряд Галлиано, усиленный остатками отряда Тезелли. В то же время к Макале подошли главные силы абиссинцев под командованием негуса Менелика II. Объединенные силы абиссинцев составляли уже около 60 000 человек и 40 орудий, тогда как Баратьеры на всем фронте имел не более 26 000 человек. Галлиано продержался несколько дней, отбивая атаки противника, но недостаток воды вынудил его капитулировать.

Расположение итальянских и абиссинских войск во время битвы при Адуде, закончившейся разгромом итальянской армии в войне 1895—1896 гг.

Менелик перебросил свои войска в Адуду, создав при этом угрозу сообщениям итальянцев. Одновременно восставшие против итальянцев туземцы прервали в их тылу телеграфный провод.

Тяжелое положение итальянских войск в Абиссинии учитывалось правительством, принявшим решение о переброске на театр войны дополнительных сил, а неудовлетворительная деятельность Баратьеры повлекла за собой решение правительства отозвать его и назначить нового командующего итальянскими войсками в Африке. Однако, Баратьеры решил попытаться пожать лавры до своего смещения и, имея в своем распоряжении около 20 000 человек и 62 орудия, помимо войск, отвлеченных для охраны сообщений, перешел в наступление против превосходных сил абиссинцев. Желая еще более ослабить силу сопротивления своего противника, Баратьеры решил атаковать в воскресный день, 1 марта, зная, что абиссинцы — ревностные христиане — этот день проводят в усердной молитве.

Имея весьма слабое представление о силах и группировке абиссинцев, Баратьеры повел свои голодные, вследствие недостатка продовольствия войска

в наступление на Адую по незнакомой местности. Итальянцы двигались тремя колоннами без целеустремленных задач.

Никакой разведки наступающие не вели и связи между собою не имели из-за крайней пересеченности местности, а о цели движения не знали не только солдаты, но и офицеры.

Первое столкновение с абиссинцами произошло в левой колонне, которая на рассвете 1 марта неожиданно вплотную подошла к передовым постам противника.

Главные силы абиссинцев, руководимые негусом Менеликом, перешли из Адуй в решительное контрнаступление, вплотную охватывая оба фланга левой колонны противника. Маневр абиссинцев был облегчен тем, что итальянская артиллерия лишена была возможности стрелять из опасения поразить своих. Одновременно с этим абиссинцы захватили проход в высотах Реби-Ариенне, что привело все три колонны итальянцев к изоляции друг от друга.

Покончив к 10 часам с левой колонной, остатки которой в беспорядке отступили, абиссинцы двинулись к средней колонне, развернувшейся вместе с резервом на высотах Реби-Ариенне. После двухчасового боя с превосходными силами африканцев средняя колонна, понеся крупные потери в рукопашной схватке, бежала с поля сражения.

Правая колонна итальянцев держалась до 16 часов, после чего с огромными потерями отступила в большой панике. Итальянцы бежали в направлении Асмары и Ади-Кайе, причем паника была настолько велика, что в первый день бегства остатки войск Баратьери сделали переход в 70 км. Баратьери со своим начальником штаба бежали раньше своих войск и, как это выяснилось на судебном процессе в результате разгрома под Адудей, 45 часов не имели с войсками связи.

В общей сложности в этом бою итальянцы потеряли 14 573 человека и в том числе 298 офицеров. Убитых было около 10 000. Вся артиллерия Баратьери и весь обоз достались абиссинцам. Абиссинцы потеряли 4000 убитыми и 6000 ранеными.

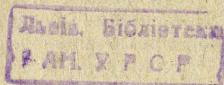
В результате этой победы северная граница абиссинского королевства была восстановлена.

К концу апреля 1896 г. новый главнокомандующий итальянскими войсками в Африке Бальдиссера имел в своем распоряжении около 18 000 человек и в начале мая даже начал нерешительное наступление на Адиграт, однако, финансовые затруднения Италии заставили правительство прекратить войну и признать независимость Абиссинии.

Так, неудачной оказалась попытка вторжения итальянской буржуазии в Абиссинию.

Н. А. ЛЕВИЦКИЙ

«Красная звезда» от 3/X-35 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Подготовка военной авантюры итальянского империализма	
П. Лисовский. Новый этап в борьбе итальянского империализма за колонии	3
Ю. Р. Борьба вокруг Абиссинии	7
Война началась	
ЦО „Правда“. Война в Восточной Африке	10
К. Радек. Война фашистской Италии против Абиссинии	12 ✓
К. Радек. Условия войны в Абиссинии	18 ✓
К. Радек. На полях сражений	23 ✓
Ю. Р. 100 дней войны	27
Итало-абиссинская война и противоречия в империалистическом лагере	
К. Радек. Итало-абиссинская война и великие империалистические державы	30 ✓
К. Радек. Германия и война в Абиссинии	57 ✓
Е. Жуков. Япония и итало-абиссинская война	60
К. Радек. Санкции	65 ✓
С. Э. Суэцкий канал	71
„Вю“. Если бы началась англо-итальянская война	73
К. Радек. Лига наций и раздел Абиссинии	76 ✓
И. Ерухимович. Последствия „ошибки“ Хора	83
Н. М. Царская Россия и Абиссиния	85
Международный пролетариат и война	
Долой войну! (Обращение ИККИ).	88
Обращение ИККИ к II Интернационалу и ответ II Интернационала	90
Заединство действий мирового пролетариата (Заявление ИККИ)	92
СССР и Итало-абиссинская война	
Выступление тов. Литвинова на заседании Совета Лиги наций 5 сентября	96
Речь тов. Литвинова на пленуме Лиги наций 14 сентября	98
Выступление тов. Потемкина на пленуме Лиги наций 10 октября	104
Заявление тов. Литвинова в Большом комитете по санкциям 20 октября	105
В. Молотов. Из доклада на 2-й сессии ЦИК VII созыва	106
	201

Судьбы итальянского фашизма

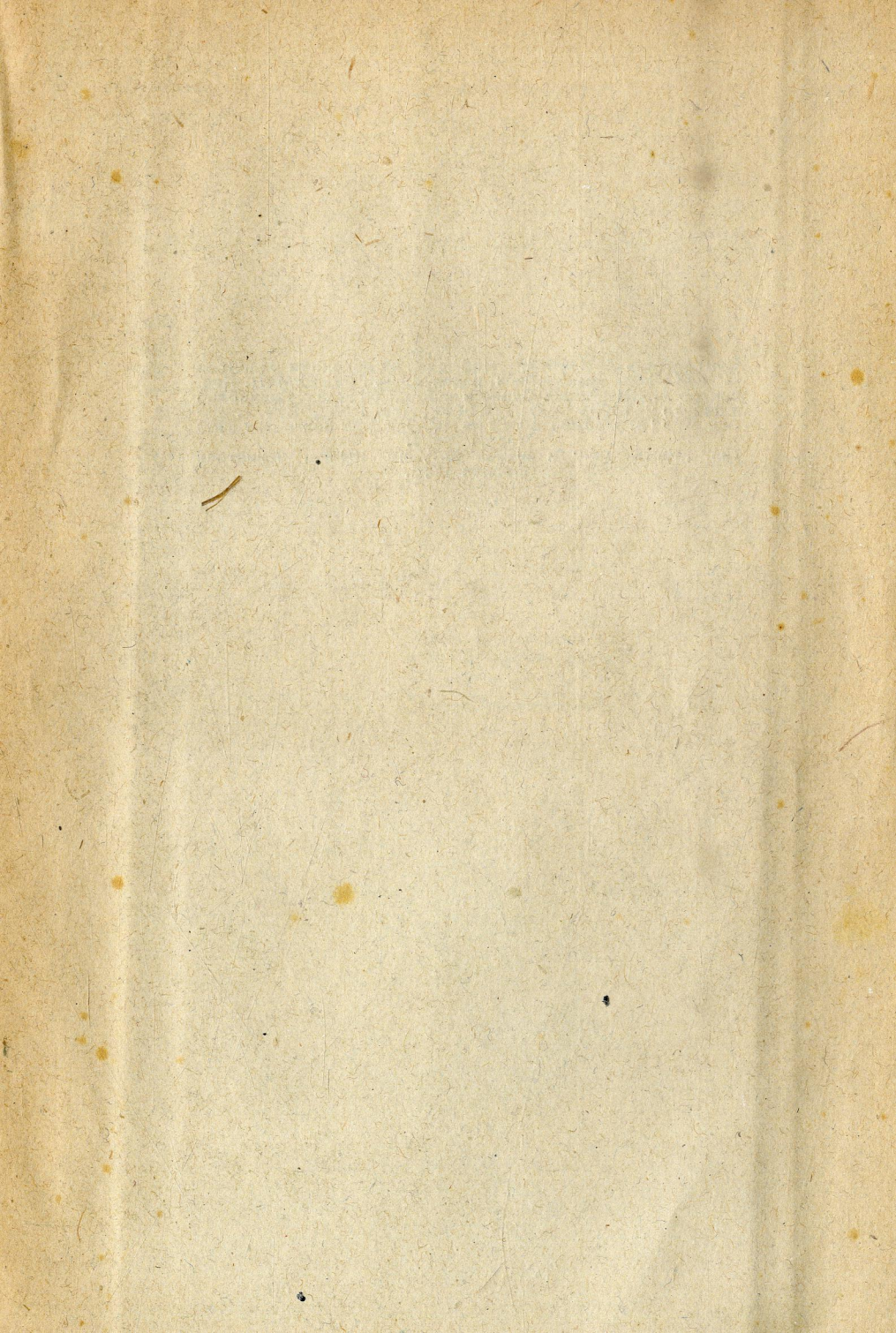
Эрколи. Итало-абиссинская война и борьба с фашизмом	109
А. В. Тяжелые испытания для фашистского режима Италии	120
К. Радек. Исторический пример	123
К. Радек. В полосе испытаний	126
Дж. Капрарола. Обыватель пьет чашу до дна	128

Очерки по Абиссинии и итальянским колониям

К. Радек. Абиссиния, как она есть	134
В. Санчов. Путешествие по Абиссинии	143
В. Санчов. Аддис-Абеба	158
Н. Вавилов. Советская экспедиция в Абиссинии	163
М. Кудлаева. Месяц в Эритрее	175

Справочный материал

Б. Александров. Абиссиния	180
М. Симонов. Организация абиссинской армии	183
ЦО „Правда“. Руководители итальянской армии	186
Италии Политические партии, деятели и печать	188
Т. Коррадов. Магнаты итальянского капитала	191
Из статута Лиги наций	193
Санкции против Италии	195
Н. А. Левицкий. Итало-абиссинская война 1895—1896 гг.	198

Составитель Л. КАННЕР. Наблюдал за изданием редактор
В. МИХАЛЕН. Технический редактор А. ГЛЕЗЕРМАН. Кор-
ректор А. СМИРНОВ. Сдано в набор 3/XII 1935 г. Подписано
к печати 29/I 1936 г. ОСТ 62X88. Атв. л. 16 $\frac{1}{2}$. Бум. л. 6 $\frac{1}{2}$.
Тип. зн. в 1 б. л. 80 000 ЛОИЗ №149. Зак. 2188 Ленгорлит 3266
Тираж 25000.

Тип. „Коминтерн“ и школа ФЭУ им. КИМ'а. Ленинград
Красная ул., 1.

34
до
КА
АД
ЖИВ
л Хол
е
е дук
пен

Львів. Бібліотек.
АМ. УРСР

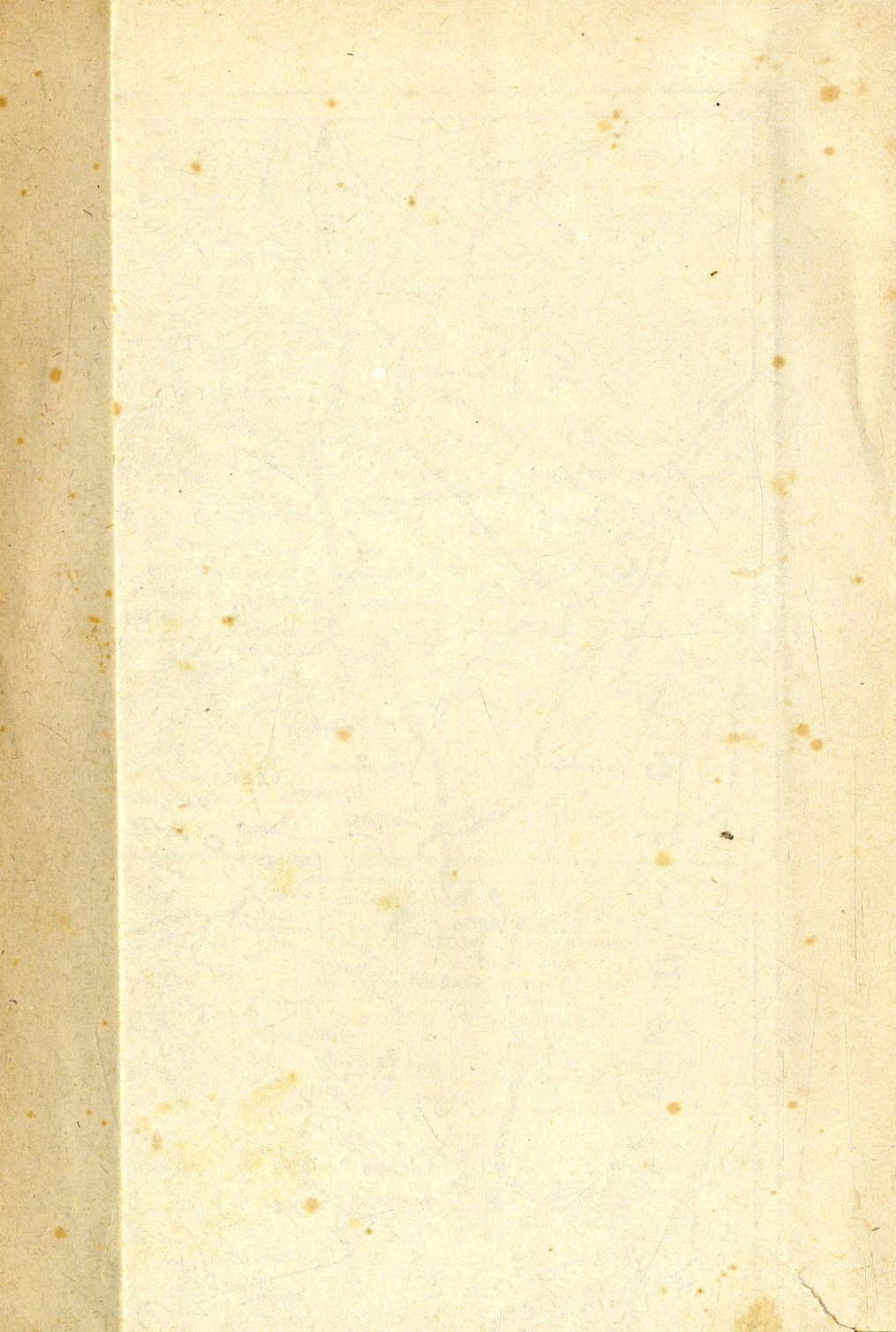

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА
АФРИКИ

АБИССИНИЯ

МАСШТАБ В АНГЛИЙСКИХ МИЛЯХ
(1 миля = 1,6 км.)

- ОБОЗНАЧЕНИЯ:
- железные дороги
 - караванные пути
 - горы и возвышенности

6,03 (1987)

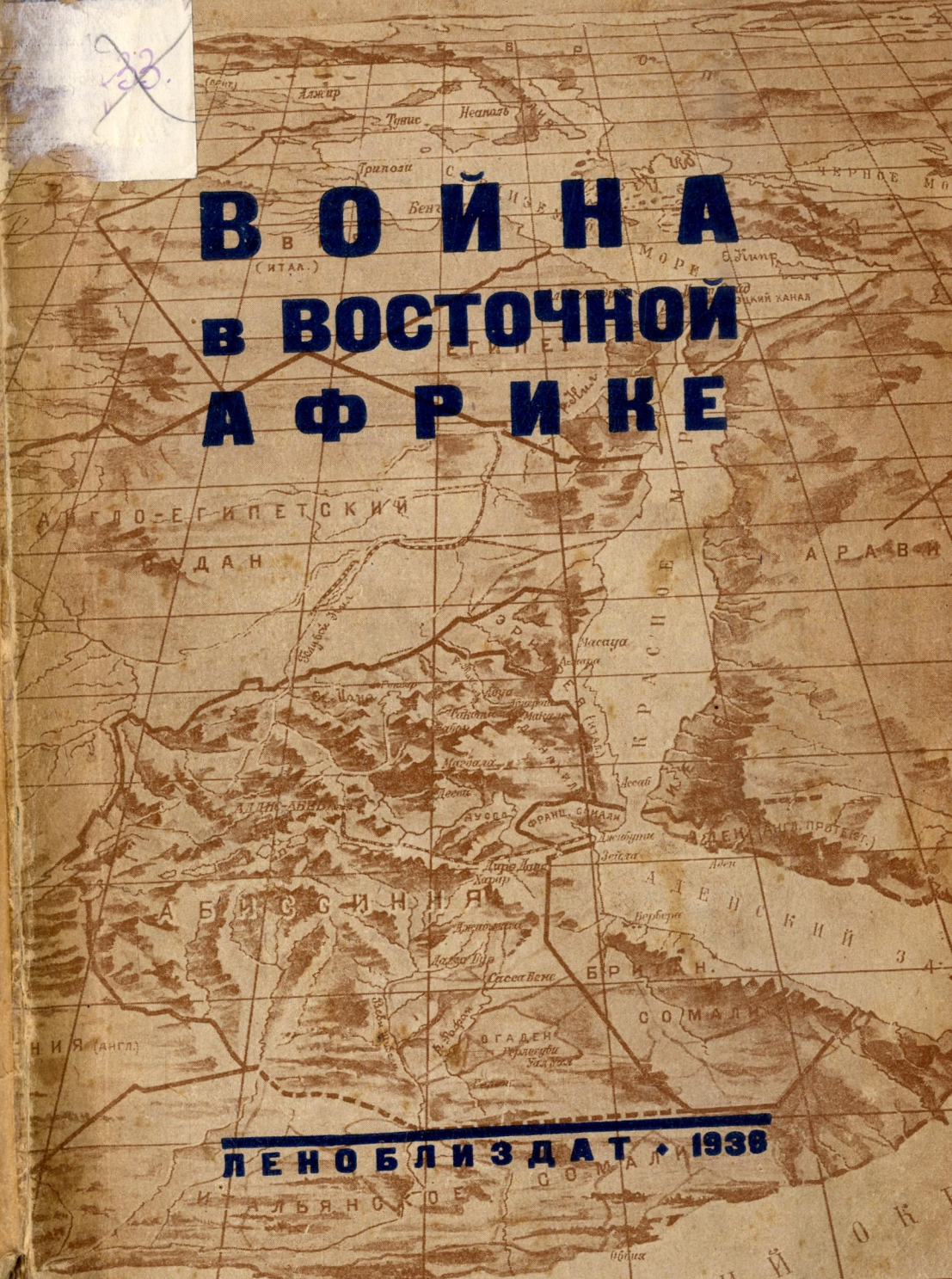
Цена 1 руб. 50 коп.

6811
РЛ у

МОЗГОМ
23

ВОЙНА В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

ВОЙНА В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

ЛЕНОБЛИЗДАТ, 1938